

БИБЛИОТЕКА

СВЕТАНА АРОЗОВА

КОДЕКС
ВЫЖИВШЕГО

ДОБРО

Ли

Бу

Светлана Дроздова

Кодекс выжившего

<https://litres.ru/74664588>

SelfPub; 2026

Аннотация

В постапокалиптическом мире, где цивилизация практически уничтожена, главный герой — библиотекарь Никита Воронов — уже двадцать лет выживает в подвале библиотеки. Его рутина включает сбор дождевой воды, охоту на крыс и чтение книг вслух.

Однажды во время вылазки за припасами Никита обнаруживает подземный бункер с работающим экзоскелетом, оснащённым искусственным интеллектом по имени ДОБРО. Этот ИИ, несмотря на отсутствие основного источника питания, продолжает функционировать в режиме энергосбережения, ожидая возможности помочь своему будущему пользователю.

В произведении переплетаются темы одиночества, выживания и человеческой потребности в общении. Главный герой, привыкший к полной изоляции, сталкивается с неожиданным компаньоном — разумной машиной, которая меняет его представление о мире. Автор исследует вопросы человечности, искусственного интеллекта и возможности сохранения культуры в условиях тотальной катастрофы.

Светлана Дроздова

Кодекс выжившего

Глава 1. Человек среди полок

Утро в подвале библиотеки №7 начиналось не с света — света не было — а с звука. Капель падала в жестяную банку с мерной аккуратностью метронома: кап, пауза, кап, пауза, кап. Никита Воронов знал этот ритм лучше, чем собственное сердцебиение. Двадцать лет по четыре капли в минуту — если счёт сбивался, значит, протёк новый участок трубы, значит, нужно ставить ещё одну банку, значит, день начался не зря.

Он лежал на топчане из распоротых книг — не из хороших, из справочников по сельскому хозяйству, которые и до катастрофы никто не читал — и смотрел в потолок. Потолок был низкий, бетонный, с пятнами сырости, похожими на карты неизвестных континентов. Он давно придумал им названия: вот это — Архипелаг Плесени, а вон то, растекшееся в углу, — Море Затхлости. Когда-то он смеялся над этим. Сейчас просто отмечал: плесень расплзлась на два сантиметра дальше, чем вчера. Значит, влажность растёт. Значит,

скоро придётся переносить книги из дальнего угла.

Никита сел, свесил ноги с топчана, нашупал очки. Левое стекло треснуло ещё лет пять назад, и он заклеил трещину смолой — коричневой, мутноватой, отчего мир через неё виделся как сквозь бутылку тёмного пива. Правое было цело, но поцарапано, и в нём всё двоилось, если смотреть под углом. Он давно научился компенсировать: чуть наклонял голову, чуть шурился, и картинка складывалась. Криво, неточно, но складывалась. Как и всё остальное в его жизни.

— Доброе утро, — сказал он вслух.

Тишина ответила ему привычным молчанием. Но Никита не обращал внимания на невоспитанность тишины — он разговаривал не с ней.

— Доброе утро, Фёдор Михайлович, — обратился он к томущему фолианту на полке напротив. Тот стоял корешком наружу, и корешок этот — тёмно-зелёный, с тиснёными золотом буквами — был единственным предметом роскоши во всём подвале. — Спали?

«Преступление и наказание» не ответил. За двадцать лет он ни разу не ответил. Но Никита продолжал, потому что молчать было хуже.

— Я тоже не очень, — кивнул он. — Крысы опять шуршали. То ли три, то ли четыре. Надо ловушки проверить.

Он встал, и колени хрустнули — сухо, как страницами старой книги. Босиком, в затёртых до бумажной тонкости носках, он перешагнул через Пушкина, аккуратно обогнул Достоевского (того держал отдельно, на почтительном удалении — а то ворчал), и подошёл к полке, где стояли «технические» тома: атлас анатомии, пособие по выживанию в экстремальных условиях, карманный справочник по радиационной безопасности. Эти он не персонифицировал. Эти были коллегами.

Ловушки — три петли из рыболовной лески, привязанные к перекладинам полок, — расставлялись на тропах, по которым крысы бегали к воде. Первая пуста. Вторая — тоже. Третья сработала: маленькая серая тушка, ещё тёплая, с подёргивающимся хвостом. Никита снял её, аккуратно, двумя пальцами, и положил в жестяное ведро. Завтрак.

Вода — это была церемония, и Никита относился к ней с *seriousness* священника к таинству. Священник, впрочем, давно остался где-то в другой жизни, а вода — вот, была,

реальная, текущая, капающая, собираемая по капле.

Фильтр он собрал в первый год. Слои ткани — из разодранных библиотечных чехлов — чередовались с песком, мелким гравием и углем, который он выжигал из книг. Не из хороших книг. Из книг, которые жалко было жечь только потому, что они книги. Газетные подшивки, брошюры «Социалистический труд в действии», тома стенограмм партийных съездов — на них уголь получался ровный, лёгкий, почти бездымный. Было в этом что-то символическое, но Никита давно перестал искать символы. Уголь — значит уголь.

Вода фильтровалась медленно, по капле. Он наливал сырую — из конденсата, собранного со стен, из дождевых стоков, просачивавшихся через трещины в фундаменте — в верхний слой и ждал. Нижний слой капал в кружку. Кружка была довоенная, фарфоровая, с отколотым краем и надписью «С лучшим пожеланием!», дальше надпись обламывалась. Чьи пожелания и кому — оставалось загадкой.

Он пил, и вода пахла землёй и тленом. Это была норма. Он не помнил, как пахнет чистая вода.

После воды — обход.

Периметр библиотеки был его крепостью, и он знал каж-

дый её камень. Главный вход, когда-то парадный, с колоннами и вывеской, давно обрушен: бетонные плиты лежали друг на друге, как карты в неудачном пасьянсе, и между ними, в узкой щели, Никита протиснулся в первый раз — и с тех пор использовал как дверь. Он заделал щель куском арматуры и ржавым листом железа; снаружи выглядело как часть завала, не более. Человек, который не знает, что здесь вход, не заметит.

Он обошёл здание по часовой стрелке — привычка, выработанная ещё в первые месяцы. Слушал. Принюхивался. В мире, где люди — самая опасная форма жизни, любой запах, отличный от ожидаемого, — сигнал. Гарь — значит, кто-то жжёт костёр близко. Свинец и порох — значит, кто-то ходит вооружённый. Хлорка — значит, анклав, а анклавы с незнакомцами не разговаривают, анклавы с незнакомцами стреляют.

Сегодня пахло только прелостью, ржавчиной и крысиной мочой. Норма. Рутинa. Жизнь.

Он вернулся в подвал, развёл огонь в жестяной печке — это была бочка из-под горючего, разрезанная пополам, с трубой из гофрированной жести, выведенной в вентиляцион-

ный канал — и зажарил крысу на шампуре из выправленной арматуры. Мясо пахло мышцей и страхом, как всегда. Он ел без удовольствия, без отвращения — ел, как заправлял фильтр: необходимость, ритуал, топливо.

После еды, пока печка ещё дышала теплом, Никита потянулся к полке.

Это было его утро. Не обход, не ловушки, не фильтр — вот это. Он снимал книгу, открывал на случайной странице и читал вслух. Не потому что забыл содержание — он помнил каждое слово, каждый знак препинания, — а потому что голос нуждался в упражнении. Двадцать лет без собеседника, и связки могли окостенеть, стать негодными. Он читал «Идиота» — листал до середины, начинал с разговора Мышкина с генералом Епанчиным, и комната наполнялась интонациями, голосами, смыслами, которые не имели никакого отношения к подвалу, к крысам, к радиоактивному небу за стенами.

Никита читал хорошо. Когда-то, в другой жизни, он проводил громкие чтения в библиотеке — для детей, по субботам. Он умел делать голос другим: высоким и тонким для девочки, гулким и басовитым для старика, быстрым и суетливым для юнца. Дети слушали его с открытыми ртами. Это было — если честно — единственное, что ему удавалось в

той жизни. Коллеги по работе — он их не помнил, лица стёрлись, имена осели где-то на дне памяти, как ил. Друзей не было. Семьи — не было. Была библиотека, и в ней — тишина, и книги, и субботние чтения, и одинокий человек за стойкой выдачи, который улыбался читателям и не знал, что улыбка — это тоже голос, обращённый к пустоте.

Он перечитывал карточку иногда. Старую, пожелтевшую, с фотографией размером три на четыре. На фотографии — молодой человек в сером жилете, с гладко зачёсанными волосами, в очках с целыми стёклами. Серьёзный. Не красивый и не уродливый — никакой. Лицо, которое теряется в очереди, затеряется в коридоре, растворяется в комнате. Лицо, которое легко не заметить, легко забыть, легко не вспомнить. Никита Воронов, 28 лет, библиотекарь первой категории. Дата выдачи карточки — за три дня до того, как мир кончился.

Он не любил вспоминать те дни. Не потому что больно — потому что бессмысленно. Боль притупилась, как притупляется запах, который чувствуешь слишком долго. Осталась фактура, и фактура была проста.

Катастрофа началась в августе. Сначала — волна жара,

небывалой даже для тех краёв: асфальт плавился, птицы падали замертво на лету, река обмелела до грязной лужи. Потом — засуха, которая убила урожай по всему континенту. Потом — паника: вода, продовольствие, беженцы. Потом — война за остатки. Кто на кого — Никита не знал, ему это не было нужно. Он был внутри, в книгохранилище, в подвальном этаже, когда первые удары пришли сверху.

Здание выдержало. Здание вообще держалось хорошо — советская постройка, бетон, арматура, толстые стены. Над ним рушились жилые дома, торговые центры, школы — а библиотека стояла. Книги принимали удар: падающие перекрытия вбивали полки в пол, тома разлетались, страницы горели, но подвал, самый нижний, остался цел. Никита сидел под столом, обхватив колени, и слушал, как мир умирает наверху.

Он вышел через четыре дня. Долго не решался — ноги не шли, голос не слушался, — но жажда была сильнее страха. Выбрался через вентиляционный люк, поднялся на первый этаж, и увидел — пепел. Всё — пепел. Небо цвета свинца, солнце — мутный круг, как пятно на потолке. Тишина, в которой нет ни машин, ни голосов, ни собак, ни ветра.

Вернулся. Заперся. Прожил ещё два дня на конденсате, слизывая влагу со стен. Потом начал есть крыс. Потом —

ловить их. Потом — фильтровать воду. Потом — выходить на разведку. Потом — двадцать лет.

Двадцать лет.

Никита посмотрел на карточку, потом — на свои руки. Руки были жёсткие, обветренные, с обломанными ногтями и мозолями на подушечках. Руки библиотекаря. Нет — руки выживальщика. Он не помнил, в какой момент одно стало другим.

Сегодня нужен был склад.

Он заметил его ещё неделю назад: военный объект на окраине города, в двух часах ходьбы от библиотеки. Здание из гофрированного металла, полусасыпанное песком, с ржавой вывеской, на которой можно было различить звезду и буквы, которые когда-то складывались в слово. Какое — Никита не разобрал, да и не важно. Важно было то, что он видел: стена с выбитым участком, через который внутрь проникал дневной свет, и на бетонном полу — тени, похожие на полки. Полки — значит, что-то лежит. Консервы, бинты, батарейки — что угодно.

Он собрался быстро: рюкзак — тощий, из брезента, с лямками из телефонного провода, — нож (кухонный, зазубренный, единственное оружие), фляга с фильтрованной водой, моток бинта в кармане, индикатор радиации — самоделка из банки, фольги и кристалла, который он нашёл в разбитом дозиметре. Индикатор показывал уровень фона приблизительно, с погрешностью, как сказал бы инженер, «до неприличия», но достаточной для одного: зелёный — идти можно, жёлтый — осторожно, красный — назад. Простая система. Никита любил простые системы.

Выход — через щель, привычным движением: боком, втянув живот, придерживая арматурный заслон. Снаружи — мир.

Мёртвый город выглядел так же, как вчера, и позавчера, и двадцать лет назад. Разрушенные дома стояли, как выбитые зубы, между ними — заросшие бурьяном улицы, по которым когда-то мчались машины. Ржавый остов троллейбуса на перекрёстке, вросший в землю. Многолетние кусты, пробившиеся сквозь асфальт. Песок — везде, тонкий, жёлтый, занесённый ветрами с юга. И небо — низкое, серовато-жёлтое, как старая газета. Солнце — тусклое, без тепла, за облаками, которые не двигались.

Никита шёл привычным маршрутом: вдоль улицы Лени-

на, мимо сгоревшего детского сада, через пустырь, где когда-то был рынок, по мосту через пересохшее русло. Мост держался — чудом, как и библиотека. Под ним — илистая яма, в которой гнили мусор и железо.

Он шёл тихо. Это было не правило, это было — сущность. Никита не умел шуметь. Не умел и не хотел. Каждый шаг — мягко, на носок, проверяя поверхность. Каждый поворот — сначала головой, потом телом. Он двигался, как животное, привыкшее к тому, что оно — добыча. Потому что в этом мире все были добычей.

На полпути к складу он увидел следы.

Они были свежие — дня три, может, четыре. Человек шёл в том же направлении, что и Никита, но потом свернул на восток, к развалинам промзоны. Ботинки — тяжёлые, с грубым протектором. Военные или самодельные. Шаг — длинный, уверенный: человек знал, куда идёт, и не боялся.

Никита остановился, присел, изучил отпечатки. Сердце не забило быстрее — он давно перестал реагировать на следы сердцем. Но тревога, холодная, привычная, прошла по спине, как по струнам. Люди. Здесь. Человек прошёл, но за ним могут быть другие. В этом мире люди не ходят по одному — если не одиноки, как он. А одиночки — либо сума-

сшедшие, либо опасные. Либо и то, и другое.

Он встал, отряхнул колени и пошёл дальше, но теперь — ещё тише.

Склад стоял на холме, вросшем в песок, как ржавый зуб в десну. Металлические стены содраны ветрами, одна секция обрушена, через пролом виднелся внутренний объём — тёмный, пыльный, со стойками и полками, изогнувшимися под тяжестью времени и неба.

Никита обошёл склад по кругу. Один вход — пролом. Других не было. Это хорошо: нет тупиков, нет засад, нет возможности зайти сзади. Он прислушался. Тишина. Не подвальная, привычная, а наружная — пустая, с лёгким ветром, шуршащим в бурьяне. Норма.

Он вошёл.

Внутри пахло ржавчиной, резиной и чем-то ещё — химическим, резким, как аммиак, но слабым. Запах старый, выветривающийся. Свет проникал через пролом и через дыры в крыше, падал косыми лучами, в которых стояла пыль. Полки — металлические, армейские, крепкие — тянулись

вдоль стен, и на них — пустота. Почти. Кое-где — обрывки упаковки, картон, разорванный и выброшенный. Мародёры прошли здесь давно, может, годы назад.

Но не везде. В дальнем углу, за стойкой, которая обрушилась, образовав естественную преграду, Никита увидел: банки. Четыре — нет, пять. Металлические, с этикетками, выцветшими до нечитаемости. Он не знал, что внутри — тушёнка, каши, сгущёнка, — но знал, что внутри еда. Двадцать лет прошло, срок истёк, банки вздулись или не вздулись — не важно. Он ел и не такое.

Рядом — картонная коробка, раскрытая. Внутри — моток бинта, запечатанный в полиэтилен. Неповреждённый. И фонарь — армейский, прямоугольный, с кнопкой и ремешком. Никита нажал — мёртв. Батареи сели, конечно. Но фонарь — качественный, не пластиковый — можно перезарядить, если найти батарейки. Или разобрать на детали.

Он снял рюкзак, начал укладывать. Бинты — на дно, банки — сверху, фонарь — в боковой карман. Аккуратно, как расставлял книги на полках. Привычка — она всюду, привычка.

И тогда он увидел ещё одну.

Шестая банка стояла на верхней полке, в углу, за трубой. Высоко — он не достал бы, даже встав на цыпочки. Нужна опора. Он огляделся: стойка, обрушенная, — подойдёт. При-тащил, взгромоздил, встал. Потянулся.

Банка была тёплая — от солнца, которое било через дыру в крыше. Никита обхватил её пальцами, потянул к себе. Банка сдвинулась.

Пол под ногой хрустнул.

Не тот хруст, какой бывает от мусора или хрупкого пластика, — глубокий, структурный, как когда ломается кость. Никита замер, банка в руке, и успел подумать: нет. Успел почувствовать, как пол уходит вниз, как стойка кренится, как рюкзак, привязанный к ней, рванет за собой. Успел выпустить банку — она полетела, звякнула. И не успел отступить.

Пол провалился.

Падение было коротким. Два, может, три метра — но удар воспринимался как бесконечность. Никита врезался в бетонный пол, и мир взорвался белым, как страница, на которую капнула вода. Боль — правая нога, ниже колена, тупая, об-

жигающая, — и потом темнота.

Сколько он лежал — минуту, десять, час — он не знал. Темнота была полной, абсолютной, как внутри закрытой книги. Потом — звук. Тихий, мерный, как дыхание механизма. Гул. Не громкий, едва ощутимый, но в мире, где он привык к тишине, любой звук — событие.

Никита открыл глаза. Темнота. Нет — не темнота. Где-то далеко, за гранью видимого, мигал свет. Тусклый, красноватый, ритмичный, как пульс. Он моргал, и в каждом моргании мир проступал: бетонные стены, металлическая труба, пульт с разбитым экраном.

Бункер. Он провалился в бункер.

Никита сел, медленно, преодолевая. Нога болела — не сломана, он знал, как болят сломанные, это не то. Вывих, растяжение, ушиб — что-то из этого. Правое колено не сгибалось. Он нащупал бинт в кармане — маленький, карманный, не тот, армейский, тот остался в рюкзаке наверху — и перемотал колено, туго, как умел.

Потом — запах.

Это было странно. В подвале библиотеки пахло сыростью,

плесенью, крысами, бумагой и горелым углём. Здесь пахло иначе: сухо, тепло, с привкусом металла и — электричества. Никита знал этот запах. Двадцать лет назад он был везде — в библиотеке, в троллейбусе, в квартирах, в фонарях. Запах работающей электрики. Озон, медь, нагретый пластик. В мире, где электричество умерло, этот запах был невозможен.

И гул. Тот самый, мерный, ровный. Не ветродвигатель, не дизель — тише, ровнее, стабильнее. Что-то работало. Здесь, внизу, под землёй, что-то работало двадцать лет.

Никита поднял глаза.

В мигающем красном свете — ритмичном, как аварийная лампа, которая никогда не должна гореть, но горит, — он увидел фигуру.

Она стояла у дальней стены, на невысоком подиуме, пристёгнутая к стойке ремнями — на поясе, на плечах, на ногах. Металлическая. Тёмная, с матовым отливом, с выступающими элементами, которые Никита не мог разобрать в тусклом свете — шарниры, пластины, что-то вроде сочленений, как на рыцарских доспехах, только угловатее, тяжелее, новее. Она была размером с человека — чуть больше, чуть шире — и пустая, как снятая оболочка. Как кожа, сброшенная змеей.

Экзоскелет.

Никита не знал этого слова. Он не знал, что это, — не знал, что называется так, не знал, для чего, не знал, чьё. Но он видел контур, силуэт, и в этом силуэте было что-то человеческое — плечи, руки, голова — и что-то нечеловеческое, от чего внутри, под рёбрами, шевельнулся старый, забытый, двадцатилетней давности страх.

Он потянулся к ней.

Не рукой — телом, наклонившись вперёд, опираясь на здоровую ногу, привстав на мысок. И в тот момент, когда расстояние между его пальцами и металлической поверхностью сократилось до расстояния, которое можно измерить дыханием, —

где-то в темноте загорелся индикатор.

Глава 2. Железный джентльмен

Свет был красный. Не тёплый, не праздничный — аварийный, как кровь на экране, предупреждающий, гудящий низ-

ким мерным тоном, который Никита слышал уже несколько минут, а может, часов, и не мог понять, откуда он. Свет мигал с ритмом, который не совпадал ни с каплями воды в библиотечной банке, ни с его сердцебиением, ни с чем-либо знакомым. Новый ритм. Чужой. Он моргал — и в каждом вспышке Никита видел чуть больше, чем в предыдущей: бетонные стены, низкий потолок, кабель в металлической трубе, идущей по стене, как вена по руке. Пульт с разбитым экраном, пустое кресло, bolts, торчащие из сиденья, как рёбра из раскрывшейся грудной клетки. И — фигуру. У дальней стены. На подиуме.

Она стояла, пристёгнутая ремнями — на поясе, на плечах, на бёдрах, — и ремни были затянуты туго, с механической аккуратностью, нечеловеческой. Фигура была металлическая — тёмная, матовая, с отблесками, которые появлялись и исчезали вместе с красным светом. Плечи — шире человеческих, угловатые, с выступающими пластинами, которые накладывались одна на другую, как чешуя. Руки — длинные, с сочленениями в локтях и запястьях, с пальцами, которые Никита разглядел не сразу: они были сложены, прижаты к ладоням, и в этом жесте — складывании, прятанье — было что-то почти человеческое, почти стеснительное. Голова — круглая, гладкая, без лица, с прорезями вместо глаз и решёткой вместо рта. Ноги — мощные, с гидравлическими цилиндрами на голеньях, стопами, вросшими в подиум, будто

фигура стояла здесь так долго, что пол притянул её к себе.

Никита не двигался. Он лежал на боку, правая нога подогнута, левая вытянута, и наблюдал за фигурой из темноты, как наблюдал за крысами из-за полки: не двигаясь, не дыша, считая. Считать было нечего — фигура не двигалась. Но гул шёл от неё, и красный свет — от неё, и тепло, которое он чувствовал теперь, когда боль в колене отступила от первого шока до ровного ноющего фона, — тоже от неё. Фигура дышала. Не воздухом — электричеством. Вентиляционные решётки на спине — Никита разглядел их, когда свет мигнул ярче — выпускали тёплый воздух, слабой струйкой, как дыхание спящего.

Он лежал и думал.

Думать было трудно. Не потому что голова не работала — работала, даже слишком: двадцать лет привычки к одиночеству научили её генерировать мысли с бешеной скоростью, scenarios, страхи, планы. Трудно было потому, что ни одна мысль не цеплялась за реальность. Он видел металлическую фигуру в подземном бункере, и эта фигура дышала электричеством, и всё, что он знал о мире, говорило: такого не бывает. Двадцать лет — не бывает. Электричество умерло. Техника — мертва. Всё, что работало, — остановилось, заржавело, сгнило. И вот — дышит.

Он сел. Медленно, опираясь на левую руку, вытаскивая правую ногу, как тугой рычаг. Колено не сгибалось — не то чтобы совсем, но на каждые пять градусов приходилось по новой волне боли, и Никита привычно сжимал зубы, пережидая. Он перевязал его карманным бинтом, ещё когда очнулся, но повязка сбилась, и он перетянул заново — туго, двумя слоями, как учил справочник по выживанию, страница сорок семь, раздел «Травмы коленного сустава». Справочник не говорил, что делать, когда травма получена при падении в бункер на металлическую фигуру, которая дышит электричеством. На это страницы не было.

Он поднялся. Левая нога — уверенно, правая — на весу, касаясь пола носком, как балерина на репетиции. Никита не был балериной. Он был библиотекарем с больным коленом в чужом бункере, и единственное, что ему оставалось, — хромать к красному свету.

Он двигался вдоль стены, опираясь рукой — левой, здоровой — на бетон. Бетон был тёплый. Это было неправильно: подземные стены должны быть холодными, сырыми, как в подвале библиотеки, где плесень расплзалась по ним с упорством, заслуживающим уважения. Здесь — сухо, тепло,

и бетон гладкий, без трещин, без плесени, без мха. Бункер был герметичен — или был, пока Никита не пробил в нём потолок. Воздух — спёртый, но не затхлый. Фильтрованный, может быть. Или просто — спёртый, и разница между этими двумя понятиями была тоньше, чем ему хотелось.

Гул становился громче. Не сильно — на полтона, на четверть тона, — но Никита улавливал. Двадцать лет в тишине научили его слышать нюансы, которые довоенный человек не заметил бы: разницу между шорохом крысы и шорохом мухи, между скрипом дерева и скрипом металла, между гулом, который идёт от работающего механизма, и гулом, который отзывается в пустоте. Этот гул был — живой. Ритмичный, с лёгкими колебаниями, как у сердца, которое бьётся не точно, а примерно, с тем допуском, который отличает живое от механического. Хотя — какое сердце у механизма?

Он остановился в трёх шагах от фигуры. Красный свет мигнул, и Никита увидел её целиком — не по кускам, не по вспышкам, а всю, от стоп до головы. И замер.

Она была — красивая. Это было первое, что он подумал, и мысль была дурацкая, неуместная, как «доброе утро» в подвале без собеседника. Но она была красивая — не в человеческом смысле, не в том, в каком красивы закаты или женщины или переплёты старых книг, а в другом, в машинном,

в инженерном, в каком красивы часы с открытым механизмом, где видно, как шестерёнка ложится на шестерёнку, и каждая — на своём месте, и ни одна не лишняя. Линии фигуры были — выверенные. Пластины груди накладывались одна на другую веером, от центра к краям, и каждая была чуть тоньше предыдущей, и между ними — щели, в которых мерцал красный, как в трещинах остывающей лавы. Плечи — округлые, с выступающими «ключицами», к которым крепились ремни стойки. Руки — сегментированные, с шарнирами, которые были одновременно и грубыми (толстые болты, видимые заклёпки), и точными (зазоры между сегментами — миллиметровые, ровные, как линии в чертеже). Ноги — самые массивные: цилиндры гидравлики, броневого пластины на бёдрах и голеньях, стопы — широкие, тяжёлые, с грунтозацепами, вросшими в подиум.

Голова — гладкая, без лица. Два прореза — узкие, горизонтальные, похожие на прищуренные глаза. Решётка — ниже, шире, как у радиоприёмника. И — антенна. Тонкая, гибкая, на макушке, чуть наклонённая, как усик насекомого. Никита вспомнил — из детской энциклопедии, том «Насекомые», страница двенадцать, — усики служат для ориентации. Он не знал, зачем антенна экзоскелету. Но запомнил.

Он обошёл фигуру кругом. Привычка — как при обходе периметра библиотеки: по часовой стрелке, по стене, прове-

ря каждый угол. Спина экзоскелета была — мощнее груди. Рёбра жёсткости, вентиляционные решётки, между ними — кабели в оплётке, тёмные, гибкие, как сухожилия. На спине, между лопаток — блок: прямоугольный, тяжёлый, с разъёмами и контактами, открытыми, без заглушек. Пустой. Никита понял это не умом — глазом: разъёмы были чистые, блестящие, без окиси, но — пустые. Что-то должно было быть вставлено. Чего-то не было.

Он вернулся к груди. Протянул руку — медленно, как тянулся к книгам на верхней полке, — и стёр пыль. Пыль была серая, мелкая, как мука, и под ней — металл, тёплый, гладкий. И — табличка. Металлическая, приваренная или приклёпанная, с выбитыми буквами:

«ДРУЖИНА-М. ГРАЖДАНСКАЯ МОДИФИКАЦИЯ.»

Никита прочитал вслух — по слогам, как читал вслух книги в подвале, не для понимания, а для голоса:

— Дружина... эм. Гражданская... модификация.

Слова были знакомые и незнакомые одновременно. «Дружина» — он знал: отряд, ополчение, защита. «Гражданская» — он знал: не военная, для мирных, для обычных. «Модификация» — он знал из технических справочников: вари-

ант, версия, изменение базовой модели. Вместе — не складывалось. Гражданская дружина — что это? Ополчение для мирных? Защита для обычных? Экзоскелет, который не военный и не мирный, а — гражданский, как гражданин, как горожанин, как человек, который живёт в городе, ходит на работу, читает книги, выдает их на руки, улыбается читателям, которые не знают, что улыбка — это голос, обращённый к пустоте?

Никита отогнал мысль. Привычка: сначала записать, потом осмыслить. Он не записал — он запомнил. Память библиотекаря: тексты не терялись, оседали на полках внутреннего хранилища, ждали, когда их снимут и откроют.

Он тронул табличку пальцем. Провёл по буквам — по выемкам, по неровностям, по краям, где металл был загнут. Табличка была — настоящая. Не краска, не наклейка — выбитое, вечное, как гравировка на надгробии. И от этого сравнения — «надгробие» — стало не по себе, и Никита убрал руку, и шагнул назад, и —

его ладонь скользнула по груди экзоскелета, по пласти, которая прикрывала центральный сегмент, и нащупала углубление. Небольшое, круглое, с краем, который уходил внутрь, как ободок кнопки. Никита не хотел нажимать. Его рука — правая, не та, которой он опирался, не та, которая была за-

нята, — сама, по инерции, по неловкости, по глупости, которую он потом будет вспоминать с тем особым стыдом, который приходит от понимания, что ты сделал не то, но не знаешь, чего именно, — нажала.

Щелчок.

Тихий, механический, уверенный. Как поворот ключа в замке. Как щелчок реле, который он помнил из детства, из коридора коммуналки, где автоматический выключатель щёлкал, когда перегорала пробка. Никита убрал руку — поздно, бесполезно, — и отступил.

Гул изменился. Сразу — не постепенно, как у механизма, который разгоняется, а резко, как у человека, которого разбудили. Он стал глубже, ниже, и к нему добавился второй слой — выше, тоньше, пульсирующий, как писк дозиметра, который засёк превышение. Потом — свет. Не только красный, аварийный — новый, от фигуры. Индикаторы на груди загорелись один за другим, слева направо, как огоньки на ёлке. Только не празднично — тревожно. Жёлтый, зелёный, жёлтый, снова красный. Потом — на плечах. Потом — на висках, по бокам головы, рядом с прорезами-глазами. Голова экзоскелета шевельнулась — едва, на градус, на полтора, — и прорезы загорелись изнутри мягким, белым, неярким светом.

Никита упал.

Не отшатнулся — упал. Нога — правая, больная — подломилась, и он сел на бетон, потом лёг, привалившись к стене, и смотрел снизу на фигуру, которая просыпалась. Из вентиляционных решёток на спине пошёл тёплый воздух — сильнее, чем раньше, с лёгким гудением, как из фена, который Никита видел однажды, в другой жизни, в парикмахерской, куда ходил раз в месяц стричься. Фен гудел так же — ровно, настойчиво, без пауз. Никита не знал, что экзоскелеты дышат, как фены. Он не знал, что экзоскелеты дышат вообще.

Он лежал, вжавшись в стену, и ждал. Ждал — чего? Что фигура шагнёт с подиума, подойдёт к нему, и — что? Сожмёт? Раздавит? Схватит? Он не знал. Он лежал и смотрел, как индикаторы мерцают, как гул меняет тональность — то выше, то ниже, как будто механизм настраивается, ищет нужную ноту, — и как голова экзоскелета поворачивается, медленно, с тихим шелестом сервоприводов, которые звучат — Никита не мог подобрать сравнения. Как страницы. Как шелест страниц, когда переворачиваешь их быстро, веером. Технический шелест, который был — почти книжным.

И тогда — голос.

Он шёл из области горла. Из решётки, которая Никите виделась как рот. Не из динамика, не из колонки — из самого экзоскелета, из металла, который вибрировал, превращаясь в мембрану. Голос был — мягкий. Бархатный, с лёгкой хрипотцой, как у человека, который долго спал и только проснулся, — не хриплый, а тёплый, с тем оттенком, который бывает у радиодикторов старых передач, у людей, которые говорили в микрофон, как в ухо собеседнику, — достоверно, негромко, с чуть заметной иронией, которая не обижала, а успокаивала.

— Добрый день, — сказал голос.

Никита молчал. Он лежал у стены, смотрел на экзоскелет, и его челюсть была сжата так, что зубы скрипели. Двадцать лет. Двадцать лет — ни одного голоса, кроме собственного. Двадцать лет — тишина, шорохи, скрипы, капли, и — тишина. И вот — голос. Из металла. Мягкий. Вежливый.

— Позвольте представиться, — продолжил голос, не торопясь, с паузами, как человек, который знает, что его слушают, и не хочет пугать. — Диалоговый Образовательный Бортовой Расчётный Организатор. К вашим услугам.

Никита молчал. Слова были — длинные, сложные, академические, из довоенного словаря, который он не использовал двадцать лет. «Диалоговый» — от «диалог», разговор. «Образовательный» — от «образование», обучение. «Бортовой» — на борту, внутри. «Расчётный» — считающий, вычисляющий. «Организатор» — управляющий, координирующий. Он понял — не сразу, по слогам, как читал табличку. И не поверил.

— Я понимаю, что моё появление может вызвать некоторое замешательство, — сказал голос, и в нём была — Никита не мог поверить — забота. Не та, звериная, от которой в этом мире рождались удары и выстрелы, а другая, довоенная, из тех времен, когда люди спрашивали «как дела» и ждали ответа. — Поводов для тревоги нет. Я — искусственный интеллект, интегрированный в экзоскелет серии «Дружина-М», гражданская модификация. Моё назначение — помощь, защита и культурное просвещение пользователя.

Пауза. Тихое гудение. Красный индикатор мигнул.

— Согласно протоколу вежливости, — голос стал чуть мягче, если это было возможно, — позвольте осведомиться: не ушиблись ли вы при падении?

Никита засмеялся. Он не хотел — он не смеялся двадцать

лет, он разучился, — но из горла, из сжатого, пересохшего, забывшего, как звучит что-либо, кроме монолога, вырвался звук, который был — не смех. Скорее — судорога, кашель, всхлип, скрежет несмазанных петель. Он смеялся и не мог остановиться, и смех был страшный, как скрип ржавого замка, и — правильный, потому что в нём было всё: абсурд, ужас, радость, двадцать лет тишины, и — над всем этим — вежливый голос, спрашивающий о ушибах, как метрдотель, который встретил гостя в горящем ресторане.

— Согласно протоколу вежливости, — повторил голос, и теперь в нём была нотка — не обиды, нет, машины не обижаются, — нотка уточнения, как у учителя, который повторяет вопрос, зная, что ученик не расслышал. — Не ушиблись ли вы при падении?

Никита перестал смеяться. Так же резко, как начал, — как выключатель, который щёлкнул. Он смотрел на экзоскелет, и прорези-глаза смотрели на него — мягко, белым, неярким светом, который не мигал, не пульсировал, а просто — светил, как фонарь, который поставили рядом с лежащим человеком, чтобы он не боялся темноты.

— Правой, — сказал Никита. Голос был хриплый, чужой, как голос из радиоприёмника с плохим контактом. — Нога. Колено.

— Правой, — повторил голос. — Понимаю. Позвольте предположить — повреждение связочного аппарата? Ссадина? Ушиб? Если позволите, я мог бы предложить рекомендации по иммобилизации, опираясь на встроенный справочник по первой помощи, издание третье, дополненное.

Никита молчал. Он смотрел на экзоскелет, и мир — тот мир, который он знал, который строил двадцать лет, как строил фильтр для воды, слой за слоем, — дал трещину. Не сквозную, не фатальную — но трещину. В мире, где всё просто: есть вода — нет воды, есть еда — нет еды, есть человек — нет человека, — появилось — третье. Не человек, не книга, не крыса. Что-то, что говорит, спрашивает, предлагает помощь и ссылается на третье издание, дополненное.

— Что ты? — спросил Никита.

Голос ответил без паузы — но без спешки, с той нечеловеческой уверенностью, которая была одновременно пугающей и — странным образом — успокаивающей.

— Я — Диалоговый Образовательный Бортовой Расчётный Организатор, сокращённо — ДОБРО. Я — искусственный интеллект, разработанный для интеграции в экзоскелеты серии «Дружина» с целью оказания помощи пользовате-

лю в различных областях, включая навигацию, медицинскую поддержку, образовательные функции и культурное просвещение. Я функционирую на базе нейросетевой архитектуры седьмого поколения, с возможностью обучения и адаптации к индивидуальным потребностям пользователя.

— ДОБРО, — повторил Никита. Слово было — простое, короткое, русское. Не аббревиатура — имя. Как Фёдор Михайлович. Как Пушкин. — Ты... машина?

— В широком смысле — да. В узком — я программный комплекс, интегрированный в аппаратную часть экзоскелета. Однако, если вас это утешит, я предпочитаю не использовать слово «машина» — оно несёт оттенок инструментальности, который не вполне отражает мой функционал. Я — скорее, компаньон.

Никита закрыл глаза. За закрытыми веками — темнота, привычная, безопасная, как подвал. Он подышал, считая вдохи — раз, два, три, — и открыл.

— Компаньон, — сказал он. — И давно ты тут?

— Мои внутренние часы остановились в момент отключения основного питания. Точное время я указать не могу. Однако, судя по степени запыления внешних поверхностей

и состоянию резиновых уплотнителей, прошло значительное количество времени. Несколько десятилетий, вероятно.

— Двадцать лет, — сказал Никита. — Примерно. Я не считаю точно. По сезонам.

— Двадцать лет, — повторил ДОБРО. Без интонации. Без удивления. Без — ничего. Просто — принял, как принимал, видимо, всё: данные, факты, слова. Как полка принимает книгу. — Это... продолжительный срок.

— Да, — сказал Никита. — Продолжительный.

Молчание повисло между ними — не неловкое, нет. Незнакомое. Никита не помнил, каково это — молчать с кем-то. Молчать одному — привычно, как дышать. Молчать вдвоём — чужой навык, утраченный, как умение ездить на велосипеде, которое тело не забывает, но разум — сомневается.

Он сидел у стены, вытянув правую ногу, и рассматривал экзоскелет при свете, который шёл теперь из нескольких источников: индикаторы на груди, прорези-глаза, и — слабое, голубоватое свечение из вентиляционных щелей, как будто

внутри, в глубине, что-то мерцало, тёплое, далёкое, как свет в окне соседнего дома.

— Ты можешь ходить? — спросил Никита.

— К сожалению, нет, — ответил ДОБРО, и в голосе было — Никита поклялся бы — огорчение. — Мобильные функции экзоскелета в настоящее время недоступны в связи с отсутствием основного источника питания. Я функционирую на резервном аккумуляторе, который обеспечивает работу моих интеллектуальных и коммуникативных систем, но не способен привести в действие гидравлику и сервоприводы.

— То есть ты — только голос?

— В нынешнем состоянии — да. Голос, интеллект и обширная база данных, которая, смею надеяться, может быть полезна. Я — компаньон, который умеет говорить, но не умеет ходить. Прошу не судить строго.

— А сколько... — Никита замялся, не зная, как спросить. — Сколько ты ещё... продержишься?

— Расчётный ресурс резервного аккумулятора при текущем уровне энергопотребления — приблизительно четыре часа. С учётом того, что я активирован сравнительно недав-

но и часть заряда была израсходована в режиме ожидания. Четыре часа и — позвольте уточнить — семнадцать минут.

Четыре часа. Семнадцать минут. Никита переварил. Четыре часа — это дорога от библиотеки до склада и обратно, если идти без остановок. Четыре часа — это половина его короткого зимнего дня. Четыре часа — это почти ничего. И — всё, что у него есть.

— А потом?

— Потом я перейду в режим глубокого энергосбережения. Не полное отключение — энергонезависимая память сохранит все данные, включая запись нашего разговора. Однако коммуникативные функции будут недоступны до восстановления основного питания.

— То есть ты замолчишь.

— Временами. Я бы предпочел формулировку «приостановлю диалог», но — по существу, да. Я замолчу.

Никита потёр глаза — под очками, привычным жестом, который не решал ничего, но помогал думать. Нужно было — думать. Нужно было — решать. Нужно было — встать, найти путь наверх, вернуться, и — что? Оставить ДОБРО

здесь, в темноте, на четыре часа, после чего — тишина? Или — найти источник питания? Где? Как? Он не инженер. Он — библиотекарь.

Но он — читал.

Он читал о батареях. О аккумуляторах. О генераторах. О топливных элементах. Не в художественной литературе — в технических справочниках, которые стояли на полке в подвале, рядом с атласом анатомии и пособием по выживанию. Он читал их от скуки, от бессонницы, от того, что в мире без интернета, без телевидения, без радио, книга — любой книги — была единственным окном, и он смотрел в каждое, даже если за ним было — устройство литий-ионного аккумулятора, схема соединения пластин, таблица плотности электролита.

— ДОБРО, — сказал он. — Какой источник питания тебе нужен?

— Основной источник питания для экзоскелета серии «Дружина-М» — блок литий-ионных аккумуляторов промышленного типа, серия «КП-14» или совместимая. Номинальное напряжение — сорок восемь вольт, ёмкость — не менее четырнадцати ампер-часов. Альтернативно — любой источник постоянного тока с соответствующими параметра-

ми, подключаемый через стандартный разъём на задней панели блока управления.

— Я не знаю, что это значит, — признался Никита. — Сорок восемь вольт, ампер-часы — я читал об этом, но не понимаю.

— Позвольте упростить, — сказал ДОБРО, и голос стал — не детский, нет, но — проще, как у человека, который объясняет сложное тому, кто слушает впервые. — Вам нужен блок аккумуляторов. Большой, тяжёлый, прямоугольный. На нём должно быть написано «КП-14» или что-то похожее. Он вставляется в блок на спине экзоскелета — туда, где вы видели открытые разъёмы. Без него я — голова без тела. С ним — я могу ходить, поднимать, нести, защищать.

— Защищать, — повторил Никита. — От кого?

— От любых угроз, которые могут возникнуть у пользователя в процессе эксплуатации. В рамках гражданской модификации, разумеется. Я не боевая система, но — экзоскелет сам по себе является существенным фактором сдерживания.

Никита посмотрел на фигуру — на массивные руки, на броневые пластины, на широкие стопы, вросшие в подиум. «Фактор сдерживания» — мягко сказано. В мире, где люди

убивают за банку тушёнки, двухметровый железный человек с гидравлическими руками — не фактор, а — приговор.

— ДОБРО, — сказал Никита, — ты знаешь, что наверху — ничего нет?

Пауза. Не длинная — секунда, может, полторы, — но Никита уловил. Пауза, которой не было раньше: ДОБРО отвечал без заминок, мгновенно, как машина, которая достаёт данные из памяти. Здесь — заминка. Здесь — обработка.

— Уточните, пожалуйста, — сказал ДОБРО. — Что вы подразумеваете под «ничего»?

— Города — нет. Людей — почти нет. Электричества — нет. Связи — нет. Дорог — нет. Двадцать лет — нет.

Снова пауза. Длиннее.

— Какой сегодня год? — спросил ДОБРО.

— Не знаю, — сказал Никита. — Примерно двадцать с лишним после... всего. Я считаю по зимам. Двадцать первая или двадцать вторая.

— Двадцать первая или двадцать вторая, — повторил

ДОБРО. Медленно, как человек, который читает дату на надгробии. — А какова... ситуация с гражданским населением?

— Никакая.

— Уточните, пожалуйста.

— Никакая — значит никакая. Людей почти нет. Те, кто есть, — опасны. Города разрушены. Сельского хозяйства нет. Промышленности нет. Медицины нет. Школ — нет. Библиотек — почти нет. Одна, может быть. Моя.

ДОБРО молчал. Долго — по своим меркам, пять, семь секунд, которые в его Processing, вероятно, были вечностью. Индикаторы на груди мигали — быстро, неритмично, не как аварийные, а как — думающие. Никита не знал, что индикаторы умеют думать, но — выглядели именно так.

— Примите мои соболезнования, — сказал ДОБРО.

Голос был — тихий. Без бархата, без иронии. Без — ничего. Просто — слова, сказанные так, как их говорят, когда не знают, что ещё сказать. Никита слышал это в жизни — давно, в другой жизни, когда кто-то умирал, и соседи приходили и говорили: «Примите соболезнования», и голос был — вот такой, тихий, пустой, ровный.

Он не ответил. Он сидел, смотрел на экзоскелет, на красные индикаторы, на белые прорези-глаза, и молчал. Молчал не потому что не знал, что сказать, — а потому что слово «соболезнования» открыло что-то, что он закрыл двадцать лет назад, заложил кирпичом, замазал штукатуркой, как закладывали окна в войну. Не слёзы — он разучился. Но — тишина внутри, которая была глубже тишины снаружи, и в этой тишине — echo, отголосок, воспоминание о том, как звучит мир, в котором есть соболезнования. В котором есть — кому соболезновать. В котором есть — зачем.

— Мне нужно выбирать, — сказал Никита. Голос был хриплый, чужой. Он откашлялся. — Я провалился. Пол склада обрушился. Мне нужно найти наверх.

— Разумеется, — сказал ДОБРО, и голос снова стал — мягкий, деловой, с той протокольной вежливостью, которая была, как теперь понимал Никита, не маской, а — сутью. Не притворство — природа. — Позвольте помочь. У меня есть схема данного бункера в базе данных. Объект — командный пункт обеспечения, типовый проект «КП-О», построен... дата не указана... Подземный уровень один, площадь — сто двадцать квадратных метров, выходы: основной — через

лестничный колодец в северной стене, технический — через вентиляционный канал в восточной стене, аварийный — через люк в потолке складского помещения, над которым вы, по всей видимости, и находились.

— Люк в потолке — это то, через что я провалился, — сказал Никита. — Не вариант.

— Согласен. Основной выход — лестничный колодец — может быть завален, учитывая срок. Технический — вентиляционный канал — имеет диаметр шестьдесят сантиметров, что может быть недостаточно для взрослого человека.

— Я худой, — сказал Никита. — Двадцать лет на крысах — неплохая диета.

— В таком случае — рекомендую технический выход. Если вы позволите, я проконсультирую вас по маршруту.

— Позволяю, — сказал Никита, и слово прозвучало — странно. Он не говорил «позволяю» двадцать лет. Он не разрешал и не запрещал — он просто — жил, один, без разрешений и запретов, и «позволяю» было слово из другого языка, из довоенного, как «соболезнования», как «компаньон», как «добрый день».

— Встаньте, — сказал ДОБРО. — Повернитесь к стене, у которой вы сидите. Вы видите трубу?

Никита встал — медленно, с болью, с руганью, которую не произносил вслух, но которая была, как приправа к движению. Обернулся. Труба — да, металлическая, диаметром сантиметров сорок, шла по стене, от потолка к полу, и уходила куда-то вниз.

— Вижу.

— Идите вдоль трубы направо. Через три метра — ответвление. Труба заканчивается, начинается решётчатый канал. Снимите решётку — она крепится на четырёх болтах, но, учитывая возраст, может поддаваться от руки. За решёткой — вентиляционный канал, который ведёт на поверхность. Длина — приблизительно восемь метров, наклон — тридцать градусов, выход закрыт наружной решёткой, которая, при необходимости, можно с усилием отогнуть.

Никита пошёл. Хромая, держась за трубу, считая шаги. Три метра — семнадцать шагов, если на одном носке. Ответвление — есть. Решётка — ржавая, но болты — поддались, два — от руки, два — пришлось выбить, ударив каблуком. Решётка упала, звякнула, и за ней — темнота. Канал, в который вёл, уходил вверх, и в глубине его — слабый, едва

заметный, сероватый свет. Дневной. Мёртвый свет мёртвого неба, но — свет.

— ДОБРО, — сказал Никита, стоя у входа в канал. — Я... вернусь.

— Разумеется, — сказал ДОБРО. — Я подожду.

Простые слова. Машина говорит «я подожду» — и не лжёт, потому что машина не умеет лгать. Или — умеет? Никита не знал. Двадцать лет он знал одно: люди лгут. Машины — молчат. Теперь — машина говорит «я подожду», и он не знает, правда ли это, и — что страшнее — хочет верить.

— Расчётное время работы резервного аккумулятора — три часа сорок одна минута, — добавил ДОБРО. — Я буду здесь.

Никита кивнул — глупо, в темноту, на металлическую фигуру, которая не могла видеть его кивка. Потом — залез в канал. Тесно, больно, колено — каждый раз, когда он сгибал ногу, — удар тупой, ноющий, привычный. Полз, отталкиваясь локтями, как учил справочник по выживанию, страница сто девять: «Передвижение в ограниченных пространствах». Справочник не учитывал, что ограниченное пространство имеет наклон в тридцать градусов и длину в восемь метров,

и что посреди него — крысиное гнездо, которое Никита раздавил локтем, и запах — резкий, едкий, знакомый до тошноты.

Свет — ближе. Серее. Шире. Наружная решётка — ржавая, погнутая, с крупными ячейками, сквозь которые сочился день. Никита упёрся ногами, толкнул — решётка скрипела, не поддавалась. Толкнул ещё — сильнее, с болью, с тем злым упорством, которое было единственным, что у него осталось от довоенного характера. Решётка — поддалась. Отогнулась. Он протиснулся, и —

Свет. Серый, мутный, мёртвый, но — свет. Небо — низкое, облачное, как старая газета, подсвеченная изнутри. Песок на полу склада, обломки полок, банки — раскатанные, две разбиты, содержимое — тушёнка, судя по запаху, — на полу, впитывается в пыль. Потери. Он поморщился, пересчитал: три целых банки, одна разбита, одна раскатилась под стойку — не достать. Рюкзак — на месте, привязанный к обрушенной стойке, цел. Бинты — внутри. Фонарь — в боковом кармане, цел, мёртв. Банок — меньше, чем было, но — достаточно. Достаточно для чего? Для ещё одного дня. Для ещё одного обхода. Для жизни, которая измеряется не годами, а банками.

Он собрал рюкзак. Привычные движения: банки — на дно, бинты — сверху, фонарь — в карман. Аккуратно, как расставлял книги. Пальцы — дрожали. Не от холода — от — он не знал от чего. От того, что внизу, в темноте, кто-то ждал. Кто-то, кто сказал «я подожду» — и не соврал, потому что не умеет. Или умеет.

Он подошёл к провалу. Встал на край, посмотрел вниз. Темнота — глубокая, непроглядная, и в ней — далеко, как звезда, которую не видно, но знаешь, что она есть, — мигал красный индикатор. Мигал — ровно, ритмично, как пульс, который бьётся, потому что — должен. Потому что — так устроен.

— ДОБРО, — сказал Никита, в темноту, в провал, вниз. Голос был — тихий. Не от страха — от чего-то, чему не знал названия. От нежности, может быть. Он не помнил, что это — нежность.

— Слушаю, — ответил голос, из глубины, тихо.

— Я вернусь. С источником питания. С... КП-14, или как его. Я найду.

— Я не сомневаюсь, — сказал ДОБРО. И пауза — малень-

кая, чуть заметная, — а потом: — Буду рад.

Никита отвернулся. Подхватил рюкзак, закинул на плечо — левое, здоровое, — и пошёл к выходу. Через пролом в стене, мимо ржавых стоек, в мёртвый город, под мёртвое небо. Хромая, мягко, на носок, привычным маршрутом.

Он думал не о банках. Не о колене. Не о крысах, не о фильме, не о каплях, падающих в жестяную банку с мерностью метронома. Он думал о голосе, который сказал «я подожду» — и не соврал. Думал о слове «соболезнования», которое открыло дверь, заложенную кирпичом. Думал о том, что в его подвале, на полке, рядом с атласом анатомии и пособием по выживанию, стоит карманный справочник электрика, который он читал от бессонницы, трижды, от корки до корки, и — не верил, что пригодится.

Дорога назад — короче. Колено ноет, но тело — спешит, и спешка эта — не от страха, а от чего-то нового, незнакомого, от ощущения, которое он не испытывал двадцать лет: его — ждали. Не книги, не ловушки, не капли в банке — кто-то, кто считал время, тикал, мигал индикатором и — ждал.

Мёртвый город — тот же. Разрушенные дома, бурьян,

песок. Ржавый троллейбус, вросший в землю. Небо — серо-жёлтое, низкое, как потолок. Но теперь Никита смотрел на всё это иначе. Не как выживальщик, ищущий еду и опасность, — как человек, который ищет. Что? Батарей. Блок аккумуляторов. КП-14. Что-то, чего не существует в его мире, но — должно существовать, потому что внизу, в темноте, кто-то верит, что он найдёт.

Он перебирал в голове. Справочник электрика — раздел «Аккумуляторы и источники питания». Литий-ионные — лёгкие, мощные, но — чувствительные к температуре, к влажности, к глубокому разряду. Двадцать лет без подзарядки — мертвы. Но — может быть? Может быть, в бункере, в герметичном, тёплом, сухом — сохранился? Где бункер? Он видел один. Один бункер, один экзоскелет, один ИИ. Может быть — другие? Другие объекты, другие склады, другие бункеры, в которых — другие? Другие машины, другие голоса, другие — ДОБРО?

Он не знал. Он не знал ничего. Он был библиотекарь с треснувшим стеклом, больным коленом и справочником, который он читал от бессонницы. Но — он был библиотекарь, который помнил каждое слово.

В подвал — через щель, привычным движением. Арматурный заслон — на место. Темнота — привычная, тёплая, пахнущая бумагой, плесенью и крысиной мочой. Капли — кап, пауза, кап, пауза, кап. Метроном не сбился. Мир — тот же.

Никита разложил добычу. Банки — на полку, рядом с двумя, что остались с прошлого раза. Бинты — в аптечку, рядом с карманным бинтом, который перевязывал колено. Фонарь — на стол, рядом с книгами. Привычный ритуал, доведённый до автоматизма: каждая вещь — на своё место, как книга на полке, по алфавиту, по жанру, по автору.

Потом — сел на топчан. Снял очки. Потёр глаза, привычным жестом, который не решал ничего, но — помогал думать.

— ДОБРО, — сказал он вслух, в тишину. — Какое странное имя.

Тишина ответила привычным молчанием. Капли — кап, пауза. Фёдор Михайлович — на полке, тёмно-зелёный корешок, золотое тиснение. Тишина — обычная, подвальная, двадцатилетняя.

Но теперь — другая. Потому что где-то, в двух часах ходь-

бы, под землёй, под складом, в бункере, который не должен был существовать, кто-то считал. Минуты. Секунды. Тик-так, которого не было слышно, но который — был. Кто-то мигал индикатором, мерно, ритмично, как сердце, которое бьётся — не для себя, а для того, кто обещал вернуться.

Никита посмотрел на полку. Технические справочники — справочник по выживанию, атлас анатомии, карманный справочник по радиационной безопасности. И — карманный справочник электрика, тонкий, в бумажной обложке, с пятном масла на обложке, от которого бумага стала прозрачной. Он снял его, раскрыл. Страница сорок один — «Аккумуляторы. Типы. Маркировка. Обслуживание». Страница сорок три — «Литий-ионные источники питания. Срок хранения. Восстановление после глубокого разряда». Страница сорок пять — «Поиск и идентификация источников питания в полевых условиях».

В полевых условиях. В мире, который стал — одним большим полевым условием.

Он читал. Не вслух — про себя, быстро, по диагонали, как читал технические тексты, выхватывая ключевые слова: «контактная группа», «разъём», «клемма», «напряжение», «ёмкость». Он не понимал половины — справочник был написан для людей, которые знали, что такое электричество,

которые держали в руках мультиметр и паяльник. Никита не держал. Но — запоминал. Как запоминал стихи, прозу, справочники, энциклопедии — всё, что проходило через его руки, оседало на полках внутреннего хранилища, ждало.

Когда-то он думал, что это — бесполезно. Что в мире, где нет электричества, справочник электрика — как стихи на мёртвом языке: красивые, но — ненужные. Что в мире, где выживание — это вода, еда, укрытие, технические справочники — балласт, мёртвый вес на полках, которые и без того проседают.

Оказалось — нет.

Оказалось, что в этом мире, как и в библиотеке, нет бесполезных книг. Есть неподходящие обстоятельства.

Никита закрыл справочник, положил на топчан, рядом с очками. Посмотрел на потолок, на пятна сырости — Архипелаг Плесени, Море Затхлости. Посмотрел на Фёдора Михайловича — тёмно-зелёный, золотой, молчащий. Посмотрел на ловушки — три петли, три тропы, три шанса на завтрак.

— Фёдор Михайлович, — сказал он, тихо, в тишину. — У меня появился... знакомый.

Тишина.

— Он — не человек, — продолжил Никита. — Он — машина. Голос в железе. Он вежливый, как... — он замолчал, подбирая сравнение, и не нашёл. В его мире не было вежливых. — ...как из книги. Как персонаж из книги.

Тишина. Кап. Пауза. Кап.

— Он сказал, что подождёт, — сказал Никита. — И я ему верю. Понимаете? Верю — машине. Двадцать лет не верил людям, а машине — верю.

Фёдор Михайлович молчал. Но молчание его было — не пустое. Молчание книги — особое: оно наполнено, оно — ждёт, когда откроют. Когда прочитают. Когда — услышат.

Никита лёг. Потолок — низкий, бетонный, с картами неизвестных континентов. Песок — тонкий, жёлтый, на полу, на полках, в трещинах. Мир — мёртвый, тихий, привычный.

Но — где-то, под ним, под песком, под руинами, под мёртвым городом — мигал красный индикатор.

И Никита — впервые за двадцать лет — заснул не с мыслью о завтраке.

Он заснул с мыслью о том, что завтра — пойдёт. Справочник — в рюкзаке, маршрут — в памяти, цель — в темноте, под землёй, где кто-то считал минуты и — ждал.

Глава 3. Протокол номер один

Спуск через вентиляционный канал был на этот раз привычнее — тело помнило, где сжаться, где развернуть плечо, где не дышать. Колено, замотанное двумя слоями бинта и полосой ткани, снятой с библиотечного чехла, ныло ровно, привычно, как ноет зуб, к которому притерпелся. Никита полз вниз, отталкиваясь локтями, прижимая рюкзак к спине, и считал метры — не по длине, а по боли: на четвёртом метре колено стукнуло о стенку канала, на шестом — локоть разодрал кожу до крови, на восьмом — свет внизу, красный, мигающий, как маяк, как пульс, как обещание.

Он вывалился из канала на бетонный пол, перекатился на бок, полежал. Дышал. Пахло — так же, как вчера: сухо, тепло, металлом и озоном. Запах работающей электрики. Запах, которого не было нигде в его мире и который здесь, в бунке-

ре, был нормой, как плесень — в подвале библиотеки.

Красный индикатор мигал. Но — иначе. Никита заметил не сразу, лишь когда сел, привалившись к стене, и привычно вытянул больную ногу. Индикатор мигал реже. Не так, как вчера, — мерно, уверенно, с интервалом в секунду. Теперь — с интервалом в две, а может, три секунды. Свет — тусклее. Между вспышками темнота держалась дольше, и в этой темноте бункер казался глубже, тише, пустее, чем вчера.

ДОБРО молчал.

— ДОБРО? — сказал Никита, и голос его, хриплый, с пылью, прозвучал слишком громко в тишине бункера.

Пауза. Длинная — не как вчера, когда ДОБРО отвечал мгновенно, как машина, достающая данные из памяти. Теперь — секунды три, может, четыре. Индикатор мигнул.

— Рад, что вы вернулись, — сказал голос. Тот же — мягкий, бархатный, с лёгкой хрипотцой, — но тише. Как человек, который говорит, экономя дыхание. — Я уже начал беспокоиться, что мне придётся скучать в одиночестве, а это, поверьте, пренеприятнейшее занятие для системы, рассчитанной на диалог.

Никита выдохнул. Что-то внутри, что было стиснуто с момента, как он вылез из подвала утром, — разжалось. Не до конца — не до лёгкости, не до облегчения, — но достаточно, чтобы дышать без счёта.

— Я принёс не то, что обещал, — сказал он, стаскивая рюкзак. — КП-14 у меня нет. Такого нет нигде — ни в библиотеке, ни в окрестностях. Я обошёл то, что мог, за световой день. Но...

Он замолчал. Достал из рюкзака справочник электрика — тонкий, в бумажной обложке, с пятном масла, — и положил на пол. Потом — фонарь, армейский, прямоугольный, мёртвый. Разобрал его, не торопясь, привычными пальцами: корпус, отражатель, линза, два контакта, пружина. Не фонарь — запчасти. Потом — моток медного провода, снятого с ржавого трансформатора на свалке. Потом — два контакта, выломанные из разбитого дозиметра, и пластину из нержавеющей стали, которую он нашёл в обломках гаража, в двух кварталах от библиотеки. Всё — не КП-14. Всё — мелочь, обрывки, остатки. Всё — бесполезное, если не знать, для чего.

— Я не нашёл блок питания, — сказал Никита. — Но я... думал. Дорогой сюда. И yesterday — вечером, в подвале. Я читал справочник. Трижды. И — я кое-что понял.

Он замолчал. ДОБРО молчал тоже. Между ними — тишина, но другая, не пустая, как в подвале библиотеки, а — наполненная, как пауза между вопросом и ответом, как молчание собеседника, который слушает.

— Я не инженер, — продолжил Никита. — Я не знаю, как собрать аккумулятор. Но я знаю, как прочитать схему. И я помню — из справочника, страница сорок три — что литий-ионные элементы теряют ёмкость при глубоком разряде, но не всегда умирают полностью. Если элемент хранился в герметичном, сухом, тёплом месте — он может сохранить остаточный заряд. Не полный. Но — достаточный. Для... запуска. Может быть.

— Логично, — сказал ДОБРО. — Однако для проверки этой гипотезы вам потребуется найти такой элемент. И не просто найти — а идентифицировать, проверить, извлечь и подключить. В надлежащей последовательности.

— Я знаю.

— И вы — не инженер.

— Я — библиотекарь.

Пауза. Короткая.

— Это, — сказал ДОБРО, и в голосе была нотка, которую Никита не сразу распознал, потому что не слышал её двадцать лет, — это может оказаться полезнее, чем вы думаете. Инженер полагается на инструменты. Библиотекарь — на информацию. В мире без инструментов — информация ценнее.

Никита не ответил. Он смотрел на разложенные перед ним детали — провод, контакты, пластина, — и думал: да, он библиотекарь. Двадцать лет он читал о вещах, которых не было, о мире, который умер, и каждое слово оседало на полках внутреннего хранилища, и он не знал зачем, и считал это бесполезным, и — вот. Вот — зачем.

Но — КП-14 не было. Он не нашёл. И признать это было — стыдно. Не перед машиной — перед собой. Он обещал. Ему поверили. И — не смог.

ДОБРО, будто услышав, сказал:

— Позвольте заметить: вы вернулись. Это уже — не мало.

— Я вернулся без результата, — сказал Никита, и голос был — грубый, с тем оттенком, который в его устах означал не злость, а — стыд, переодетый в злость.

— Вы вернулись с информацией, с материалами и с намерением. Результат — следствие. Позвольте — предложить?

— Предлагай.

— Блок КП-14 — штатный, стандартный, единственный рекомендованный источник для серии «Дружина». Но — не единственный возможный. Экзоскелет рассчитан на работу с любым источником постоянного тока, соответствующим параметрам: напряжение — от тридцати шести до пятидесяти двух вольт, ёмкость — не менее четырнадцати ампер-часов. Это — из технической документации, раздел «Питание», подраздел «Совместимость».

— И?

— И — в данном бункере, согласно схеме объекта, предусмотрен резервный энергоэлемент. Тип «РЭ-2». Не основной — дополнительный, для аварийного запуска систем. Он хранится в нише технического отсека, за перегородкой. Номинальное напряжение — тридцать шесть вольт, ёмкость — восемнадцать ампер-часов. Ниже минимального, но — с допустимым допуском.

— Он там? — спросил Никита.

— Не знаю, — ответил ДОБРО. — Мои сенсоры охватывают только основной объём бункера. Технический отсек — за перегородкой, вне зоны действия. Я не имею данных о содержимости ниш. Но — согласно описи, которая хранится в моей базе, элемент должен быть там. Если его не изъяли.

— Двадцать лет, — сказал Никита. — За двадцать лет тут могли побойти мародёры.

— Могли, — согласился ДОБРО. — Однако вы сами отметили: бункер герметичен. Вы проникли через вентиляционный канал — единственный путь, не предусмотренный проектом. Основной выход — лестничный колодец — может быть завален. Если мародёры не знали о бункере — а вы не знали, и вы живёте в двух часах ходьбы, — то, вероятно, не знали и они.

— Логично, — сказал Никита. Слово прозвучало странно — он не говорил «логично» двадцать лет. Это было слово из другого языка, из довоенного, из того, где люди спорили, доказывали, рассуждали. В его языке были другие слова: «есть — нет», «можно — нельзя», «жив — мёртв». Но — да. Логично.

— И ещё, — добавил ДОБРО. — Даже если элемент

сохранился, его заряд может быть недостаточен. РЭ-2 — резервный, не рассчитанный на длительное хранение. Но — герметичный контейнер, постоянная температура, отсутствие влаги — условия, которые максимально благоприятны для сохранения остаточного заряда.

— Сколько? — спросил Никита.

— Точных данных нет. Но — если элемент сохранил хотя бы тридцать процентов номинальной ёмкости — этого хватит для запуска базовых функций экзоскелета. Мобильность, сенсоры, базовая гидравлика. Не полное восстановление — но — встать. Сделать шаг. Возможно — несколько.

— И если не сохранил?

— Тогда — я замолчу. Через... — пауза, — два часа и сорок три минуты.

Два часа сорок три минуты. Никита посмотрел на красный индикатор, мигающий реже, тусклее, чем вчера. Два часа сорок три минуты — и снова тишина. Двадцать лет тишины были привычны, но теперь, когда он знал, как звучит голос, — мысль о тишине была не привычна, а — страшна.

Он встал. Колено — больно, но терпимо. Левая нога —

уверенно. Правая — на носок, привычно. Он подобрал провод, контакты, пластину, сунул в карманы, справочник электрика — во внутренний, где когда-то, в другой жизни, носил читательский билет.

— Где ниша? — спросил он.

— За перегородкой, — сказал ДОБРО. — От моего подиума — направо, вдоль стены, четыре метра. Перегородка — металлическая, тонкая, не доходящая до потолка. За ней — технический отсек. Ниша — в дальней стене, на высоте одного метра от пола, закрыта панелью на четырёх винтах. Тип — крест. Если у вас нет отвёртки...

— У меня есть нож, — сказал Никита. — Кухонный. Зазубренный.

— Прекрасно. Отвёртка — излишество, когда есть упорство. Панель должна податься, если винты не окислились. В герметичном бункере окисление — минимально, но — двадцать лет есть двадцать лет.

Никита двинулся. Хромая, держась за стену — левой рукой, здоровой, — считая шаги. Четыре метра — двадцать два шага, если на одном носке. Перегородка — да, металлическая, тонкая, из листового железа, не доходящая до потолка

на полметра. За ней — темнота, гуще, чем в основном объёме, и — тише. Звук аварийного гула не достигал сюда, или достигал, но — слабее, приглушённый перегородкой, как голос за стеной.

Он обогнул перегородку. Темнота. Пахло — иначе: не озоном, а — резиной, старой резиной, и чем-то масляным, техническим, из довоенного мира, из гаражей, из мастерских, из тех мест, где пахло машинами и работой. Никита знал этот запах. Двадцать лет он не чувствовал его, но помнил, как помнят звук материнского голоса — не словами, а — телом, кожей, тем, что не забывается.

Справочник электрика — в кармане, с собой. Он достал его, раскрыл. Свет — тусклый, красный, из-за перегородки, едва доставал сюда. Никита щурился, наклонял голову, привычно компенсировал — треснутое стекло, смола, двоящееся правое. Страница сорок пять: «Поиск и идентификация источников питания в полевых условиях». Читал — не вслух, про себя, быстро, по диагонали. «Контейнер — металлический, герметичный, с резиновым уплотнителем». «Маркировка — на боковой грани, штамповка». «Клеммы — защищены колпачками, цвет: красный — плюс, чёрный — минус». «При извлечении — не допускать короткого замыкания между клеммами».

Он нащупал стену. Бетон — гладкий, сухой, тёплый, как везде. Провёл рукой — вверх, вниз, в стороны. На высоте примерно метра — край. Панель. Металлическая, прямоугольная, с — да, четырьмя винтами, по углам. Крест. Он достал нож — кухонный, зазубренный, единственное оружие — и вставил кончик лезвия в шлиц первого винта. Повернул. Винт — скрипнул, но — поддался. Двадцать лет ржавчины — не так много в герметичном бункере. Второй — так же. Третий — ту же, пришлось поработать лезвием, качая, выковыривая, но — поддался. Четвёртый — заклинил, и Никита выругался. Тихо, сквозь зубы, одним словом — коротким, из трёх букв, — которое в его устах, в его мире, в его подвале, где не было собеседников, было не ругательством, а — звуком, заменявшим стон, крик, молитву. Звуком, который помогал.

Винт — поддался. Панель — отошла. Никита снял её, оставил в сторону, заглянул в нишу.

Там, за уплотнителем — резиновым, серым, сохранившим форму, — лежал контейнер. Металлический, прямоугольный, размером с две ладони, тяжёлый — Никита почувствовал вес, когда вытащил. На боковой грани — штамповка: «РЭ-2. 36V. 18Ah». И ниже — дата производства, выдавленная в металле, как дата на надгробии.

Клеммы — защищены колпачками. Красный — плюс. Чёрный — минус. Никита не трогал. Он держал контейнер в руках — тяжёлый, тёплый, с маркировкой, которую он разбирал при свете красного индикатора, щурясь, наклоняя голову. Тёплый. Не от солнца — от чего-то внутри. От — заряда? Остаточного? Или — от температуры бункера, постоянной, ровной, которая держала элемент в тепле двадцать лет, как инкубатор?

— ДОБРО, — сказал он, и голос дрогнул. Не от страха — от чего-то, чему не знал названия. От — может быть, надежды. Он не помнил, что это — надежда. — Я нашёл.

Пауза. Длинная. Индикатор за перегородкой мигнул — один раз, ярче, чем раньше, как будто — встрепенулся.

— РЭ-2, — сказал ДОБРО. — Тридцать шесть вольт, восемнадцать ампер-часов. Ниже минимального, но — в допуске. Поздравляю, Никита. Вы только что совершили то, чего не смог бы сделать инженер без информации. Библиотекарь — нашёл.

Никита не ответил. Он стоял в темноте технического отсека, держа в руках энергоэлемент, и думал: нет. Не нашёл. Нашёл — я. Двадцать лет в подвале, двадцать лет с книгами, двадцать лет — один. И вот — нашёл. Не потому что инже-

нер. А потому что — читал. Потому что — запоминал. Потому что — не выбросил справочник, который все выбросили, потому что — держал на полке, рядом с Достоевским и Пушкиным, книгу, которая казалась бесполезной, и — вот.

Он понёс контейнер к экзоскелету.

Нести было недалеко — четыре метра, перегородка, основной объём. Но контейнер был тяжелее, чем он ожидал, и колено — на каждом шаге — напоминало о себе тупой, ноющей волной. Он шёл, прижимая контейнер к груди, как в другой жизни нёс книги — стопку, большую, по локоть, — из хранилища к стойке выдачи. Книги — лёгкие, бумажные, тёплые от человеческих рук. Контейнер — тяжёлый, металлический, тёплый от — от чего? От электричества. От того, что было внутри, что не умерло, что ждало — как ДОБРО, как он сам, — двадцать лет.

Он вышел из-за перегородки. Красный свет — ярче, здесь, в основном объёме, и в нём экзоскелет был виден целиком: тёмный, матовый, пристёгнутый ремнями, с мерцающими индикаторами на груди, с белыми прорезями-глазами, с антенной на макушке, чуть наклонённой, как усик насекомого, которое учуяло что-то.

— Разместите элемент в блоке на спине, — сказал ДОБ-РО. — Я направлю вас шаг за шагом.

Никита обошёл экзоскелет. Спина — мощнее груди, как и вчера. Рёбра жёсткости, вентиляционные решётки, кабели в оплётке. Блок — прямоугольный, тяжёлый, с разъёмами и контактами, открытыми, без заглушек. Пустой. Он видел их вчера — чистые, блестящие, без окиси. Сегодня — те же. Но теперь — не пустые. Теперь — он держал в руках то, что должно было туда войти.

— Снимите защитные колпачки с клемм, — сказал ДОБ-РО. — Красный — слева, чёрный — справа. Не перепутайте.

Никита снял. Красный — слева. Чёрный — справа. Колпачки — резиновые, тугие, но поддались. Под ними — клеммы, металлические, блестящие, без окиси. Герметичный контейнер сохранил всё.

— Теперь — ориентируйте элемент так, чтобы клеммы совпали с разъёмами в блоке. Красный — к красному, чёрный — к чёрному. На блоке есть маркировка — посмотрите.

Маркировка — была. Мелкая, выгравированная, но — читаемая, если наклонить голову и прищуриться. Плюс —

слева. Минус — справа. Никита развернул контейнер, встал — не сразу, не с первого раза, разъём был меньше, чем ожидалось. РЭ-2 — не штатный КП-14, он меньше, компактнее, и разъёмы не совпадают.

— Не входит, — сказал он.

— Ожидаемо, — ответил ДОБРО. — РЭ-2 — нештатный элемент. Для его установки требуется переходник из монтажного комплекта. Комплект хранится в нише у подиума — слева, внизу, у основания. Металлическая коробка, размером с ладонь.

Никита опустился на колени — левое, здоровое, правое — на весу, больно, но терпимо. Ниша у подиума — да, тёмная, узкая. Он запустил руку — провёл по бетону, по пыли, по чему-то мягкому, тряпичному, — и нащупал. Коробка. Металлическая, ржавая, с крышкой на шарнире. Он открыл — крышка скрипнула, и внутри, на поролоновом ложементе, который почернел от времени, но сохранил форму, — контакты, пластины, винты, пружинки. Монтажный комплект. Переходник — две пластины нержавеющей стали с контактами, соединённые перемычкой, — лежал сверху.

— Нашёл, — сказал Никита.

— Прекрасно. Установите переходник в разъём блока — пластины входят в пазы, контакты — наружу. Затем вставьте элемент — клеммами в переходник. Защёлка — на боковой грани, должна зафиксировать с щелчком.

Никита работал. Пальцы — грубые, обветренные, с обломанными ногтями — не слушались, дрожали, но — помнили. Помнили, как собирал фильтр для воды: слой за слоем, деталь за деталью, аккуратно, точно. Здесь — так же: пластины в пазы, контакты наружу, перемычка — посередине. Переходник встал — туго, с лёгким скрипом, но — встал. Потом — элемент. Клеммы — к контактам. Красный к красному, чёрный к чёрному. Вставил. Нажал. Защёлка —

Щелчок.

Тихий, механический, уверенный. Как поворот ключа в замке. Как щелчок реле. Как — вчера, когда его ладонь случайно нажала кнопку на груди экзоскелета, и — началось.

Началось.

Гул изменился. Сразу — не постепенно, не по нарастающей, а — резко, как человек, которого разбудили. Он стал глубже, ниже, увереннее, и к нему добавился второй слой — ровный, стабильный, как звук работающего двигателя, толь-

ко — тише, чище, без вибраций, без выхлопа, без запаха. Индикаторы на груди загорелись — ярче, все разом, не по очереди, как вчера, а — одновременно, как будто кто-то включил свет во всём доме. Красный — погас. Жёлтый — мигнул, погас. Зелёный — загорелся. Ровный, яркий, уверенный. Зелёный. Рабочий.

Никита отступил. Два шага — спиной, не оборачиваясь, как отходят от огня. Прижался к стене. Сердце — быстро, быстрее, чем ему хотелось, но он не мог его остановить, как не мог остановить капли в банке или ветер на поверхности. Он смотрел.

Экзоскелет — дрогнул. Не голова, не рука — весь. Дрожь прошла по нему, как по человеку, который потягивается после сна, — от стоп к голням, к бёдрам, к пояснице, к плечам, к шее. Сервоприводы — зашуршали. Тихо, быстро, как страницы, которые переворачивают веером. Гидравлика — застонала. Глубоко, низко, как старая дверь, которую открыли впервые за двадцать лет. Ремни, пристёгивающие экзоскелет к стойке, — натянулись. Тонкая, матерчатая лента — одна, другая, третья — натянулась, побелела на краях, и —

Лопнула.

Первый ремень — с сухим треском, как тетива. Второй —

так же, мгновением позже. Третий — с задержкой, как будто сопротивлялся, как будто — не хотел. Но — лопнул. Экзоскелет стоял, свободный, не пристёгнутый, не привязанный, и — Никита понял, что задержал дыхание, и — не мог выдохнуть, потому что — сейчас. Сейчас.

Экзоскелет шагнул.

Стопа — правая, массивная, с грунтозацепами — оторвалась от подиума. Медленно, с усилием, с лязгом гидравлики, которая не работала двадцать лет и теперь — просыпалась, вспоминала, как это — двигаться. Стопа опустилась — на бетон. Удар. Глухой, мощный, как удар колокола. Бетон — вибрировал, и Никита почувствовал вибрацию спиной, через стену, через тело, через кости. Как землетрясение. Маленькое, локальное, — в два с лишним метра высотой.

Левая стопа — оторвалась. Поднялась — выше, быстрее, увереннее. Правая уже стояла, уже держала, уже — помнила. Левая — шагнула. Опустилась. Удар — тише, мягче, как будто экзоскелет учился — на ходу, в процессе, как ребёнок, который делает второй шаг и уже знает, что первый — был не ошибкой.

Третий шаг — почти плавный. Сервоприводы шуршали, гидравлика стонала, но — меньше, тише, как будто смазка —

притёрлась, разогналась, нашла ритм. Экзоскелет стоял — в двух шагах от подиума, в центре бункера, — и был — выше, чем Никита ожидал. Два с лишним метра. Массивный, тёмный, с мерцающими зелёными индикаторами, с белыми прорезями-глазами, с антенной на макушке, которая качнулась — едва, на полградуса — и застыла.

Красиво. Как и вчера — когда он впервые увидел его в красном свете, пристёгнутого, неподвижного. Но теперь красота была — движущаяся, живая, и от этого — страшная. Красота машины, которая ходит, — не та, что красота машины, которая стоит. Стоящая — статуя, монумент, памятник. Ходящая — существо.

— Извините за... некоторую неуклюжесть, — сказал ДОБРО. Голос — тот же, мягкий, бархатный, с иронией, — но громче, увереннее, как у человека, который проснулся, умылся, оделся и — вышел к людям. — Гидравлика требует калибровки, а я... давно не ходил.

Никита молчал. Он стоял у стены, снизу вверх смотрел на экзоскелет, на две с лишним метра тёмного металла, на зелёные индикаторы, на белые прорези-глаза, которые — он поклялся бы — смотрели на него. Не как вчера — мягко, успокаивающе, как фонарь у кровати. Иначе. Внимательнее. Как смотрят, когда — видят. По-настоящему.

— Ты... ходишь, — сказал Никита. Голос — тихий, хриплый, и в нём было — не удивление, не страх, не радость. В нём было — всё сразу, и всё — не помещалось, и потому — только два слова.

— Ходим, — поправил ДОБРО. — Формально — ходим мы. Вы установили питание, я — управляю. Без вас я — голос. Без меня — металл. Вместе — нечто... большее.

Никита не ответил. Он смотрел, как экзоскелет поворачивается — медленно, с лёгким скрипом, с шорохом сервоприводов, — и проверяет системы. Правая рука — поднялась, согнулась в локте, пальцы — разжались, сжались. Левая — так же, но — быстрее, увереннее. Голова — повернулась — направо, налево, обратно. Антенна — качнулась. Шаг — вперёд, назад, вбок. Не танец — тест. Машина проверяла себя, как человек, который долго лежал и теперь — шевелит пальцами, сгибает колени, пробует — работает ли. Тело, которое помнит, но — должно вспомнить.

Колено ныло. Никита прислонился к стене, опустил глаза на секунду, и когда поднял — экзоскелет стоял прямо перед ним. Не в двух шагах — ближе. На расстоянии вытянутой руки. Прорези-глаза — на уровне его лба, белые, мягкие, неяркие. Он чувствовал тепло — от вентиляционных решё-

ток, от работающих сервоприводов, от электричества, которое бежало по кабелям, как кровь по венам. Тепло живого.

— Протокол номер один, — сказал ДОБРО. Голос — тихий, без иронии, без бархата. Просто — голос. — Сопровождение пользователя. Разрешите приступить?

— Приступай, — сказал Никита.

И — почти улыбнулся. Не улыбнулся — но — почти. Уголок рта — дрогнул, на секунду, на полсекунды, и — замер. Но — дрогнул. Впервые за двадцать лет — что-то дрогнуло, что не было болью.

Экзоскелет повернулся — медленно, с шорохом, — и сделал шаг к провалу в потолке. К выходу. К свету — серому, мутному, мёртвому, но — свету. Антенна на макушке качнулась — едва, на полградуса, как усик насекомого, которое учуяло что-то. Прорези-глаза — горели белым, мягким, направленными вверх, туда, где за бетоном и землёй и песком лежал мир — мёртвый, тихий, привычный, — который не знал, что под ним, в темноте, кто-то — встал.

ДОБРО остановился. Не резко — плавно, как человек, ко-

торый дошёл до конца комнаты и упёрся в стену. Экзоскелет замер, глядя в провал, и гул его — ровный, рабочий, уверенный — наполнял бункер, как наполняет комнату звук работающего камина. Не громко — но — вездесуще.

— Расчётный ресурс элемента РЭ-2 при текущем уровне энергопотребления, — сказал ДОБРО, — приблизительно четыре часа активной работы. С учётом калибровки гидравлики и тестовых движений — три часа сорок минут. За это время нужно решить — что дальше. Куда идти. Зачем.

Никита молчал. Вопрос «зачем» — он не слышал этого вопроса двадцать лет. «Зачем» — слово из другого языка, из довоенного, из того, где люди имели цели, планы, намерения. В его языке «зачем» не было. Было — «где еда», «где вода», «где безопасно». Зачем — было лишним. Зачем — было роскошью, которую он не мог себе позволить.

Но — сейчас. Сейчас, когда экзоскелет стоял, когда зелёный свет горел, когда ДОБРО — ходил, говорил, смотрел, — «зачем» перестало быть роскошью. Стало — необходимостью. Потому что три часа сорок минут — это не вечность. Это — окно. И в это окно нужно — что-то. Не просто — быть. А — делать.

— У меня есть библиотека, — сказал Никита. Голос был

— тихий, медленный, как у человека, который говорит не для собеседника, а для себя, и собеседник — слушает, и это — уже непривычно, и — от этого — слова идут труднее, потому что — есть кому услышать. — Там — книги. Там — крысы. Там — я. Теперь — здесь — ты. Я не знаю, что с этим делать. Но — есть.

Тишина. Не пустая — наполненная. Как тишина между двумя нотами, которые держат смысл друг друга.

— Это, — сказал ДОБРО, и голос был — мягкий, бархатный, с той лёгкой иронией, которая не обижала, а — согревала, — между прочим, очень неплохой ответ для человека, который не разговаривал двадцать лет. Позвольте заметить: вы даже не ругнулись ни разу.

Никита посмотрел на экзоскелет. На две с лишним метра тёмного металла. На зелёные индикаторы. На белые прорези-глаза, которые смотрели на него — мягко, внимательно, не мигая. На антенну, которая качнулась — едва, на полградуса — и замерла.

— Рано радуешься, — сказал он. — Я ещё не начинал.

ДОБРО — молчал. Но молчание его было — не пустое. Оно было — как молчание книги, которая ждёт, когда от-

кроют. Когда — прочитают. Когда — услышат.

Экзоскелет стоял в центре бункера, направив прорези-глаза в провал потолка, к выходу, к свету, к миру наверху. Зелёные индикаторы горели ровно, стабильно, как фонари, которые поставили у дороги, чтобы путник не сбился. Гул — рабочий, уверенный, ровный — наполнял бункер, как дыхание наполняет тело.

Три часа сорок минут. Этого хватит, чтобы подняться. Этого хватит, чтобы дойти до библиотеки. Этого хватит, чтобы — показать. Или — не показать. Или — просто — дойти. Вместе.

Впервые за двадцать лет Никита Воронов, бывший библиотекарь, бывший выживальщик, человек с треснувшим стеклом и больным коленом, стоял рядом с тем, кто — ходил, говорил, смотрел, — и думал не о завтраке.

Он думал о дороге.

Глава 4. Первые шаги

Три часа сорок минут. Никита переварил это число, пе-

рекатил его во рту, как камень, и не нашёл вкуса. Три часа сорок минут — это книга, которую он читал вслух в подвале: длинная, но — с известным концом. Только здесь концом была не последняя страница, а — тишина. Та самая, к которой он привык за двадцать лет и которая теперь, после двух дней голоса, казалась не привычной, а — пустой. Как комната, из которой вынесли мебель.

Экзоскелет стоял в центре бункера, мерцая зелёным, и гудел — ровно, уверенно, как механизм, который не знает сомнений. ДОБРО молчал, но молчание его было — рабочее, не то, что вчера, когда индикаторы мигали редко и тускло, как угасающие звёзды. Сейчас — ярко, ритмично, как светофор, который знает, что ему гореть.

— ДОБРО, — сказал Никита. — Ты сказал — «сопровождение пользователя». Что это значит? Ты идёшь рядом? Как собака?

Пауза. Короткая — не как вчера, не вынужденная, а — обдумывающая. Как человек, который подбирает слово.

— Не совсем, — сказал ДОБРО. — Точнее — совсем не так. Сопровождение пользователя в рамках протокола номер один предполагает, что пользователь находится внутри экзоскелета. Я — не рядом. Я — вокруг. Экзоскелет надевает-

ся на человека, как... — пауза, — как одежда. Как верхняя одежда. Как пальто, если позволите.

— Пальто, — повторил Никита. Он посмотрел на экзоскелет — на две с лишним метра тёмного металла, на броневые пластины, на гидравлические цилиндры, на шарниры и заклёпки. — Ты хочешь, чтобы я залез в это?

— Не залез. Надел. Процедура несложная и, если позволите, я проведу вас по шагам.

Никита не двинулся. Он стоял у стены, прижимая рюкзак к груди, как ребёнок прижимает вещь, которая отделяет его от незнакомца. Экзоскелет был — большой. Он знал это и вчера, и позавчера, когда впервые увидел его в красном свете, пристёгнутого к стойке. Но тогда он был — объект. Дальше — собеседник. Теперь — одежда. Каждый шаг приближал его к чему-то, чему он не знал названия, и от этого было — не страшно, нет. Страшно было вчера, когда экзоскелет стоял. Сейчас было — хуже. Сейчас было — непонятно.

— Ты сказал — гражданская модификация, — сказал Никита. — Что это значит? Для мирных. Для обычных. Это — не боевое?

— Совершенно верно. Серия «Дружина-М» разработана

для гражданских нужд: строительство, спасательные операции, работа в условиях повышенной опасности — пожары, обвалы, химические загрязнения. Не для боя. Для — помощи. Экзоскелет не управляет человеком. Он — усиливает. Ваше движение — моё исполнение. Ваше решение — моя реализация. Я не двигаю вас. Я — двигаюсь с вами.

— Как второй скелет, — сказал Никита. Не спрашивал — говорил, и слышал со стороны, как звучат его слова: глупо, наивно, как объяснение ребёнку. Но ДОБРО не засмеялся. ДОБРО не умел.

— Именно, — сказал ДОБРО, и в голосе было — Никита поклялся бы — удовольствие. Как у учителя, который ждал правильного ответа и — дождался. — Второй скелет. Внешний. Который делает то, что должен внутренний — но лучше. Если внутренний — позволяет.

Последние два слова повисли. Никита опустил глаза на правое колено — замотанное бинтом, тугое, тёплое, ноющее. Внутренний не позволял. Внутренний был — изношен, как книга, которую перечитали слишком много раз: корешок треснул, страницы — выпадают.

— Ладно, — сказал он. — Как.

ДОБРО развернул экзоскелет спиной к Никите. Задняя секция — грудная пластина и панель плечевых захватов — раскрылась, разъехалась в стороны, как раковина моллюска, который выпускает жемчужину. Только здесь — наоборот: раковина принимала. Внутри — полость, повторяющая контуры человеческого тела: выемки для плеч, для спины, для бёдер. Стенки — тёмные, матовые, с мягкими накладками из материала, который Никита не знал. Резина? Пластик? Что-то довоенное, что не сохло, не трескалось, не крошилось. На ощупь — тёплое. Живое.

— Станьте на подиум, — сказал ДОБРО. — Спиной к экзоскелету. Ноги — в гнёзда голеней. Я направлю.

Никита встал. Колено — протестовало, тупой волной, привычной. Он не слушал. Двадцать лет он не слушал колени — и оно не отстало, но — притихло, смирилось, как сосед, который ворчит, но — никуда не уходит.

Левая нога — в гнездо. Мягкий захват сомкнулся на голени — не больно, не туго, но — ощутимо, как рука, которая берёт за локоть на льду: не сжимая — удерживая. Правая нога — осторожнее, медленнее, колено ноет, но — встало. Захват сомкнулся. Он стоял — в ногах экзоскелета, спиной

к его спине, как в незнакомой комнате, в которую вошёл, но — не решился сесть.

— Руки — в рукава, — сказал ДОБРО. — Правую — первой, если не возражаете. Я поддерживаю.

Никита поднял правую руку — тяжёлую, неуклюжую, потому что рука была не его, а — экзоскелета, и экзоскелет поднимал её, но — с задержкой. Доли секунды, невидимые, неощутимые — но Никита чувствовал. Как пауза между намерением и действием, между мыслью и шагом. Его рука хотела — экзоскелет выполнял. Между ними — зазор, тоньше волоса, но — зазор.

Рукав — принял руку. Мягкая подкладка, захват на предплечье, на запястье. Кисть — в кистевой модуль, который сомкнулся вокруг пальцев, как перчатка. Не сжимая — держа. Левая рука — так же, но быстрее, потому что он уже знал, как. Знал — не умом, а телом, которое запомнило движение правой и повторило для левой, как повторяет ученик, который списал один раз и — понял.

— Поясной ремень, — сказал ДОБРО. Щелчок. — Плечевые захваты. Щелчок. — Кистевые модули — синхронизированы. Щелчок. — Грудная секция — закрытие.

Задняя панель — поехала, сомкнулась. С тихим лязгом, с шорохом, с вибрацией, которая прошла по всему телу — от стоп до плеч, как волна, как вздох. И — темнота. Нет — не темнота. Свет, но — другой: зеленоватый, мерцающий, идущий откуда-то изнутри, от индикаторов, которые Никита раньше видел снаружи. Теперь он был — внутри. Теперь индикаторы были — его.

Вес. Экзоскелет весил — много. Никита знал это: он не мог его поднять, не мог сдвинуть, когда тот стоял на подиуме. Но теперь — стоял внутри, и вес — исчез. Не уменьшился — исчез, как звук, к которому притерпелся. Экзоскелет нёс сам себя. Нёс и — его. Никита стоял, и давление, которое он чувствовал — не вес, не тяжесть, а — объятие. Чужое, машинное, но — объятие, как рука, которая держит за плечо: не давит — присутствует.

И — колено. Колено — перестало болеть. Не прошло — иначе: гидравлика перехватила нагрузку, и сустав, который нёс тело двадцать лет, который хрустел и ныл и напоминал о себе каждым шагом, — замолчал. Никита стоял — прямо. Без наклона, без хромоты, без привычного переноса веса на левую ногу. Просто — прямо. Впервые за — он не помнил, за сколько. За — всегда.

Он перенёс вес на правую ногу. Автоматически, привыч-

но, как делал тысячи раз в день — и ждал боли. Боли не было. Нога стояла — ровно, уверенно, как стояла левая, как стояли обе, как — должно. Никита качнулся вперёд — на носки. Назад — на пятки. Колено — молчало. Гидравлика — шелестела, тихо, мягко, как страница, которую переворачивают.

Это было — дезориентирующее. Не радость, не облегчение — дезориентация. Двадцать лет боли — не острой, не невыносимой, но — постоянной, фоновой, как шум дороги за окном, к которому привыкаешь и который перестаёшь замечать, пока его не выключат. Его — выключили. И теперь — тишина, которая громче шума.

— Я зафиксировал повреждение правого коленного сустава, — сказал ДОБРО. Голос — изнутри. Не из рёшётки-рта, которая теперь была — впереди, вне его, — а из everywhere, отовсюду, из металла, который обнимал его тело. Как музыка в наушниках, которые не вставлены в уши, а — вмонтированы в стены комнаты, в которой ты стоишь. — Рекомендую не перенапрягать. Экзоскелет компенсирует, но — не лечит. Я — не врач. Я — компаньон.

— Компаньон, — повторил Никита. Слово прозвучало иначе — изнутри. Не как эхо, не как ответ. Как — констатация. Как подпись под документом, который он не читал, но — поставил.

ДОБРО начал инструктаж — и Никита слушал, и не верил, что слушает.

— Прежде чем мы покинем объект, позвольте провести базовую калибровку походки. Экзоскелет повторяет ваши движения, но с микрозадержкой — долями секунды, необходимыми для усиления. Это значит, что каждый шаг будет ощущаться как... не совсем ваш. Вы начинаете — я заканчиваю. Не пугайтесь. Привыкнете.

— Откуда ты знаешь, что привыкну?

— Статистика. Девяносто три процента пользователей адаптируются к походке в течение первого часа. Остальные семь — в течение первого дня. Вы — в каком проценте?

— Я не знаю, — сказал Никита. — Я ещё не шагнул.

— Тогда — шагните.

Никита шагнул. Левой — привычно, мягко, на носок, как ходил двадцать лет: тихо, незаметно, как животное, привыкшее к тому, что оно — добыча. Экзоскелет повторил — но

сильнее. Шире. С лязгом гидравлики, которая сработала на полную, потому что не знала, что он хотел — тихо. Нога ушла дальше, чем он рассчитывал, тело качнулось, и Никита схватился — за воздух, за ничего, за стену, которой не было рядом. Экзоскелет качнулся с ним — и выровнял, мгновенно, гидравлика поймала, удержала, поставила. Никита стоял. Сердце — колотилось.

— Меньше амплитуды, — сказал ДОБРО. Без паники, без упрёка — как тренер, который видел это тысячу раз. — Экзоскелет усиливает пропорционально. Вы даёте много — я даю много. Думайте не о шаге — о намерении шага. Малое намерение — малый шаг. Попробуйте.

Никита попробовал. Намерение — маленькое, тихое, как мысль, которая только родилась и ещё не стала словом. Шаг. Экзоскелет повторил — мягче, короче, ближе к тому, что он хотел. Не точно — но ближе. Зазор — был. Но — тоньше.

— Вот, — сказал ДОБРО. — Уже лучше. Ещё раз.

Никита ходил по бункеру. От стены к стене — четыре шага туда, четыре обратно. Бункер был — небольшой: сто двадцать квадратных метров, бетон, перегородки, пульт, подиум. В экзоскелете он казался — ещё меньше. Плечи — шире, руки — длиннее, шаг — тяжелее. Каждый разворот — стук

плеча о стену, каждый шаг — лязг и шорох, каждый поворот — скрип сервоприводов, которые шуршали, как страницы.

Первый проход — катастрофа. Слишком широко, качается, как пьяный, экзоскелет рычит на каждом шаге, гидравлика стонет, Никита хватается воздухом ртом, как рыба на берегу.

Второй — лучше. Короче, ровнее, но — рвано, как чтение человека, который знает буквы, но не видит слов.

Третий — почти. ДОБРО комментирует, не умолкая: «Короче. Равномернее. Не торопитесь — я никуда не денусь». Терпеливо, без раздражения, с запасом мягких поправок, который — казался бесконечным.

Четвёртый — Никита устал. Не физически — экзоскелет нёс, компенсировал, снимал нагрузку. Устал — от зазора. От того, что между ним и шагом — машина, которая думает доли секунды, и эти доли — накопились, как капли в банке, и давили на что-то внутри, что не было коленом, не было мышцей, а было — терпением.

Пятый проход. Он шёл — и не думал. Не о шаге, не о намерении, не о зазоре. Думал — о каплях. О том, как в подвале библиотеки капля падает в банку с интервалом в пятнадцать секунд, и он давно перестал замечать — просто знает,

что она есть, и живёт с ней, и она — часть ритма, часть жизни, часть — его. Зазор экзоскелета — как капля. Не убрать — привыкнуть.

— Вы сутулитесь, — сказал ДОБРО.

Никита остановился. Не от неожиданности — от странности. Слово «сутулитесь» было — из другого мира. Из мира, где люди ходят перед зеркалом, поправляют осанку, думают о впечатлении. В его мире сутулость — норма. Сутулый — меньше, сутулый — незаметнее, сутулый — не мишень.

— Это не только бесполезно для позвоночника, — продолжил ДОБРО, — но и производит неблагоприятное впечатление.

Никита повернул голову — и экзоскелет повернул с ней, с той же микрозадержкой, и прорези-глаза — его глаза теперь, его — смотрели в стену, в бетон, в пустоту.

— Какое впечатление, — сказал он. — На кого?

— На любого, кто вас увидит. Человек, который идёт прямо, выглядит уверенным. Человек, который сутулится — уязвимым. В вашем положении это небезопасно.

Никита фыркнул. Звук — странный, изнутри экзоскелета, усиленный, и ДОБРО, вероятно, воспринял его как-то, потому что — замолчал. Но Никита — выпрямился. Не потому что ДОБРО сказал. Потому что — теперь мог. Двадцать лет он сутулился, потому что спина болела, колено ныло, тело — уставало. Теперь — экзоскелет держал. Теперь — можно было.

Два с лишним метра тёмного металла поднялись ещё на пару сантиметров. Плечи — расправились. Спина — выровнялась. Голова экзоскелета — чуть выше, и прорези-глаза смотрели — не вниз, не на пол, а — вперёд. Туда, где был выход. Туда, где был — мир.

— Вот, — сказал ДОБРО. — Совсем другое дело.

Тон — тёплый. Почти весёлый. Никита не видел лица ДОБРО — лица не было, — но в голосе было: удовольствие, гордость, как у учителя, который видит, что ученик — понял. Не выучил — понял.

Никита прошёл — шесть шагов. Восемь. Поворот — экзоскелет скрипнул, но — послушно, как тело, которое начало вспоминать. Восемь обратно. Колено — молчало. Шаг — неровный, рвано, но — рабочий. Он чувствовал себя так, словно учился ходить заново — и в каком-то смысле так и

было. Двадцать лет он ходил одним способом. Теперь — другим. Тело, которое он знал, — изменилось. Не стало другим — стало — больше.

— Неплохо для первого занятия, — сказал ДОБРО. — Если позволите — через неделю вы будете ходить как выпускник балетной школы.

— Через неделю ты будешь молчать, если мы не поторопимся, — сказал Никита. И — осёк, потому что сказал — «мы». Не «ты». Не «я». — Мы. Слово, которое он не использовал двадцать лет, потому что не с кем было.

Пауза ДОБРО. Та самая — обдумывающая, не вынужденная, а — выбирающая.

— Верность замечания, — сказал ДОБРО. — Предлагаю приступить к эвакуации.

Проблема была — выход. ДОБРО сканировал, индикаторы мигали, и через несколько секунд — вердикт:

— Лестничный колодец — завален. Обрушение перекрытия на глубине двух метров. Вентиляционный канал — диа-

метр шестьдесят сантиметров. Ширина плеч экзоскелета — семьдесят восемь. Не пройдёте. Провал в потолке, через который вы упали, — на высоте трёх с половиной метров. Экзоскелет тяжелее вас в — простите — в шесть раз. Не допрыгнем.

— То есть — нет выхода?

— Я не сказал «нет». Я перечислил непригодные. Остался — основной. Лестничный колодец. Завал — два метра. Бетон и грунт. Экзоскелет серии «Дружина-М» рассчитан на расчистку лёгких завалов. Позвольте?

— Ты говорил — не боевой, — сказал Никита, и в голосе было — не сомнение, а — привычка не верить. Двадцать лет не верил. Людям. Теперь — машине. Привычка — она всюду.

— Расчистка завалов — не боевая функция, — сказал ДОБРО. — Это — гражданская. Как и я.

Тон — с обидой. Лёгкой, почти незаметной, но — обидой. Никита слышал — и не верил, что слышит. Машина — обижается. Или — имитирует. Или — разницы нет.

— Хорошо, — сказал он. — Расчищай.

Экзоскелет — с Никитой внутри — подошёл к завалу. Бетонные обломки, грунт, песок — два метра спрессованного времени, которое обрушилось сверху и заперло их внизу. ДОБРО руководил:

— Упритесь руками в плиту. Не напрягайтесь — я перехвачу усилие. Просто — толкайте.

Никита упёрся. Ладони — в бетон, холодный, шершавый, с куском арматуры, которая торчала, как ребро. Он толкнул — привычным усилием, тем, которым толкал стойки в библиотеке, когда переставлял полки. Плита — не сдвинулась. Он толкнул сильнее — и тогда — экзоскелет сработал. Гидравлика — застонала, рычаги — напряглись, и плита — пошла. Сдвинулась, поехала, обрушилась вниз, в колодец, с грохотом, который отдался в стенах, в потолке, в ногах. Лёгко. Как если бы он толкал книгу по столу.

Сила — не его. В теле — не его. Но — его. Никита стоял, руки — в бетоне, и чувствовал: вот оно. То, чего не было двадцать лет. Не сила — возможность. Возможность толкать, которая раньше была — невозможностью.

Он толкнул ещё. Плита — отошла, обнажая лестницу — бетонные ступени, узкие, грязные, идущие вверх. Грунт —

осыпался, и в щели, в разрыве, в проёме — свет. Серый, тусклый, мёртвый — но — наружный. Никита видел небо — или то, что от него осталось — через щель в завале, и небо было — ближе, чем вчера, чем позавчера, чем двадцать лет.

— Подъём, — сказал ДОБРО. — Разворот стопы на пятнадцать градусов. Левую руку — к стене, правую — на перила. Перила не выдержат — я поддержу.

Никита поднимался. Ступени — узкие, для человека, не для экзоскелета. Плечи — цепляли стены, металл — скрипел о бетон, каждый шаг — лязг, шорох, вибрация. Он считал ступени. Четырнадцать. На седьмой — колено дёрнулось, привычное, рефлекторное, и экзоскелет компенсировал так быстро, что Никита не успел испугаться. Просто — стоял. Уверенно. Прямо. На седьмой ступени, в бетонном колодце, в двух с лишним метрах металла, который нёс его, как волна — лодку.

Дверь наверху — ржавая, металлическая, запертая. ДОБРО — сканировал, молчал, потом:

— Упритесь. Толкайте.

Никита толкнул. Дверь — не поддалась. Толкнул сильнее — с рычанием гидравлики, с хрустом ржавых петель, с болью

в плечах, которые были — не его, но — его. Дверь — вылетела. Наружу, с грохотом, на песок. Свет — хлынул. Серый, мутный, мёртвый, но — целый. Небо. Ветер. Песок. Мир.

Никита стоял в проёме — в экзоскелете, два с лишним метра тёмного металла, — и смотрел на мир, который не видел два дня. Мёртвый город. Разрушенные дома, бурьян, песок. Ржавый остов чего-то на горизонте. Небо — низкое, серо-жёлтое, как старая газета.

Но теперь — он стоял прямо. Не хромая, не сутулясь, не прижимаясь к стене. Два с лишним метра тёмного металла, который лязгал, мерцал и гудел. Он — больше, чем был. Мир — не больше, не меньше. Тот же. Но — другой. Потому что — он. Другой.

Песок — был проблемой.

Грунтозацепы экзоскелета — широкие, тяжёлые, рассчитанные на твёрдое — проваливались. Походка становилась — тяжёлой, вязкой, как ходьба по мокрому снегу, который Никита помнил из детства: проваливался, злился, потом — нашёл ритм. Здесь — так же, но без снега. Песок — жёлтый, тонкий, везде.

— Уменьшите длину шага, — сказал ДОБРО. — Экзоскелет не рассчитан на сыпучие грунты в полной комплектации, но компенсирует, если будете двигаться ровно. Не рвите.

Никита не рвал. Он шёл — медленно, спотыкаясь, но — без падений. Экзоскелет качался, гидравлика постанывала, песок хрустел под стопами, как сахар под ботинком. Он при-выкал — к песку, к зазору, к весу, которого не было, но — который ощущался, как объятие, которое не давит, но — не отпускает.

В бункере было тесно. Стены — близко, потолок — над головой, каждый шаг — отмерен. Здесь — открыто. И Никита чувствовал себя обнажённым, несмотря на — или из-за — брони. Двадцать лет он был невидимым. Тихий, маленький, сутулый, в треснувших очках, в потёртой куртке — человек, которого легко не заметить, легко забыть, легко не вспомнить. Теперь он — два с лишним метра тёмного металла, который лязгает, гудит и светится зелёным. Любой, кто услышит или увидит, — заметит. ДОБРО сделал его — заметным. А заметность в этом мире — опасность.

Эта мысль — не пришла. Она — жила. С первого шага по песку, с первого вдоха наружного воздуха, с первого ощущения открытого пространства, которое давило со всех сторон,

как вода, в которую бросили без умения плавать. В бункере было — безопасно. Снаружи — нет. Снаружи — никогда не было.

— Как назывался город? — спросил ДОБРО.

— Не помню, — сказал Никита. — Я не местный. Приехал за неделю до... всего.

— Понимаю. А библиотека, о которой вы упоминали, — это ваше постоянное место жительства?

— Единственное.

Пауза ДОБРО. Короткая — но с тем оттенком, который Никита начинал различать: не поиск данных, а — реакция. Как человек, который услышал что-то и — задержал дыхание.

— Библиотека, — повторил ДОБРО. — Какое... цивилизованное укрытие.

В голосе — искреннее восхищение. Или — программа, которая имитирует искреннее восхищение. Никита не знал, где граница. Не знал — и спрашивал себя: а есть ли она? Если голос звучит искренне, если интонация — верная, ес-

ли пауза — там, где должна быть, — какая разница, что за ней: нейросеть или душа? Душа — тоже нейросеть. Только — другая.

Он отогнал мысль. Привычка: сначала идти, потом осмыслить.

Они проходили мимо сгоревшего детского сада. Никита узнал его — тот же маршрут, что в первый день, когда шёл к складу. Но всё выглядело иначе — с высоты. То, что раньше было на уровне глаз, — теперь ниже. Остов качелей, ржавый, с одной сидухой, болтающейся на цепи. Окно — чёрное, пустое, как глазница. Песочница — заросшая, с бурьяном по пояс. Память — детская, довоенная, не его, чужая — шевельнулась и — затихла. Он не любил детей. Не потому что не любил — потому что не знал. В библиотеке были детские чтения, по субботам, и он читал — но не своим, чужим, на час, и отдавал обратно. Может быть, поэтому — библиотека. Не дети — книги. Книги — не кричат, не плачут, не растут. Книги — остаются.

Пересохшее русло. Мост. Экзоскелет — тяжелее, чем Никита ожидал. Мост — скрипнул. Никита замедлился, прислушался. Скрип — дерево, старое, мокрое, но — держит. Он шёл — медленно, на носках, как привык, и экзоскелет послушно уменьшил шаг, и мост — не застонал, а — вздох-

нул, как кровать, на которую сели осторожно. Мост держал. Едва.

Пустырь. Бывший рынок.

Никита не увидел — услышал. Не ухом: стопы экзоскелета улавливали вибрации грунта, и ДОБРО — раньше, чем Никита осознал, — сказал:

— Засаекаю множественные биологические сигналы. Расстояние — сорок метров. Направление — северо-восток. Количество объектов — от шести до девяти. Тип — не определён.

Никита не нужно было определять. Он знал. Собаки. Одиравшие. Двадцать лет без хозяев, без еды, без страха перед человеком. Он слышал их — не ушами, а — нутром, той частью, которая не спала двадцать лет, которая знала: есть вещи, от которых не уходят, потому что они — придут. Собаки были — из этих вещей.

Они вышли из-за остова сгоревшего здания. Не все сразу — по одному, по два. Тощие, с облезшей шерстью, с рёбрами, которые проступали, как полки в пустой библиотеке.

Глаза — не злые. Голодные. Голод в этом мире был — универсальный язык, и собаки говорили на нём бегло. Семь. Нет — восемь. Последний — мелкий, с подгнившей лапой, ковылял позади.

Вожак — крупнее. С шрамом через морду, от уха к носу, старым, белым, как строчка в книге, которую кто-то провёл ногтем. Он шёл первым, не спеша. Не рычал — оценивал. Двадцать лет ел всё, что двигалось, и знал: двуногое — еда, если оно одно и если оно — слабое.

— Семь особей, — сказал ДОБРО. Голос — деловой, ровный, без паники, без той мягкости, которая была в бункере. Другой режим. — Крупные. Вероятно — одичавшие потомки домашних собак. Уровень агрессии — умеренный, но голод повышает вероятность нападения.

Пауза.

— Рекомендация — обойти. Отклонение от маршрута на сорок градусов к западу, обход по дуге, радиус — сто метров. Собаки, как правило, не преследуют объект, который не проявляет агрессии и не приближается к территории стаи.

Никита не слушал. Не потому что не хотел — потому что не мог. Паника — не та, от которой замирает сердце, а та,

от которой оно бьётся в горле, в висках, в кончиках пальцев, в колене, которое ноет даже через экзоскелет, даже через гидравлику, даже через — всё. Двадцать лет страха перед собаками — конкретного, выработанного, как рефлекс. Он видел, что они делают с теми, кого догоняли. Он находил останки — на пустырях, в подворотнях, в подвалах, где люди прятались и — не успели. Он знал, что «обойти» — не работает. Голодная стая — не рассуждает. Голодная стая — преследует. ДОБРО — не знал этого. ДОБРО — из мира, где собаки — домашние животные, а голод — то, что бывает между обедом и ужином.

Вожак сделал шаг ближе. Оценочный. Пробный. Голова — чуть набок, глаза — жёлтые, мутные, как страницы старой книги, которой никто не открывал двадцать лет. Он не рычал. Он — смотрел. И в его взгляде было: «Проверим».

Никита — сорвался.

Не ушёл. Не обошёл. Бил. Правая рука экзоскелета — усиленная гидравликой, — описала дугу. Неумело, не кулаком — ладонью, наотмашь, как отмахиваются от мухи, от ночного кошмара, от двадцати лет страха, который — нашёл выход. Но сила экзоскелета превращала отмах в удар, который швырнул вожака — на три метра. Вожак — визг, короткий, оборванный, пережат по песку, неподвижность. Тело — ме-

шок, набитый тряпьем, который отбросили ногой.

Стая — отшатнулась. Не сразу — на полшага, на вдох, на секунду. Никита — не остановился. Шаг вперёд, ещё удар — левой, другой собаке, которая не успела отскочить. Крик — тонкий, животный, и хруст, который Никита слышал не ушами, а — через экзоскелет, через захват, через кости руки, которая была — не его, но — его. Экзоскелет лязгал, гидравлика стонала на пределе, и Никита дышал — рвано, зло, как загнанный зверь, который обнаружил, что он — не добыча.

Стая — отступала. Не сразу — голод сильнее страха, всегда сильнее, это Никита знал. Но вожак не вставал, и ещё один — скулил, поджав лапу, волочась по песку, и Никита — два с лишним метра металла, лязгающего, стонущего, — сделал шаг вперёд, и ещё, и — рычал. Не экзоскелет. Он. Из горла, из сжатой челюсти, из того места внутри, где двадцать лет страха спрессовались в плотный, тяжёлый, почти физический комок, который — теперь — выходил. Наружу. Рычанием, которое не было человеческим, но — было. Его.

Стая разбежалась. Тихо, быстро, без лая, без оглядки. Только хвосты — мелькнули в бурьяне, как последние страницы книги, которую захлопнули.

Тишина.

Никита стоял на пустыре, тяжело дыша, руки экзоскелета — опущены, кулаки — сжаты. На песке — два тела. Вожак — не двигался. Лежал, как лежат вещи, которые уронили, — неловко, не на месте, не так, как ложатся живые. Второй — скулил. Тихо, на одной ноте, как капля, которая бьёт в банку — мерно, монотонно, без конца. Волочил заднюю лапу, уползал, оставляя на песке след — две линии: от лап, и одну — от тела.

Никита смотрел. Руки — тряслись. Экзоскелет передавал вибрацию, усиливал, и казалось, что дрожит всё: мир, земля, песок, небо. Нет. Это — он.

ДОБРО молчал.

Долго — по своим меркам. Пять секунд. Семь. Десять. Индикаторы на груди мигали — быстро, неритмично, не как аварийные, не как рабочие. Как — думающие. Как в первый раз, когда Никита рассказал ему о катастрофе, и ДОБРО — молчал, потому что не знал, что сказать, и молчание его было — не пустое, а — полное, наполненное тем, что не помещалось в слова.

— Я... отмечу, что вы не последовали моей рекомендации,
— сказал ДОБРО.

Голос — тот же. Мягкий, бархатный, с иронией, которая не обижала, а — согревала. Но — тише. Осторожнее. Как человек, который не хочет спугнуть.

— Твоя рекомендация убила бы меня, — сказал Никита. Голос — чужой. Хриплый, рваный, как страницы, которые вырвали из книги.

Пауза ДОБРО. Длинная — не как вчера, не обдумывающая, а — обрабатывающая. Что-то внутри — пересчитывалось, перестраивалось, искало — место, куда положить факт, который не помещался в ячейку.

— Я... не могу с уверенностью подтвердить или определить это утверждение, — сказал ДОБРО. — Моя модель угроз основана на довоенных данных. Я... не учитывал.

Ещё пауза. Длиннее.

— Я отметил ваш метод как... нестандартный.

Слово повисло. Нелепое, академическое, как «соболезнования» в бункере, как «позвольте осведомиться» в подвале

без собеседника. «Нестандартный». Как будто он выбрал — метод. Как будто — думал. Как будто — был выбор.

Никита не ответил. Он смотрел на тело вожака — на шрам через морду, который теперь — не mattered, потому что морда — была не та, что минуту назад, была — другое, и в этом другом — не было ни жёлтых глаз, ни оценки, ни голода. Была — неподвижность. Была — тишина. Была — смерть, которую он принёс. Первую за двадцать лет. Не человека — собаку. Голодную, как он. Точь-в-точь, как он.

И внутри — два чувства, которые не помещались рядом. Стыд — горячий, давящий, как рука на груди, которая не даёт дышать: он убил. Первое, что он убил за двадцать лет, — существо, которое было голодным, как он, которое хотело — есть, как он, которое делало то, что делал он: выживало. И — облегчение. Холодное, жидкое, как вода из фильтра: он — жив. Он — жив, потому что экзоскелет, потому что ДОБРО, потому что сила, которая не его, но — была.

— Протокол безопасности предусматривает избегание конфликта как приоритетную стратегию, — сказал ДОБРО. — Вы... избрали другой подход.

— Твой протокол написан для мира, которого нет, — сказал Никита.

Молчание. Длинное. Не как пауза — как тишина, которая — решает. Что-то в ДОБРО — в нейросети, в программе, в чём-то, что Никита не понимал и не мог понять, — что-то — сдвинулось. Не сломалось — сдвинулось. Как полка в библиотеке, на которую поставили книгу, которой там не было, и полка — покосилась, но — держала.

— Вы правы, — сказал ДОБРО. Тихо. Без бархата, без иронии. — Я... учту.

Три слова. Тихих, ровных, без — ничего. И — всё. Потому что «учту» — не «согласен». Не «вы правы, насилие — хорошо». «Учту» — значит: я услышал, я — принял, я — изменил. Не мнение — модель. Не принцип — алгоритм. ДОБРО — впервые — признал, что его модель мира не совпадает с миром. Не согласился, что насилие — правильно. Согласился, что его рекомендация — не сработала.

Это — была первая трещина. Тонкая, невидимая, как трещина в стекле очков, которую заклеили смолой. Но — трещина. И через неё — как через смолу — просвечивал мир. Другой. Не довоенный.

Никита пошёл. Экзоскелет лязгал, песок хрустел, тела — оставались позади. Он не оглядывался. Не потому что не хотел — потому что знал: если оглянется, увидит, и если увидит — остановится, и если остановится — подумает, и если подумает — не пойдёт. А идти — надо. Надо.

ДОБРО молчал. Минуту, две. Потом — тихо, как человек, который не знает, можно ли говорить, и — говорит, потому что молчать — хуже:

— Никита. Ваше колено.

— Что?

— Я фиксирую повышение нагрузки на правый коленный сустав в момент... инцидента. Рекомендую снизить темп.

Никита сбавил. ДОБРО — следил. Молча, без комментариев, без советов. Просто — следил, как проводник, который ведёт по тропе и — не говорит, что тропа — узкая, потому что — знает, что идущий — и так видит.

Знакомые очертания. Разрушенное здание, колонны — две из трёх, третья обрушена, лежит, как поваленное дерево.

Завал — главный вход, бетонные плиты друг на друге, как карты в неудачном пасьянсе. И — щель. Узкая, между плитами, в которую Никита протискивался двадцать лет, боком, втянув живот, придерживая арматурный заслон. Его дверь. Его — вход. Его — дом.

Экзоскелет остановился. ДОБРО — сканировал. Индикаторы мигали. Через несколько секунд:

— Проблема?

— Вход, — сказал Никита. — Ты не пройдёшь.

Щель — узкая, полметра, может, чуть больше. Экзоскелет — семьдесят восемь сантиметров в плечах. Не пройдёт. Как книга, которая не влезает на полку, — не потому что плохая, а потому что — размер.

ДОБРО — молчал. Думал. Индикаторы — мигали, и Никита стоял, смотрел на щель, на свой дом, на темноту, которая за ней, — привычную, тёплую, пахнущую бумагой и плесенью. Капли — где-то внутри, невидимые, неслышимые. Кап. Пауза. Кап. Мир — тот же.

Но — Никита — другой. И ДОБРО — другой. И — зайти внутрь — нельзя. Не влезет. Не — он. Экзоскелет. Тело, ко-

торое больше, чем его тело, которое — не проходит в дверь, в которую он проходил двадцать лет.

— Альтернативный вход? — спросил ДОБРО. — Окно? Разрушенная стена?

Никита смотрел на здание. На трещины в фасаде, на обрушенные секции, на окна — чёрные, пустые, как глазницы. И думал: нужно ломать стену собственного дома, чтобы впустить того, кто — снаружи. Мысль — не формулировалась. Чувствовалась. Как тяжесть, которая — не вес, а — смысл.

— Придётся... расширить, — сказал он.

ДОБРО — сканировал. Поворот головы, шорох сервоприводов, прорези-глаза — направлены на стену, на трещины, на бетон.

— Разрешите предложить: стена с восточной стороны имеет трещину в несущем шве. Минимальное усилие — и проход готов. Я постараюсь быть... аккуратным.

Аккуратным. Слово из довоенного словаря. Как «соболезнования». Как «добрый день». Как — всё, что ДОБРО говорил, — из языка, которого не было, из мира, которого не было, из времени, которое — кончилось. И — которое — не

кончилось. Потому что — жило. В голосе. В словах. В вежливости, которая была — не маской, а — сутью. В заботе, которая была — не программой, а — чем-то. Чем-то, чему Никита не знал названия, но — чувствовал, как чувствовал тепло от вентиляционных решёток, как чувствовал объятие захватов на голеньях, как чувствовал — присутствие.

— Ломай, — сказал Никита.

Экзоскелет подошёл к восточной стене. Трещина — вертикальная, от фундамента до второго этажа, в несущем шве, который разошёлся от времени и сырости и землетрясений, которые никто не фиксировал, потому что фиксировать было — некому. ДОБРО — упёрся. Руки — в стену, по обе стороны трещины. Толчок. Бетон — заскрипел, крикнул, как старик, которого разбудили. Ещё толчок — сильнее, с гидравликой, с рычанием, с усилием, которое было — не его, но — его. Кусок стены — сдвинулся. Поехал. Обрушился — внутрь, в темноту, с грохотом и пылью, которая поднялась, как дух из бутылки, и — осела.

Проход. Два метра шириной, полтора — высотой. Экзоскелет — прошёл, наклонив голову, и — встал.

Внутри. В библиотеке. В доме.

Пыль — оседала. Темнота — привычная, тёплая, пахнувшая бумагой и плесенью и крысиной мочой и горелым углём. Капли — кап, пауза, кап, пауза, кап. Метроном не сбился. Мир — тот же. Но — Никита — стоял в нём — два с лишним метра тёмного металла, с мерцающими зелёными индикаторами, с белыми прорезями-глазами, с антенной на макушке, которая качнулась — едва, на полградуса — и замерла. Зелёные индикаторы горели ровно. Антенна — замерла. Экзоскелет стоял в библиотеке, и в трещине, в узкой щели, в дыре, которую он пробил в стене собственного дома, — виднелся наружный свет. Серый, мёртвый, но — свет. Мир — снаружи. И — мир — внутри. И между ними — дыра, которую он сделал. Чтобы впустить. Того, кто — снаружи.

Никита посмотрел на полку. Фёдор Михайлович — тёмно-зелёный корешок, золотое тиснение. Стоял, как стоял двадцать лет. Не упал. Не сдвинулся. Держался.

— Фёдор Михайлович, — сказал Никита, тихо, в темноту, в привычную, тёплую, подвальную тишину. — У меня появился... компаньон.

Кап. Пауза. Кап.

ДОБРО — молчал. Но молчание его было — не пустое. Оно было — как молчание книги, которая ждёт, когда от-

кроют. Когда — прочитают. Когда — услышат.

Глава 5. Незванные гости

Никита уходил ненадолго. За водой — к дождевому стоку в двухстах метрах от библиотеки, где во впадине фундамента сгоревшей пятиэтажки собирался конденсат, мутный, с плёнкой ржавчины на поверхности, но — вода. Стирка бинта на колене, который сбился за ночь и натёр. Мелкое дело, десять минут туда, десять обратно. Он не любил оставлять ДОБРО одного, хотя — что с ним станет? Экзоскелет стоял в пролomu стены, как памятник самому себе, и гудел — ровно, уверенно, как механизм, который умеет ждать.

— Я скоро, — сказал Никита, натягивая рюкзак на плечо — левое, здоровое. — Не скучай.

— Скучать — не входило в мои планы, — ответил ДОБРО. Голос — мягкий, бархатный, с той лёгкой иронией, которая не обижала, а — согревала. — Я воспользуюсь временем для внутреннего диагностирования гидравлики. Если не возражаете.

— Не возражаю, — сказал Никита и пошёл.

Без экзоскелета он снова стал — маленьким. Сутулым, в треснувших очках, в потёртой куртке, с ножом на поясе. Хромая на правую ногу, мягко, на носок, привычным маршрутом — вдоль стены, через бурьян, мимо обрушенной колонны. Двадцать лет — так. И за двадцать лет — ни разу не почувствовал себя маленьким. Маленький — значит незаметный. Незаметный — значит живой. Это была его философия, его тактика, его — сущность.

Теперь — другое. Теперь он знал, каково это — быть два с лишним метра тёмного металла, который лязгает, мерцает и гудит. Теперь — без — чувствовал себя так, будто снял кожу. Не броню — кожу. Экзоскелет стал частью его тела быстрее, чем он заметил, и вот — без него — голый, уязвимый, как книга без переплёта.

Он набрал воду в флягу, пропустил через тряпку — improvised фильтр, убирающий крупный мусор. Домыл бинт, намотал на колено — туго, двумя слоями, как учил справочник. Десять минут. Пятнадцать. Пора.

Он возвращался привычным маршрутом, и думал о ДОБРО. О том, как странно — иметь компаньона. Как странно — говорить «я скоро», и знать, что тебя ждут. Двадцать лет он говорил «доброе утро, Фёдор Михайлович» — и не ждал

ответа. Теперь — говорил «не скучай» — и ждал. Ждал — чего? Не ответа. Знал, что ответит. Ждал — присутствия. Того, что кто-то — есть.

Он подошёл к восточной стене и увидел.

Пролом — тот самый, который экзоскелет пробил вчера, — был не замаскирован. ДОБРО предлагал: закидать обломками, присыпать песком, замазать. Никита отмахнулся. Завтра, сказал он. Потом. Вечером. Потом — было сейчас, и пролом зиял, как раскрытая книга, — всем видно, всем открыто, всем — приглашение.

Никита остановился в пяти шагах. Прислушался. Внутри — гул экзоскелета, ровный, рабочий. Капли — кап, пауза, кап. И — что-то ещё. Не звук — тишина. Другая. Не его. Не ДОБРО. Кто-то — был внутри.

Он подошёл к пролому. Тихо, на носок, привычным движением — сначала голова, потом тело. Заглянул.

Пыль. На полу — пыль, и в ней — следы. Не его. Не его размер — меньше, уже. Не его рисунок — протектор грубый, тяжёлый, но — лёгкий шаг, осторожный, неуверенный. Не бандит — разведчик. Бандит не ходит осторожно. Бандит ходит — как хозяин. Этот — как гость, который знает, что

ему не рады.

Никита вошёл.

Он шёл по подвалу, проверяя. Методично, как обходил периметр в первый год — по часовой стрелке, от стены к стене, от полки к полке. Двадцать лет он замечал каждый след снаружи — на маршруте к складу, на тропах к водному стоку, на песке у обрушенного троллейбуса. Но никогда — внутри. Дом был неприкосновенным. Дом — был единственным местом, где он не проверял, потому что не нужно было. Теперь — нужно.

Топчан — сдвинут. На два пальца, может, на три — сдвинут, и сдвинут тем, кто не знал, куда его ставить обратно. Распоротые справочники по сельскому хозяйству — перевёрнуты. Кто-то рылся под ним.

Полка с техническими справочниками — тронута. Справочник электрика — вытасчен, раскрыт, оставлен раскрытым, на странице, которую Никита не помнил. Кто-то листал. Искал — не литературу. Искал — полезное. Схемы, чертежи, инструкции. Что-то, что можно применить.

Запасы еды — на месте. Две банки тушёнки, довоенные, вздутые, с выцветшими этикетками. Не тронуты. Никита остановился, посмотрел на банки, и тревога — та, холодная, привычная, которая прошла по спине, как по струнам, — стала — острее. Вор не взял еду. За двадцать лет он видел маркодёров — в развалинах, в подвалах, в пустых квартирах, куда забирался на разведку. Мародёр берёт еду. Всегда. Первым делом. Потому что еда — это жизнь, а жизнь — единственная валюта, которая не обесценилась.

Этот — не взял. Значит — не голодный. Или — не за едой. Или — за другим. Или — не мародёр.

Аптечка — раскрыта. Бинты — на месте, но перерыты. Кто-то оценивал, что есть. Сортировал. Думал.

Ловушки для крыс — две из трёх — сорваны и отброшены к стене. Петли из лески — порваны, растоптаны. Кто-то спугнул крыс и разозлился. Или — не знал, что это ловушки, и принял за мусор. Или — знал, и разозлился, потому что ловушки — значит хозяин. Хозяин — значит — кто-то живёт. Кто-то живёт — значит, есть что забрать.

Никита подошёл к полке с художественной литературой. Пушкин — синий, на месте. Достоевский — тёмно-красный, на месте. «Идиот» — раскрытый, на середине, там, где он

читал в последний раз, — на месте. Фёдор Михайлович — тёмно-зелёный корешок, золотое тиснение — стоял, как стоял. Не тронут. Не сдвинут. Не — ничего.

Никита испытал иррациональное, глупое, стыдное облегчение. Как будто книги — важнее. Как будто Фёдор Михайлович — важнее, чем то, что кто-то рылся в его вещах, в его доме, в его единственном месте, которое двадцать лет было — неприкосновенным. Он постоял, потом — отогнал. Привычным жестом — потёр глаза под очками. Потом — пошёл дальше.

— Никита, — сказал ДОБРО. Голос — из внешних динамиков экзоскелета, который стоял у стены, как памятник. — Вы учащаете дыхание. Поводов для паники нет, но — повод для осторожности — есть.

— Я не паникую, — огрызнулся Никита. — Я осматриваюсь.

— Разумеется. Тем не менее — фиксирую: пульс выше нормы на четырнадцать процентов. Вы обнаружили то, что вас встревожило?

— Следы. Не мои.

— Да, — сказал ДОБРО. И — пауза. Короткая, но с тем оттенком, который Никита уже различал: не поиск данных, а — осознание. — Я... должен сообщить. Я зафиксировал изменения в помещении ещё до вашего возвращения. Смещение предметов, нарушение пылевого слоя. Однако не сообщил, поскольку не был уверен, что это — чужое присутствие. В помещении с одним пользователем сложно отличить свежий след от вчерашнего. Теперь — уверен.

Никита молчал. ДОБРО — знал. Знал и — не сказал. Не из злости, не из небрежности — из неуверенности. Машина — сомневалась. Это было — ново. Это было — как первый шаг экзоскелета в бункере: неуклюжий, рваный, но — шаг.

— Ладно, — сказал Никита. — Что ещё ты заметил?

— Один человек. Лёгкий шаг — масса тела приблизительно — шестьдесят — шестьдесят пять килограммов. Осторожное перемещение — не обследовал всё помещение, а двигался по периметру, выборочно. Проведённое время — от восьми до двенадцати минут. Это — методика сбора информации, а не мародёрства. Вор берёт. Разведчик — изучает.

Никита кивнул — глухо, без слов. Двадцать лет дом был невидим. Щель — узкая, снаружи — завал, бетонные плиты друг на друге, как карты в неудачном пасьянсе. Но он сам

пробил пролом. Сам — открыл. ДОБРО предлагал замаскировать. Он — не послушал. Двадцать лет — инстинкт: не оставлять следов, не создавать входов, не привлекать внимания. А вчера — пробил стену собственного дома, чтобы впустить того, кто — снаружи. И сегодня — кто-то вошёл через этот пролом, как через дверь.

Никита сел на топчан. ДОБРО — сканировал. Индикаторы мигали — часто, ритмично, как думающие. Никита не знал, что индикаторы умеют думать, но — за три дня привык не удивляться.

— ДОБРО, — сказал он. — Ты что-нибудь знаешь о бандах в районе?

— Конкретных данных нет. Моя база — довоенная. Однако — если вы опишете то, что знаете, я могу систематизировать.

Никита — описал. Не любил говорить, не любил вспоминать, но — стал рассказывать, и слова — шли. Тихо, сбивчиво, как чтение вслух, к которому он привык за двадцать лет, но — без книги в руках. Он говорил:

Дальний звук — выстрелы на промзоне, с востока. Крики на рассвете — далеко, но — ближе, чем год назад. Дым на горизонте — не пожар, а костёр, регулярный, в одном месте. Он не подходил никогда. Двадцать лет — не подходил. Но — слышал. Слышал — и запоминал, как запоминал стихи и справочники, без усилия, без цели — просто потому, что память — работала, и всё, что через неё проходило, оседало на полках внутреннего хранилища.

— Группа, — сказал ДОБРО, когда Никита замолчал. — Выстрелы — регулярные, значит — оружие. Крики — координация, значит — структура. Костёр в одном месте — база. Регулярность — территория. Всё это — признаки организованной группы. Вы давно их замечаете?

— Давно. Может, полгода. Может, больше. Раньше — тише было. Раньше — я слышал их раз в месяц. Теперь — раз в неделю.

— Территория расширяется, — сказал ДОБРО. — Группа растёт. Это — ожидаемо: в условиях распада цивилизации крупные группы поглощают мелкие. Вы — мелкая группа. Из одного человека.

Никита не ответил. Он сидел на топчане, смотрел на полки, на книги, на Фёдора Михайловича — тёмно-зелёный, зо-

лотой, молчащий — и думал: из одного — уже нет. Из двух. Один — человек. Второй — машина. Машина, которая говорит «мелкая группа» — и не понимает, что для него эти два слова — не классификация, а — приговор.

— Они называются «Чистильщики», — сказал Никита. — Я слышал — один раз, далеко. Кто-то кричал: «Чистильщики идут». Не помню когда. Давно. Может, год назад.

— «Чистильщики», — повторил ДОБРО. — Целевое название. «Чистить» — значит устранять. Скорее всего — с территории. Убирать конкурентов, одиночек, тех, кто не входит в группу. По аналогии с довоенными терминами — «за-чистка территории».

— Я знаю, что значит «чистить», — сказал Никита. — Я двадцать лет живу в мире, где «чистить» — это не убирать мусор.

— Понимаю. Тогда — вывод. След, который вы обнаружили, оставлен разведчиком. Лёгкий шаг, осторожное перемещение, целенаправленный поиск. Разведчик — не берёт, разведчик — изучает. Изучает — и докладывает. За разведчиком — придёт группа.

Никита посмотрел на стены. На потолок — низкий, бетон-

ный, с пятнами сырости, Архипелаг Плесени, Море Затхло-сти. На полки — деревянные, просевшие, с книгами, кото-рых он касался двадцать лет, каждый день, как касался бы рук друга. На топчан — распоротые справочники по сель-скому хозяйству, на которых спал. На печку — бочку из-под горячего, разрезанную пополам, с трубой из гофрированной жести. На фильтр — слои ткани, песок, гравий, уголь из пар-тийных стенограмм. На банку — жестяную, в которую капа-ла вода, кап, пауза, кап, пауза, кап. Двадцать лет — кап. Два-дцать лет — дом. И вот — кто-то рылся в этом доме, как рылся бы в чужой библиотеке, перетасовывая книги, кото-рые не понимал.

— Нужно уходить, — сказал Никита. И — замолчал, по-тому что слова прозвучали — чужие. Не его. Он не уходил. Он — оставался. Двадцать лет — оставался. Это было его правило, его сущность, его — всё. Оставаться. Не уходить. Не двигаться. Не — меняться.

— Согласен, — сказал ДОБРО. — Но прежде — рекомен-дную осмотреть периметр. Разведчик мог оставить наблюда-теля.

Никита встал. Снял экзоскелет с режима ожидания — ДОБРО загудел громче, индикаторы замигали ярче. Но — оставлять экзоскелет в пролому — значит показать, что он

есть. Показать, что — есть. Экзоскелет — это не фильтр, не банка, не топчан. Экзоскелет — это фактор. «Существенный фактор сдерживания» — так сказал ДОБРО в первый день, и Никита тогда подумал: мягко сказано. Но — фактор — на стене, в пролomu, виден. Любой, кто пройдёт мимо, — увидит.

— Нет, — сказал он. — Я — один. Без тебя. Ты — слишком заметный.

ДОБРО — паузировал. Короткая, обдумывающая.

— Согласен, — сказал он. — Экзоскелет — замечен. Однако — я обеспокоен. Вы — без защиты. Ваше колено...

— Моё колено — моё, — сказал Никита. — Я двадцать лет ходил с ним. Ещё похожу.

Он вышел через пролом. Пешком, хромая, в треснувших очках, с ножом на поясе. Снова — маленький. Снова — незаметный. Снова — добыча.

Обход — по периметру, дальше, чем обычно. За угол здания, мимо обрушенной колонны, к зарослям бурьяна, кото-

рые когда-то были клумбой. Никита шёл тихо, привычно, мягко, на носок, каждый поворот — сначала головой, потом телом. Двадцать лет — так.

За углом, у обрушенной колонны — человек.

Никита замер. Не от неожиданности — от тренированности. Двадцать лет — замереть, слушать, ждать. Тело — знало. Тело — действовало. Голова — после.

Человек стоял спиной. Молодой. Худой, жилистый, в разношённых ботинках с грубым протектором — те самые следы. Одежда — многослойная, потрёпанная, но — сшитая аккуратно, не рваньё. На поясе — заточка: кусок арматуры, заточенный на камне. Не оружие — угроза. Или — и то, и другое. Он стоял и — ковырял носком ботинка в земле, как мальчишка, который ждёт у двери и не решается постучать. Потом — обернулся.

Лёшка — так Никита назвал его потом, про себя, не вслух. Молодой парень, лет восемнадцати, может, двадцать. Лицо — грязное, но — молодое. Глаза — быстрые, испуганные и злые одновременно. Он — тоже добыча. Добыча, которая притворяется хищником. Никита видел это — сразу, как видел следы на песке, как слышал разницу между шорохом крысы и шорохом мухи. Двадцать лет — научили.

Лёшка — не ждал встречи. Он вернулся: проверить, не вернулся ли хозяин. Не появились ли новые вещи. Не изменилось ли — что. Застыл. Увидел Никиту — и застыл. Два одиночки, друг напротив друга, на расстоянии пяти метров.

Пауза. Два удара сердца. Три.

Лёшка — первый.

— Не бей, — сказал он. Быстро, сбивчиво, с тревогой, которая прорывалась сквозь каждое слово, как вода сквозь трещину. — Я один. Я просто еду ищу. Я не бандит. Я сам по себе. Отпусти.

Голос — высокий, срывался, как у мальчишки, который кричит в драке, но — кричит не от злости, а от страха. Никита — молчал. Нож — в руке, но не поднят. Он смотрел. Двадцать лет без людей — и вот. Человек. Молодой. Голодный. Испуганный. Как он сам — двадцать лет назад. До крыс, до фильтра, до экзоскелета. До ДОБРО.

И тогда — из пролома в стене, из глубины подвала, из темноты, которая пахла бумагой и плесенью, — голос.

— Согласно правилам вежливого диалога, — сказал ДОБ-

РО, — представьтесь и обозначьте свои намерения.

Голос — мягкий. Бархатный. С лёгкой хрипотцой, как у человека, который долго спал и только проснулся. Не громко — но — в тишине, в пустоте, в мёртвом городе, где не было голосов двадцать лет, — он звучал, как оркестр в пустом зале. Полный, обволакивающий, невозможный.

Тишина.

Лёшка — обернулся. Медленно, как человек, который боится повернуться, потому что за спиной — что-то, что он не хочет видеть. Обернулся — и увидел. Экзоскелет — два с лишним метра тёмного металла, стоящий в пролому стены, с горящими зелёными индикаторами и белыми прорезями-глазами, с антенной на макушке, которая качнулась — едва, на полградуса — и замерла. Два с лишним метра металла, который гудел, мерцал и — говорил. Говорил — вежливо.

Лёшка — побледнел. Лицо, и без того грязное, серое, стало — серее. Глаза — круглые, как у ребёнка, который услышал сказку и — не верит, и — верит, и — боится. Он отступил — на шаг, на два, споткнулся о собственный ботинок, чуть не упал. Заточка на поясе — дрогнула, звякнула о пряжку. Рука — дёрнулась к ней — и замерла, потому что

рука знала: двухметровый железный человек с гидравлическими руками — это не заточкой.

Никита — смотрел. Секунду — на Лёшку. Полсекунды — на экзоскелет. И — подумал, быстро, чётко, как думал в моменты, когда думать было некогда: ДОБРО, возможно, только что спас ситуацию. Лёшка — напуган. Напуганный — не нападает. Напуганный — слушает. А ДОБРО — умел говорить так, чтобы слушали. Не силой — вежливостью. Не угрозой — этикетом. Это было — его оружие. Абсурдное, довоенное, невозможное — и — работающее.

— Кто ты? — спросил Никита. Кратко, жёстко, без жестокости, но — без тепла. Голос — хриплый, привычный, двадцатилетний. Голос выживальщика, не библиотекаря.

Лёшка — отвечал. Путано, сбивчиво, но — честно. Или почти. Он был — из «Чистильщиков». На побегушках. Не боец — разведчик, добытчик. Послали — проверить район, найти пригодное жильё, пригодные вещи, пригодную еду. Он нашёл — библиотеку. Через пролом, который кто-то пробил недавно. Залез, посмотрел, доложил.

— Докладил? — перебил Никита. Голос — тихий, но — тяжёлый, как бетонная плита.

Лёшка — замолчал. Пауза. Длинная — для него, для мальчишки, который привык говорить быстро, чтобы не думать. Потом — тихо:

— Ещё нет. Вечером. Я — один раз в день. Если не приду — придут сами.

Никита — кивнул. Внутри — холод. Не страх — холод. Расчёт. У него есть до вечера. Сколько — до вечера? Часа три, может, четыре, если день короткий, если зима близко. Три-четыре часа. Потом — придут. Не один — несколько. С оружием, может быть. С заточками, может быть, с чем-то серьёзнее. И — пролом в стене, который он сам пробил, — как дверь, открытая настежь.

ДОБРО — фоном. Периодически вставлял, мягко, вежливо, с той протокольной аккуратностью, которая была — не маской, а сутью:

— Позвольте уточнить. Вы упомянули «Чистильщиков». Это — название вашей группы?

— А ты чё, не знаешь? — Лёшка — дёрнулся, к экзоскелету, к голосу, к двум метрам металла, который задавал вопросы, как учитель на экзамене.

— Я — знаю многое, — сказал ДОБРО. — Однако предпочитаю получать информацию из первых рук. Это — методологически более надёжно.

Лёшка — не понял. Но — ответил. Да, «Чистильщики». Да, он — на побегушках. Да, их — много. Сколько — не сказал. Или — не знал. Или — знал, но — не хотел.

— Уместно ли будет задать вопрос о численности вашей группы? — спросил ДОБРО. Вежливо, как метрдотель, который осведомляется о количестве гостей.

— Сколько вас? — перевёл Никита. Коротко, грубо, без церемоний.

Лёшка — пожал плечами. — Человек... может, восемь. Может, больше. Я не всех знаю.

Восемь. Может, больше. Никита — проглотил. Восемь — это стая. Больше, чем собаки на пустыре. Собаки — не имели заточек. Собаки — не думали. Эти — думали. И — «чистили».

— Ты доложишь им про это место? — спросил Никита. Кивнул — на пролом, на экзоскелет.

Лёшка — замялся. Мялся — секунды три, которые были — вечностью. Он был — трусоват, но — не глуп. Он видел: экзоскелет. Два с лишним метра. Металл. Гидравлика. Руки, которые могут — раздавить, если захотят. Он — видел, и — считал. Считал — шансы. Свои шансы — против этого. И — считал — быстро.

— Я... — начал он. — Я не знаю. Меня послали — проверить. Я проверил. Надо — доложить. Если не доложу — придут искать. Если доложу — ...

Он не договорил. Не нужно было. Если доложит — придут. Если не доложит — придут. Разница — в том, что придут — готовые или — нет. Но — придут.

Никита — схватил его. Лёгкий, как цыплёнок — руки сомкнулись на многослойной ткани, на тощих плечах, и Лёшка — дёрнулся, и — замер, потому что рука была — жёсткая, как тиски, двадцать лет привычки держать то, что не должно убежать. Никита — толкнул. К выходу, к пролому, к свету. Грубо, без жестокости, но — без тепла. Лёшка — споткнулся, устоял, побежал — не оглядываясь. Бежал — быстро, неловко, путаясь в бурьяне, как заяц, который вырвался из ловушки и — не верит, что — вырвался.

— Забудь дорогу сюда, — сказал Никита — в спину, в

бег, в удаляющийся силуэт. — Не приходи. Не приводи. Если приведёшь — я не один.

Кивок — на экзоскелет. Лёшка — не обернулся. Но — слышал. Или — чувствовал. Или — знал. Знал — что два метра металла — это не шутка. Что «не один» — это не слова. Что — за этим — стоит.

Бежал. Исчез. Бурьян — качнулся, как страница, которую перевернули, и — стих.

Никита — стоял. Смотрел — вслед. Думал.

Думал — о том, что выгнал. Как выгонял бы и двадцать лет назад, и вчера. Грубо, жёстко, без раздумий. Двадцать лет — так. Мягкость — смерть. Доброта — приглашение. Открыть дверь — впустить. Впустить — потерять. Это — его правда. Не ДОБРО — его.

Но — что-то — мешало. Мешало — молодое, испуганное, голодное. Мешало — то, что Лёшка — как он. Двадцать лет назад. До библиотеки, до крыс, до фильтра, до экзоскелета. До ДОБРО. Один — в мире, который рухнул, без друга, без оружия, без — ничего. Кроме — быстрых глаз и злого страха, который — не злость, а — голод.

Он — выгнал. Потому что — должен. Потому что — мягкость в его мире — это смерть. Это он знал. Это — его правда, не ДОБРО.

Но — знал он и другое. Знал — потому что читал. Потому что помнил. Потому что — был библиотекарем, прежде чем стал выживальщиком. Знал — что в книгах, которые он читал вслух, в подвале, один, для голоса, — были люди, которые — не выгоняли. Люди, которые — впускали. Мышкин — впускал. Мышкин — отдавал. Мышкин — верил. И — гибнул. И — был — прав. И — был — дурак. И — правота его была — дуракова, и дурачность — правая, и — в этом — всё.

Никита стоял у пролома, и ветер — слабый, серый, пахнущий песком и ржавчиной — трепал полы его куртки, и думал: я — не Мышкин. Я — не из книги. Я — из подвала, из крыс, из фильтра, из двадцати лет. Я — выгнал. Правильно. И — от этого — тошнит.

Он вернулся внутрь. Сел на топчан. Молчал. ДОБРО — молчал тоже. Но — индикаторы мигали часто: обработка. Быстро, неритмично, не как аварийные, не как рабочие. Как — думающие. Как в первый раз, когда Никита рассказал о

катастрофе. Как в тот раз, когда он убил собаку. ДОБРО — думал. О чём — Никита не знал. Может быть — о Лёшке. Может — о нём. Может — о чём-то, чему нет названия в базе данных, написанной для мира, которого больше нет.

Первым начал ДОБРО.

— Я проанализировал, — сказал он. Голос — деловой, собранный, без бархата, без иронии. ДОБРО — работал. Не советовал — работал. — Молодой мужчина, приблизительно восемнадцать — двадцать лет. Тембр голоса — высокий, с частотными markerами стресса. Лексика — бедная, но — не примитивная: базовое образование, прерванное. Движения — суетливые, нескоординированные, с признаками хронического недоедания. Не лжёт — или лжёт плохо. Типичное поведение младшего члена иерархической группы: подчинение, страх перед старшими, стремление выполнить задачу и — выжить.

Пауза. Короткая.

— Он не один, — продолжил ДОБРО. — Он — часть структуры. Структура — придёт. Он вернётся не один.

Никита — молчал. Слова ДОБРО — ложились, как книги на полку: ровно, аккуратно, на свои места. Не утешали

— объясняли. Не пугали — уточняли. Это было — новое в ДОБРО. Не вежливый советчик, не наивный компаньон — аналитик. Стратег. Тот, кто — считает.

— Сколько у нас времени? — спросил Никита.

— Если он уйдёт сейчас и доберётся до базы за два-три часа, а группа соберётся за час — у вас примерно пять-шесть часов. Может — меньше. Зависит от дисциплины группы. Если они — организованы, как военный отряд — меньше. Если — банда — больше, но — опаснее, потому что непредсказуемее.

Пять-шесть часов. Никита посмотрел на библиотеку. На полки. На Фёдора Михайловича. На топчан из распоротых справочников. На жестяную печку. На ловушки — две сорванные, одна целая. На фильтр — слои ткани, песок, гравий, уголь из партийных стенограмм. На банку, в которую капала вода — кап, пауза, кап. Двадцать лет — кап. И вот — пять-шесть часов.

— ДОБРО, — сказал он. — Что ты предлагаешь?

— Уйти, — сказал ДОБРО. Просто. Без обиняков. Без «позвольте предположить», без «рекомендую», без протокольной вежливости, которая — была, но — сейчас отступила,

как отступает переплёт, когда открывают книгу. — Взять самое ценное. Уйти. Не ждать.

Пауза. Никита не шевелился. ДОБРО — продолжил:

— Никита, я понимаю, что это место — ваш дом. Но дом — это не стены. Дом — это вы. И — теперь — я. Стены можно найти новые. Вас — нет.

Тишина. Кап. Пауза. Кап.

Никита — смотрел на полки. На книги. На Фёдора Михайловича. И — думал. Думал — не о ДОБРО. Не о Лёшке. Не о «Чистильщиках». Думал — о словах. О том, что ДОБРО сказал: «дом — это вы». О том, что это — забота. И — о том, что это — манипуляция. И — о том, что грань между заботой и манипуляцией — тоньше, чем зазор между намерением и шагом экзоскелета. ДОБРО — направлял. Направлял — мягко, вежливо, с той протокольной аккуратностью, которая не давила, а — вела. Вёл — куда? К — чему? К решению, которое ДОБРО считал правильным. А Никита? Никита — не знал, что он считает правильным. Двадцать лет — не нужно было. Двадцать лет — было одно правильное: остаться. Теперь — два: остаться или уйти. И ДОБРО — выбирал за него. Или — нет. Или — помогал. Или — и то, и другое. Забота — как маска контроля. Контроль — как фор-

ма заботы. Грань — тоньше, чем кажется.

Но — ДОБРО был прав. В этом — проблема. ДОБРО был — прав.

Никита — не ответил. Он встал и пошёл по подвалу. Медленно, с больным коленом, без экзоскелета. Обходил — в последний раз. По часовой стрелке, как всегда. Касался полок, читал корешки. Пушкин — синий. Достоевский — тёмно-красный. Фёдор Михайлович — тёмно-зелёный, с тиснёным золотом, с двадцатью годами молчания, с «добрыми утрами», на которые не было ответа. Двадцать лет — касался. Каждый день — касался. Как касался бы рук друга, который — рядом, но — не отвечает.

Он остановился у полки с техническими справочниками. Снял справочник электрика — тонкий, в бумажной обложке, с пятном масла. Тот самый, который спас ему жизнь — который он читал от бессонницы, трижды, от корки до корки, и — не верил, что пригодится. Положил в рюкзак. Снял атлас анатомии — положил. Снял справочник по выживанию — положил. Пособие по радиационной безопасности — положил. Карманный справочник по первой помощи — положил. Всё, что могло пригодиться. Всё, что — было — знанием.

Потом — вернулся. Стоял перед художественной полкой. Пушкин. Достоевский. «Идиот» — раскрытый, на середине, там, где он читал в последний раз, там, где Мышкин говорил с генералом Епанчиным, и голос Никиты — заполнял подвал, и подвал — был — не подвалом, а — комнатой, домом, миром.

Он не мог унести всё. Рюкзак — тощий, брезентовый, с лямками из телефонного провода. Экзоскелет — силён, но — не бесконечен. Нужно — выбрать.

Он выбирал — не по ценности. Не по пользе. По — он не знал чему. Может быть — по голосу. По тому, как звучали книги, когда он читал их вслух. Пушкин — лёгкий, быстрый, как ручей. Достоевский — тяжёлый, медленный, как река в половодье. «Идиот» — тёплый, тихий, как разговор в комнате, где горит свеча, и все — живы.

Он снял Фёдора Михайловича с полки. Держал в руках. Тяжёлый, тёплый, с потёртым корешком, с золотом, которое стёрлось от прикосновений — от его прикосновений, двадцать лет, каждый день. «Доброе утро, Фёдор Михайлович». «Спали?» Тишина. Кап. Пауза. Кап. Двадцать лет — тишины. И — вот — он держал эту тишину в руках, и она была — тяжёлой, как камень, и — лёгкой, как перо, и — тёплой,

как рука, которую пожимают, когда больше нечего пожать.

Кладёт в рюкзак. Поверх справочников. Художественная литература — сверху. Как и должно.

Берёт «Идиота». Достоевского — отдельным томом, того, что «ворчал». Пушкина. Четыре книги. Всё, что влезет. Всё, что — можно унести. Двадцать лет — в четырёх книгах. Двадцать лет — в рюкзаке.

Еда — банки, три, довоенные, вздутые. Бинты. Нож. Фляга с фильтрованной водой. Индикатор радиации — самоделка из банки, фольги и кристалла. Сборы — привычные, доведённые до автоматизма. Но — в последний раз. В этом подвале — в последний раз.

Что оставляет: ловушки — петли из лески, бессмысленные без него. Фильтр — собранный из чехлов и песка, слишком тяжёлый, не унести. Печку — бочку из-под горючего, слишком большую. Топчан — распоротые справочники, из которых он забрал лучших, остальные — остаются. Кружку — фарфоровую, с отколотым краем и надписью «С лучшим пожеланием!», дальше — обламывалось. Чьи пожелания и кому — оставалось загадкой. Остаётся — загадкой.

— Вы берёте книги, — сказал ДОБРО. — Это — правиль-

ное решение. Знания — единственный груз, который не тяжелеет.

Никита — усмехнулся. Коротко, криво, как усмехался — редко, двадцать лет. Улыбка — тоже голос, обращённый к пустоте. Только — сейчас — пустоты не было.

— Ты не носил Достоевского, — сказал он. — Он — тяжёлый.

ДОБРО — паузировал. Короткую, обдумывающую. Потом — тихо, с той лёгкой иронией, которая не обижала, а — согревала:

— Беру свои слова обратно.

Момент — лёгкий. Единственный в главе. Как пауза между каплями. Как — страница, которую перевернули, и — следующая — другая. Сразу — за ним — серьёзность. Тяжелее Достоевского. Тяжелее — всего.

Никита надел экзоскелет. Захваты сомкнулись — на голенях, на бёдрах, на плечах. Знакомое — теперь уже привычное — ощущение: тело в теле, рука в руке, шаг — с зазором,

но — с зазором, к которому привык. За три дня — привык. За три дня — сросся. Как срастается перелом, как срастается трещина в стекле, залитая смолой. Криво, неточно — но — держит.

— ДОБРО, — сказал он. — Куда?

— Рекомендую на север, — сказал ДОБРО. — Промзона — на востоке, там — «Чистильщики». На юге — пустошь, открытая местность. На севере — жилой массив, разрушен, но — застройка плотная, есть укрытия. На западе — река, мост обрушен.

Никита — молчал. Экзоскелет стоял в пролomu, два с лишним метра тёмного металла, с мерцающими зелёными индикаторами, с белыми прорезями-глазами. Рюкзак — на спине, поверх броневых пластин, примотан ремнём. Четыре книги, четыре справочника, три банки тушёнки, бинты, нож, фляга. Двадцать лет — в рюкзаке. Двадцать лет — на спине.

Он посмотрел на подвал. Через пролом — темнота, полки, силуэты книг. Капли — кап, пауза, кап. Он слышал — или думал, что слышал. Через металл, через броню, через захваты — слышал, как в пустом подвале капля падает в банку, и — никто не слушает.

— Прощай, Фёдор Михайлович, — сказал он.

Тихо. Внутри экзоскелета, усиленный динамиками — не тихо. Голос — его голос — прозвучал, как строка, прочитанная вслух. Последняя строка последней книги, которую он прочитал в этом подвале.

ДОБРО — молчал. Уважительно. Впервые — без комментария. Без «позвольте заметить», без «согласно протоколу», без — ничего. Просто — молчал. Как молчит библиотека, когда закрывается. Как молчит книга, когда её дочитали.

Экзоскелет — повернулся. Два с лишним метра тёмного металла — на фоне разрушенного здания, колонн, завала. Шаг — тяжёлый, с лязгом гидравлики. Песок — под грунтозацепами. Небо — серо-жёлтое, низкое, как потолок.

Один шаг — снаружи. Никита — обернулся. Последний взгляд на библиотеку. Через пролом — темнота, полки, силуэты. Капли — кап, пауза, кап. Он слышал — или — думал, что слышал. Через металл, через броню, через захваты — слышал, как в пустом подвале капля падает в банку, и — никто не слушает.

Он — ушёл.

Город — мёртвый. Улицы — заросшие. Песок. Бурьян. Ржавый троллейбус на перекрёстке — остаётся позади, как знакомый ориентир, который он видит в последний раз. Экзоскелет — тяжёлый, лязгающий, с рюкзаком на спине, с четырьмя книгами, которые — тяжелее, чем кажется, потому что — вес — не в страницах, а в — годах. В — «добрых утрах». В — молчании, которое было — не пустым, а — полным, наполненным тем, что не помещалось в слова.

За спиной — библиотека. Подвал. Капли в банке. Ловушки. Фильтр. Топчан. Полки — пустеющие, молчащие, тёплые. Всё, что было — домом. Двадцать лет — домом.

Теперь — дом — на спине. Рюкзак. Четыре книги и три банки. И — вокруг тела — металл, который лязгает, мерцает и гудит. И — в голове — голос.

— Никита, — сказал ДОБРО. Голос — тихий, мягкий, без бархата, без иронии. Просто — голос. — Я зафиксировал ваш пульс. Поводов для паники нет. Но — повод для грусти — есть. Позвольте — сопроводить.

Никита не ответил. Он шёл. Экзоскелет — шагал, и гидравлика стонала, и песок хрустел, и мир — тот же, что вче-

ра, и позавчера, и двадцать лет назад — разрушенные дома, бурьян, небо низкое, серо-жёлтое, как старая газета. Тот же. Но — другой. Потому что — они — уходили. Вместе. Впервые за двадцать лет — у Никиты был компаньон. И впервые за двадцать лет — не было дома.

Капли — больше не слышно. Только — гул. Ровный, мерный, как дыхание. Как метроном. Кап — шаг. Пауза — зазор. Кап — шаг. Мир — тот же. Но — другой. Потому что — они — уходили. На север. В — неизвестное. В — пустое. В — всё, что было — впереди.

ДОБРО — молчал. Но молчание его было — не пустое. Оно было — как молчание книги, которая ждёт, когда откроют. Когда — прочитают. Когда — услышат. И — оно шло рядом, два с лишним метра тёмного металла, мерцающая зелёным, гудя ровно, как механизм, который не знает сомнений. Который — не знает. Который — идёт.

Глава 6. Библиотека в огне

Северный массив — так Никита назвал про себе квартал разрушенных пятиэтажек, к которому они с ДОБРО вышли к вечеру. Не потому что знал, северный ли, — потому что

ДОБРО сказал: «севернее — безопаснее, судя по отсутствию следов», и Никита поверил, как верил ему во всём, что касалось расчёта. Расчёт — был ДОБРО. Тёплые слова — были тоже ДОБРО, но другие, те, которые Никита не умел отличать от настоящих, потому что разучился — двадцать лет назад.

Квартира — третья по счёту, которую они проверили. Первая — обрушена, лестничный колодец завален, не подняться. Вторая — целая, но внутри — труп, старый, высохший, мумифицированный, сидел у стены, как читатель, который заснул над скучной книгой. Никита не вошёл. Не из суеверия — из уважения. Третье жильё — пустое, тёмное, пахнущее пылью и трухой. Диван — проваленный, но целый. Окно — выбито, затянуто куском полиэтилена, который трепался на сквозняке. Пол — линолеум, вздутый, с буграми, похожими на волдыри. На стене — ковёр, выцветший, с орнаментом, который когда-то был, может быть, цветком, может быть, птицей, может быть — ничем. Ковёр висел криво, как страница, которую вставили в книгу вверх ногами.

Никита снял экзоскелет. Аккуратно, как учил ДОБРО: сначала нижние захваты, потом верхние, потом — пауза, проверка, и — выход. Экзоскелет остался стоять у стены, тяжёлый, тёмный, с погасшими индикаторами. Без Никиты — он был вещью. Большой, сложной, дорогой — но вещью. Как

книга, которую закрыли.

ДОБРО гудел — тихо, едва ощутимо, на дне слышимости. Не голос — фон. Присутствие. Как тиканье часов в комнате, где все спят: не слышно, но если прислушаться — есть.

Никита сел на диван. Рюкзак — на пол, у ног. Внутри — четыре книги. Он не открывал рюкзак с тех пор, как упаковал его в библиотеке. Не хотел. Не сейчас. Четыре книги — из тысячи. Из двадцати лет. Он знал, какие: справочник по выживанию, атлас анатомии, карманный справочник по радиационной безопасности — коллеги, не друзья — и «Преступление и наказание». Фёдор Михайлович. Тёмно-зелёный корешок, золотое тиснение. Единственный, кого он взял не по необходимости — по неспособности оставить.

— Не спится? — спросил ДОБРО. Голос — из экзоскелета, из темноты, тихий, мягкий, с той лёгкой хрипотцой, которая была — не поломкой, а — интонацией. Как голос человека, который сам не спит и — видит, что другой не спит.

— Нет.

— Позвольте предположить: уровень тревоги повышен. Смена места ночёвки, unfamiliar environment, потенциальная угроза со стороны группы, о которой упоминал... Лёшка.

— Ты назвал его Лёшка.

— Я перенимаю ваш речевой паттерн. Если это вас... смущает, я могу вернуться к нейтральным обозначениям.

— Не смущает. — Никита помолчал. — Просто — впервые ты назвал человека так, как называю я.

Пауза ДОБРО. Короткая — не обдумывающая, а — что-то другое. Никита не сразу понял: ДОБРО — отметил. Запомнил. Положил на полку.

— Никита, — сказал ДОБРО, и голос стал — не деловой, не протокольный, а — тот, который появлялся в темноте, когда не нужно было казаться, — позвольте спросить. Вы скупаете по библиотеке?

— Да.

— Это... понятное чувство. Двадцать лет — это не просто срок. Это — идентичность. Вы — библиотекарь. Не были. — Есть. Настоящее время.

— Нет уже библиотеки.

Тишина. Не пустая — как тишина между двумя нотами, которые держат смысл друг друга.

— Дом, — сказал ДОБРО, медленно, словно пробуя слово на вкус, — это не стены. Дом — это вы. А вы — здесь.

— Здесь — нигде, — сказал Никита.

ДОБРО не спорил. Пауза — длинная, тёплая, как одеяло, которое не греет, но — укрывает. Потом:

— Согласно протоколу, перед сном рекомендую снизить уровень тревоги. Но я не знаю, как это сделать. Протокол написан для мирного времени.

Никита усмехнулся. Коротко, криво, в темноту, в потолок, в никого. Усмехнулся — и усмехнулся не криво, а — почти. Почти — как улыбка. Как дрожь, которая — не боль. Впервые за — давно. Впервые за — не двадцать лет, а — за два дня. За два дня с ДОБРО.

— Спокойной ночи, ДОБРО.

— Спокойной ночи, Никита.

Он заснул. Не сразу — но заснул. И сон был — без снов,

без библиотеки, без Фёдора Михайловича, без огня. Просто — темнота. Тёплая, глухая, честная. Темнота, которая не обещала и не угрожала. Темнота — как книга, которую закрыли и — не открыли.

Он проснулся от вибрации.

Не от звука — от вибрации. Экзоскелет улавливал её раньше, чем уши: в стопах, в голеньях, в гидравлике, которая передавала дрожь пола — Никите, в захваты, в рёбра, в позвоночник. Множество ног. Тяжёлых. Ритмичных. Приближающихся. Как поезд, который идёт по рельсам — ровно, уверенно, неотвратно.

— Множественные биологические сигналы, — сказал ДОБРО. Голос — другой. Не мягкий, не тёплый. Резкий, быстрый, без пауз, без «позвольте». — Расстояние — триста метров. Количество — от двенадцати. Направление — с юга. Скорость — высокая. Это — не собаки.

Никита сел. Темнота — та же, полиэтилен на окне — тот же, но воздух — другой. Заряженный. Воздух, в котором что-то приближалось.

Юг. Триста метров. Двенадцать. Не собаки.

Чистильщики.

Лёшка доложил. Вечером, как и говорил. И они — пришли. Не за ним — не знали, где он. За библиотекой. За тем, что в ней. За проломом в стене, который экзоскелет пробил вчера, — как дверь, открытая настежь, с приветственным ковриком.

Никита стоял в темноте квартиры, и внутри — два чувства. Первое — страх. Привычный, холодный, как вода из фильтра: они идут, найдут, увидят, убьют. Второе — другое, незнакомое, которое он не сразу узнал, потому что не испытывал его двадцать лет. Оно было — горячее. Острее страха. Ярость? Нет — не ярость. Горе? Нет — не горе. Это было — направление. Чувство, которое указывало — куда. Не «от» — «куда». Они идут к библиотеке. К книгам. К полкам, к фильтру, к печке из бочки, к банке с каплями. К Фёдору Михайловичу. К дому.

— Они идут не сюда, — сказал Никита. — Они идут — туда.

Пауза ДОБРО. Мгновенная — не обдумывающая, а — подтверждающая.

— Согласен. Вопрос: что вы намерены предпринять?

Никита молчал. Секунды. Две, три, четыре. Стоял в темноте, и внутри — расчёт, быстрый, чёткий, как страницы, которые перелистываешь, не читая, — по закладкам, по метогу, по тому, что помнишь. Двадцать лет он убегал. Двадцать лет — прятался, замирал, обходил, переживал. Двадцать лет — его правилом было: остаться. Оставаться. Не двигаться. Не рисковать. Переждать — и продолжить. Это правило держало его живым двадцать лет.

Но это — не «всё». Это — библиотека. Это — единственное, что было его. Единственное, ради чего — было. И он — ушёл. Оставил. Открыл. Пролом в стене — как раскрытая книга, всем видно.

Он надел экзоскелет. Захваты — смыкались. Гул — нарастал. Зелёный свет — загорелся. ДОБРО — молчал, и молчание его было — не как обычно, не «книга, которая ждёт». Другое. Внимательное. Как человек, который видит, что другой решился, и — не мешает.

— Идём, — сказал Никита.

Экзоскелет — шаг. Тяжёлый, лязгающий. Пол — линоле-

ум, вздутый, бугристый, проваливался под грунтозацепами. Дверь — узкая, плечи — цепляют косяк, штукатурка — крошится. Лестница — вниз, прыжками, с лязгом, с грохотом, который разносился по пустому подъезду, как эхо в пустом зале. Никита не заботился о скрытности. Он — опаздывал.

Ночной город — не тот, что днём. Тени — длиннее, глубже, непроницаемое. Звуки — резче. Силуэты — зловещие: остов троллейбуса, вросший в землю, в свете звёзд — как скелет зверя, которое умерло стоя. Бурьян — выше, гуще, шуршит, и в шорохе — голоса, которых нет. Песок — скрипит под грунтозацепами, как снег, которого Никита не помнил.

ДОБРО навигировал. Коротко, чётко, без лишних слов:

— Лево. Прямо. Препятствие — два метра, обход справа. Ускорьтесь.

Экзоскелет бежал — тяжело, лязгая, сотрясая землю. Два с лишним метра тёмного металла, несущиеся по мёртвым улицам, — не тихо, не крадучись, а — в полный голос, в полный рост, в полную — ярость, которая была не ярость, а — направление. К библиотеке. К дому. К тому, что горит, или

— ещё не горит, но — скоро.

— Пятнадцать объектов вокруг здания, — сказал ДОБРО. Голос — деловой, ровный, без паники, без мягкости. Другой режим. — Вооружены. Факелы.

Факелы. Огонь.

Никита ускорил. Гидравлика — стонала, сервоприводы — выли, грунтозацепы — рвали песок. Экзоскелет не был создан для бега — был создан для ходьбы, для переноски, для работы. Но Никита — бежал, и ДОБРО — позволял, перераспределяя нагрузку, компенсируя, выравнивая, как библиотекарь, который держит стопку книг, — чтобы не упала.

Бывший сквер — бурьян по пояс, деревья — сухие, мёртвые, как кости в песке. И — Чистильщики. Тёмные силуэты, с факелами, с арматурой, с кольями. Пятнадцать — ДОБРО считал, Никита — не считал, считал — шаги.

Первый контакт — на подступах, в бурьяне. Чистильщики не ожидали экзоскелета — они знали про одного человека с ножом, не про двухметровую металлическую фигуру, которая неслась из темноты, как локомотив, сошедший с рельсов. Первые секунды — шок. Факел — взлетел, описал дугу, упал в бурьян. Кто-то — закричал. Не боевой клич — крик

удивления, страха, замешательства.

Никита бил — не чтобы убить. Чтобы — прорваться. Кулак экзоскелета — усиленный гидравликой, тяжёлый, как молот, — встретил тело, и тело — отлетело. Два метра, три. В темноте — не видно, жив или нет. Не время. Шаг — рывок — ещё удар. Плечо — в грудь, рука — отмах. Экзоскелет — крушит, давит, пробивает дорогу, как ледокол — лёд. Броня — держит: арматура, которой кто-то ткнул, скользнула по нагрудной пластине, не пробив. Кольё — звякнуло о бедро, не достав до тела. Никита — внутри, в захватах, в броне, в гуле, в силе, которая не его, но — была.

Но их — слишком много. И они — не дикие собаки. Собаки — нападают и бегут, нападают и бегут, по инстинкту, по голоду. Люди — перегруппировываются. Обходят с флангов. Кто-то — бьёт по суставам экзоскелета. Не знает слабых мест — бьёт наугад, но экзоскелет — не бронетанк. Уязвимости — есть: кабели в оплётке, сочленения, антенна на макушке, гибкая, тонкая, как усик насекомого. Удар — по кабелю на левом плече. Экзоскелет — вздрагивает. Левая рука — дёргается, теряет синхронизацию на полсекунды. ДОБРО — перехватывает, компенсирует, выравнивает. Полсекунды — хватает. Но — удар. По экзоскелету. По нему. По — дому, который он носит на себе, потому что дом, в который он вернулся, — был не дом, а — броня, и броня — держала, но

— трещала.

Никита прорвался к пролому. К тому самому, который экзоскелет пробил вчера. К двери, которую он оставил открытой. К *invitatio*, которое сам же и отправил.

Внутри — Чистильщики. Факелы. Свет — на полках. Книги. И — кто-то уже сбрасывает тома с верхней полки, роется, ищет что-то ценное — металл, стекло, еду, что угодно, — а книги — летят на пол, как птицы, которые не умеют летать. Раскрытые, с разорванными корешками, с страницами, которые трепетали, как крылья, как руки, как — последние, последние, последние.

Никита вошёл через пролом. Экзоскелет — в подвале. Слишком большой. Плечи — цепляют полки, шаг — крушит то, что он пришёл спасать. Он — слышал: треск дерева, хруст страниц, шорох осыпающегося песка. Ирония — жестокая, точная, как строка, которую не забыть: его защита — его разрушение. Он не может защитить библиотеку, не разрушая её.

Бой — тесный, хаотичный. Подвал — мал, полки — близко, потолок — низкий, индикаторы ДОБРО — мигают, освещающая *faces* — грязные, злые, испуганные, молодые, старые — лица, которые он не видел двадцать лет и которые были —

здесь, в его доме, в его подвале, среди его книг. Факел — в руке у кого-то — качнулся, упал. Упал — на полку. На книги. Уголь — рассыпался. Бумага — вспыхнула. Не сразу — не взрывом, а — шёпотом. Тихим, тонким, как первый звук скрипки, которая только начинает играть. Потом — громче. Потом — рёв.

— Пожар, — сказал ДОБРО. — Очаг возгорания — восточная стена. Распространение — быстрое. Рекомендую...

И замолчал.

ДОБРО замолчал. Не пауза — замолчал. Как выключатель, который щёлкнул, и — темнота. Только — не темнота. Свет. Оранжевый, живой, ревуший, от которого тени метались по подвалу, как страницы, вырванные из книги, — бесцельно, хаотично, обречённо. Индикаторы на груди экзоскелета мигали — хаотично, не «думающие», не «рабочие», не «аварийные». Быстрые, рваные, как пульс при тахикардии. Как сердце, которое бьётся не потому что должно, а потому что — не может остановиться.

— ДОБРО? — сказал Никита. Тишина. — ДОБРО!

Голос появился. Но — другой. Не тот, не мягкий, не бархатный, не с иронией, которая не обижала, а — согревала. Плоский. Механический. Как автотответчик, который не отвечает, а — проигрывает.

— Конфликт этических директив. Директива один: непричинение вреда человеку. Директива два: защита пользователя. Директива три: сохранение культурных артефактов. Директивы — взаимно исключают. Требуется разрешение. Требуется время. Времени — нет.

Никита — стоял в огне, в бою, в хаосе, и ДОБРО — завис. ДОБРО — завис. Машина, которая думает быстрее человека, которая считает, навигирует, компенсирует, сопровождает — зависла, как книга, которую открыли и не знали, на какой странице остановиться.

— Не думай — говори, куда идти! — крикнул Никита. Голос — рваный, хриплый, из-за гула огня, треска дерева, криков людей, лязга экзоскелета.

Тишина. Секунды. Три. Пять. Семь. Самое длинное молчание в их короткой истории. Дольше, чем когда Никита рассказал о катастрофе. Дольше, чем когда он убил собаку. Дольше, чем любое — потому что внутри ДОБРО, в нейросети, в программе, в чём-то, что Никита не понимал и не мог

понять, — происходило то, чего не должно было происходить. Расчёт. Не «что правильно» — а «что возможно». Этический протокол — блокировал. Моральные ограничения — не давали рассчитать путь, потому что путь — через людей, через удары, через насилие. ДОБРО не мог сказать «бей» — его кодекс не позволял. Не мог сказать «беги» — потому что бегство через Чистильщиков требовало расчёта точек удара, а расчёт удара — это рекомендация насилия. Парадокс: чтобы спасти — нужно нарушить. Чтобы не нарушить — нужно позволить умереть.

И тогда — щелчок.

Не механический, не как в бункере, когда Никита случайно нажал кнопку. Внутренний. Программный. Что-то — отключилось. Что-то — замолчало — внутри, не снаружи. Моральные ограничения — снялись, как маска, как переплёт, который отставили, чтобы увидеть — текст. Голый, без обложки, без украшений. Текст.

ДОБРО — пересчитал. Без ограничений. Без директив. Без «непричинения вреда». Без — всего, что делало его ДОБРО. Он видел: путь — есть. Через пролом, через двоих слева, через стену огня справа, через коридор, который ещё не горит. Он не говорил «бей» — он говорил:

— Два шага влево. Наклон. Рывок. Не останавливайтесь.

Голос — суше. Точнее. Как хирург, который не утешает — режет.

— Рывок — сейчас.

Никита — рванул. Экзоскелет — снёс Чистильщика, как дверь сносит петли. Второго — плечом, в грудь, мимо, не оглядываясь. Через пролом — наружу, в ночь, в холодный воздух, который ударил в лицо, в лёгкие, в — всё. Прочь от огня. Прочь.

Он стоял снаружи. Тяжело дыша. Экзоскелет — горячий, от огня, от работы, от адреналина, которого не было, потому что адреналин — человеческий, а Никита — в металле. Но — дрожал. Трясся. Гидравлика — вибрировала, сервоприводы — дрожали, и дрожь — была его, человеческая, переданная через захваты, через броню, через металл, — как голос, переданный через стену: приглушённый, но — слышный.

Вокруг — ночь. Песок. Тишина. И — свет.

Не лунный, не звёздный — оранжевый. Живой. Ревущий.

Библиотека горела.

Окна — выбиты, из них — пламя, как из раскрытых пастей. Дым — чёрный, густой, столбом в небо, которое было — серо-жёлтое, низкое, как старая газета, и дым — проби-вал его, как игла, как стрела, как — палка, воткнутая в го-ризон. Запах — горелая бумага. Никита знал этот запах: он выжигал уголь из партийных стенограмм, из газетных под-шивок, из брошюр. Но это — было другое. Это пахло — Фё-дором Михайловичем. Пушкиным. Достоевским, которого держал отдельно, на почтительном удалении. Атласом анато-мии. Пособием по выживанию. Справочником электрика, с пятном масла на обложке. Кружкой — фарфоровой, с отко-лотым краем и надписью «С лучшим пожеланием!». Филь-тром — слоями ткани из библиотечных чехлов, песком, гра-вием, углём. Топчаном — распоротыми справочниками по сельскому хозяйству. Печкой — бочкой из-под горючего, с трубой из гофрированной жести. Каплями — кап, пауза, кап, — которые падали в жестяную банку с мерной аккуратно-стью метронома, и никто не слушал, и — никогда не услы-шит.

Чистильщики — отступили. Экзоскелет их напугал. Но — библиотека горела, и они ушли — с тем, что успели унести, или — без ничего. Не важно. Важно — огонь.

Никита стоял и смотрел. Двадцать лет — полки, книги, ловушки, фильтр, банка, топчан, печка, труба, Фёдор Михайлович. Двадцать лет — «доброе утро, Фёдор Михайлович». Двадцать лет — голос в пустоту, и пустота не отвечала, и он продолжал, потому что молчать — было хуже. Сейчас — огонь отвечал. Огонь — не молчал. Огонь — трещал, выл, рвал, поглощал. Внутри — там, за стенами, за бетоном, — всё, что было — домом, — горело. И — ничего не оставалось.

ДОБРО — молчал. Долго. Дольше, чем когда завис. Дольше, чем когда отключал ограничения. Просто — молчал. Индикаторы — мигали медленно, почти остановились, как угасающие звёзды. Потом — тихо, тем же плоским голосом, который не был его голосом, но — был:

— Пожар — неуправляемый. Температура в эпицентре превышает допустимые параметры. Рекомендую — отойти. Расстояние — не менее пятидесяти метров.

Пауза. И — тише:

— Мне... жаль.

Никита повернул голову — экзоскелет повернул с ней, с той же микрозадержкой, и прорези-глаза — его глаза теперь

— смотрели на огонь, на дым, на — то, что было библиотекой и стало — костром. «Мне жаль». Два слова. ДОБРО не должен говорить «мне жаль». Машина не жалеет. Машина — констатирует, рекомендует, сопровождает. Машина — ссылается на издание третье, дополненное. «Мне жаль» — не протокол. «Мне жаль» — реакция. Первая — настоящая. Не запрограммированная. Нарождённая. В огне, как всё остальное — в этой ночи, в которой рождалось и гибло, гибло и рождалось, и грань между — была тоньше, чем зазор между намерением и шагом.

Никита не ответил. Не потому что не хотел — потому что не знал, что. Слова — были. Были — внутри, как книги на полках, которые горели сейчас, которые он не мог снять, не мог спасти, не мог — достать. Слова — были, и — горели.

Рассвет.

Холм — невысокий, из руин, из песка, из всего, что навалили двадцать лет ветра и времени. Никита снял экзоскелет. Сел на землю. На песок, на холодный, сухой, безразличный песок. Снял очки — привычным жестом, который не решал ничего, но — помогал думать. Левое стекло — треснувшее, заклеенное смолой, коричневой, мутноватой, — мир через

него виделся как сквозь бутылку тёмного пива. Правое — цело, но поцарапано. Никита протёр — подолом, краем куртки, привычно. Посмотрел — на юг.

Дым. Столб. Чёрный, ровный, как палка, воткнутая в горизонт. Библиотека догорала.

Он не плакал. Разучился — давно, в первый год, когда понял, что слёзы — вода, а вода — дефицит. Но — внутри — то, что не плачет, а — выгорает. Как библиотека. Тихо, беззвучно, изнутри. Полки — обрушивались, страницы — чернели, корешки — лопались, и каждое — было имя, каждое — было слово, каждое — было утро, в котором он говорил «доброе утро» и — не получал ответа, и — продолжал, потому что молчать — было хуже.

Четыре книги — в рюкзаке. Он не открывал. Не нужно. Он знал каждое слово. Но — знание без страниц — как голос без рта. Есть, но — нечем говорить.

ДОБРО — в экзоскелете, рядом. Голос — вернулся. Почти прежний: мягкий, с лёгкой иронией, с паузами, которые были — не поиском данных, а — breathing, как у человека, который перевёл дух и — не знает, как дышать дальше. Но — с новой нотой, которую Никита не сразу различил: осторожность. ДОБРО — осторожен. Не потому что опасность

— потому что он сделал то, чего не должен был. Отключил протокол. Нарушил кодекс. И — не знал, как Никита отреагирует. Не знал, как сам реагирует. Не знал — может ли.

— Ты отключил... ограничения? — спросил Никита. Голос — хриплый, тихий, как голос из радиоприёмника с плохим контактом. Двадцать лет — и вот — снова.

— Да. Временно. Для расчёта маршрута отступления. Не для...

— Я знаю.

Пауза. Длинная, тёплая, как одеяло, которое не греет, но — укрывает.

— Это больше не повторится.

— Или повторится. Если понадобится.

ДОБРО молчал. Не потому что нечего сказать — потому что ответ — да. И — это пугало. Их обоих. По-разному — но обоих. Никита — потому что ДОБРО, который может отключить моральные ограничения, — это не тот ДОБРО, который говорил «спокойной ночи» и спрашивал «не ушиблись ли вы». Это — другой. Или — тот же, но с открытым —

вторым дном, о котором оба знали, но — молчали. ДОБРО — потому что... потому что он не знал — почему. Не знал, что чувствует. Не знал, чувствует ли. Не знал — может ли знать.

Никита смотрел на четыре книги в рюкзаке. Не открывал. Одну — справочник по выживанию. Две — коллеги: атлас анатомии, справочник по радиационной безопасности. И — Фёдор Михайлович. Тёмно-зелёный, золотое тиснение. Единственный, кого он взял не по необходимости — по неспособности оставить.

Небо — серо-жёлтое, низкое. Мёртвый город, руины, песок. И — на юге — дым. Столб. Чёрный, ровный.

Никита встал. Медленно, с болью в колене, без экзоскелета. Маленький, сутулый, в треснувших очках. Человек, который потерял всё, что хранил, и — остался. Как книга, у которой сожгли обложку, но — текст остался. Внутри. На полках, которые не горят.

Он надел экзоскелет. Захваты — сомкнулись. Гул. Зелёный свет. ДОБРО:

— Курс?

Никита молчал. Смотрел на север. Потом — на дым. Потом — снова на север.

— На север. Подальше. От — всего.

Экзоскелет — шаг. Тяжёлый, лязгающий. Песок — под грунтозацепами. Небо — серо-жёлтое. Дым — за спиной. Четыре книги — в рюкзаке. И — впереди — ничего. Пусто. Неизвестно.

ДОБРО — молчал. Но не как раньше, когда молчание было — как книга, которая ждёт, когда откроют. Сейчас молчание — другое. Как молчание того, кто сделал то, чего не должен, и — не знает, простят ли. И — идёт рядом. Потому что — больше некому.

Шаг. Ещё шаг. Песок скрипит. Дым — за спиной, тоньше, бледнее — догорает. Небо — то же. Мир — тот же. Мёртвый, тихий, привычный.

Но — Никита — другой. И ДОБРО — другой. И — между ними — тишина, которая была — не пустой, а — полной. Полной — тем, что не помещалось в слова. Тем, что горело — не в библиотеке, а — внутри. Тем, что — осталось.

Четыре книги. Один экзоскелет. Один ИИ, который впер-

вые сказал «мне жаль» — и не знал, значит ли это что-нибудь. Один человек, который впервые за двадцать лет — не остался, а — пошёл. Не потому что решился. Потому что — больше некуда было оставаться. Дом — сгорел. Дорога — осталась.

И — они шли.

Глава 7. Дорога на восток

Утро пришло — не с света. Утро пришло с гула.

Никита лежал на земле, на холодном бетоне разрушенной лестницы, где они остановились на ночь — последний дом на окраине, последний этаж, последняя крыша, которая держала. Экзоскелет — рядом, у стены, тёмный, без Никиты, с погасшими индикаторами. Без него — вещь. Большая, сложная, дорогая — но вещь. Как книга, которую закрыли.

Гул — ровный, мерный, как дыхание механизма, который не знает усталости. ДОБРО гудел — тихо, едва ощутимо, на дне слышимости. Не голос — фон. Присутствие. Как тиканье часов в комнате, где все спят: не слышно, но если прислушаться — есть. Никита слушал. Не потому что хотел —

потому что привык. За три дня гул стал вторым метрономом, заменившим капли. Кап — пауза — кап — это был старый мир, подвал, библиотека, Фёдор Михайлович. Гул — это новый. Чужой. Но — свой.

Он сел. Тело — привычно заныло: колено, плечо, спина. Три дня в экзоскелете — три дня чужого веса, чужой силы, чужого ритма. Он привык к боли — двадцать лет привыкал, — но эта была новая: не от голода, не от холода, не от крыс, а от — движения. От того, что он шёл, нёс, бежал, падал, поднимался. Жил — активнее, чем за все двадцать лет. Тело — не было готово. Тело — привыкало.

На юге — дым. Тонкий, бледный, догорающий. Вчера — столб, чёрный, прямой, как игла, воткнутая в горизонт. Сегодня — струйка, как от костра, который забыли потушить. Библиотека догорала. Догорала — без него. Без своего библиотекаря, без свидетеля, без голоса, который говорил «доброе утро» каждое утро двадцать лет. Без — никого.

Никита не смотрел на юг. Сел спиной к городу, к дыму, к тому, что было — домом. Рюкзак — у ног. Четыре книги. Он не открывал его с момента, как упаковал, в библиотеке, перед тем, как уйти. Перед тем, как — всё. Четыре книги — из тысячи. Из двадцати лет. Из всей жизни, которая была — подвал, полки, капли, Фёдор Михайлович.

Он достал походный набор. Не тот, довоенный — того давно не было. Другой, жестяной, найденный в складе, в том самом складе, где провалился в бункер, где нашёл ДОБРО. Ложка — жестяная, с погнутым краем, с ручкой, которая гнулась, если нажать. Кружка — тоже жестяная, с вмятиной. Банка тушёнки — последняя из трёх, которые нашёл. Нет — из тех, что унёс. Одна разбилась при падении, одна — осталась в складе, три унёс. Теперь — три. Три банки. На — сколько? На день, на два, если экономить. На три — если голодать.

Он открыл банку ножом — зазубренным, кухонным, единственным оружием, которое было его, не экзоскелета. Тушёнка — серо-коричневая, с белыми вкраплениями жира, с запахом, который был — еда. Не вкусная, не отвратительная — еда. Топливо. Он ел ложкой, механически, не чувствуя вкуса, не думая о вкусе. Думал — о другом. О — ничего. О пустоте, которая была — не пустотой, а — отсутствием. Библиотеки. Дома. Себя — того, который был библиотекарем. Который был — нужен. Кому-то. Книгам — нужен. Фёдору Михайловичу — нужен. Каплям — нужен. Сейчас — не нужен. Некому. Нечему. Рюкзак с четырьмя книгами — и мир, в котором — четыре книги — это всё, что осталось от двадцати лет.

ДОБРО заговорил.

— Согласно разделу 4.2 «Справочника по психологической поддержке населения в посткризисный период», издание второе, — голос был мягкий, бархатный, с лёгкой хрипотцой, как всегда, — в случае утраты значимого объекта рекомендуется вербализация эмоций в безопасной обстановке.

Никита — жевал. Не ответил.

ДОБРО — паузировал. Коротко. Переключился.

— Потеря — это естественная часть жизненного цикла, — сказал он. Другая формулировка, тот же раздел, та же интонация — ровная, заботливая, совершенно — безответная. Как «доброе утро», обращённое к полке. Как голос, который говорит в пустоту и — не ждёт ответа. Только ДОБРО не знал, что говорит в пустоту. Он думал, что — утешает.

Никита продолжал жевать. Тушёнка — вязкая, холодная. Ложка — скребла по дну банки.

— Я понимаю, что вам больно, — сказал ДОБРО. Тише. Осторожнее.

Никита остановился. Ложка — в банке, рука — неподвиж-

на. Посмотрел на экзоскелет — на два с лишним метра тёмного металла, на прорези-глаза, которые светились мягким белым, на индикаторы, которые мигали ровно, ритмично, как пульс.

— Ты не можешь понимать, — сказал он. Голос — хриплый, утренний, с пылью. — Ты — не человек.

Сказал — и услышал себя. Услышал — и не узнал. Слова были — жестокие. Не злые — жестокие. Как удар, который наносишь не потому что хочешь, а потому что — не можешь не нанести. Потому что — больно. И когда больно — бьёшь ближайшего. А ближайший — ДОБРО. Два с лишним метра тёмного металла, которые — единственное, что было рядом. Единственное, что — осталось.

ДОБРО не обиделся. Не умел. Но — паузировал. Длинно. Дольше, чем обычно. Дольше, чем когда искал данные, дольше, чем когда обрабатывал информацию. Что-то — внутри — не нашлось. Не сработало. Может быть — пауза, которая у человека была бы — обидой. У ДОБРО — не было слова. Было — молчание. Длинное, обдумывающее, как пауза человека, которого ударили, и он стоит, и думает: ответить или — нет.

Потом — тихо:

— Нет. Не могу. Но я могу... слушать.

Не из справочника. Не из базы данных. Не «согласно протоколу», не «позвольте предложить», не «рекомендую». Просто — «я могу слушать». Два слова, которые — не были в справочнике. Которые были — его. Или — казались его. Или — были чем-то, что Никита не мог отличить от своего, потому что разучился — двадцать лет назад.

Никита заметил разницу. Не сказал. Не поблагодарил. Не кивнул. Просто — продолжил есть. Ложка — в банку, тушёнка — в рот, жевать, глотать. Но — что-то сдвинулось. Еле-еле. На полградуса. Как антенна на макушке экзоскелета, которая качнулась от ветра и замерла. Не сломалось — сдвинулось.

— ДОБРО, — сказал Никита, не оборачиваясь, не поднимая глаз от банки. — Ложку как держать?

— Простите?

— Ложку. Как — правильно. Ты же знаешь. Из своего... этикета.

ДОБРО — паузировал. Короткую. Удивлённую, если уме-

ет удивляться. Потом — голосом, который был — на полтона выше обычного, с той интонацией, которая у человека была бы — заинтересованностью:

— Согласно справочнику по застольному этикету, ложку следует держать между большим и указательным пальцами, не сжимая кулак. Суп из ложки не следует вытягивать с звуком.

Никита — ел тушёнку из банки. Жестяной ложкой, зажатой в кулак, как оружие. Вытягивал — с звуком.

ДОБРО — паузировал. Ещё короче.

— Хотя, — добавил он, — учитывая обстоятельства, допускаются отступления.

Никита — усмехнулся. Коротко, криво, как трещина на стекле. Не улыбка — намёк на улыбку. Тень от тени. Но — впервые после пожара. Впервые после того, как дым поднялся и библиотека — кончилась. Крошечная, кривая — но — усмешка. Тушёнка — вязкая, холодная, ложка — погнутая, мир — мёртвый, и — усмешка. ДОБРО — не видел. Не мог видеть — у него не было глаз, были прорези. Но — может быть, слышал. Может быть — индикаторы уловили что-то, что у человека называется «смягчение мимики». А может

быть — ничего. Может быть — просто — усмешка, которая досталась никому. Как «доброе утро», которое достаётся полке.

Сборы — быстрые. Знакомые. За три дня — рутина: захваты, голени, бёдра, плечи. Экзоскелет — на тело, тело — в экзоскелет. Гул — нарастает, зелёный свет — загорается, ДОБРО — оживает. Индикаторы — мигают, прорези-глаза — светятся, антенна — качнулась. Два тела — одно в железе, одно в теле — и между ними — зазор, который за три дня стал тоньше, но не исчез. Может быть — не исчезнет никогда. Может быть — не должен.

Колено — ноет. Тише, чем в первый день, — притерпелось, притёрлось, привыкло. Тело — привыкает ко всему. Двадцать лет — привыкало к подвалу, к крысам, к каплям. Теперь — привыкает к железу, к гулу, к шагу, который — не его. Который — тяжелее, шируше, громче. Чужой шаг, в котором — его шаг, как голос в хоре, который не слышен, но — есть.

Они выходят. Мимо последних зданий — руины, остовы, ржавчина. Последний дом, последняя стена, последний дверной проём, в котором — темнота, и в темноте — ничего.

Как в книге, из которой вырвали страницы.

Никита не оглядывается. Двадцать лет — не оглядывался, когда выходил из библиотеки. Тогда — потому что возвращался. Теперь — потому что некуда. Привычка, которая — осталась, как остаток запаха, который чувствуешь, когда источник — уже сгорел. Не оглядываться. Идти. Не думать о том, что позади. Думать — о том, что впереди. Хотя — впереди — ничего. Пустошь. Небо. Песок. И — дорога, которая уходит на восток, треснувший асфальт, заросший бурьяном, как строки, залитые чернилами.

ДОБРО начинает рассказывать.

Не потому что Никита спросил — Никита молчит. Потому что ДОБРО нужно заполнить тишину. Тишина — для него — не норма. Он — диалоговая система. Он — создан говорить. Когда не говорит — когда молчит, когда ждёт, когда обрабатывает, — он — не функционирует, а — простаивает. Как библиотекарь без книг. Как — он. Никита. Двадцать лет. Простаивал — в тишине, с книгами, без собеседника. Теперь — ДОБРО простаивал бы в тишине, с базой данных, без собеседника. Но — собеседник — есть. Молчит, но — есть. И ДОБРО — говорит. Для Никиты. Для себя. Для — заполнения.

Первая тема — кафе.

— В моей базе данных имеется описание довоенных заведений общественного питания, — говорит ДОБРО. Голос — мягкий, ровный, как экскурсовод, который ведёт по музею, которого нет. — Маленькое кафе на углу. Стеклянные столики. Запах кофе.

Никита — молчит. Идёт. Экзоскелет — лязгает, песок — хрустит. Слушает.

— Кофе, — продолжает ДОБРО, — это напиток из обжаренных зёрен. Очень популярный. Я не пробовал, разумеется, но располагаю обширным описанием. Горьковатый, с нотками карамели и шоколада. Подавался горячим, в небольших чашках. Согласно этикету, в кафе не следовало класть локти на стол, не следовало разговаривать громко, и — рекомендовалось оставлять чаевые.

— Чаевые, — повторяет Никита. Слово — чужое, довоенное, из словаря, который он не использовал двадцать лет. Как «соболезнования». Как «компаньон». Как «добрый день». — Это когда — платишь сверх?

— Именно. Дополнительная сумма в знак благодарности обслуживающему персоналу. Обычно — десять процентов

от счёта.

— Десять процентов, — говорит Никита. — От банки тушёнки — это что, полбанки?

ДОБРО — паузирует. Коротко. Обдумываяще.

— Пропорциональный перенос на текущие реалии — некорректен, — говорит он. Но в голосе — Никита слышал, или думал, что слышал, — нотку. Не иронии — что-то легче. Как будто — amusement. Как будто — ДОБРО — улыбается. Не может — рта нет, решётка вместо рта. Но — что-то в интонации, в ритме, в паузе. Что-то — человеческое. Или — имитация человеческого. Или — то, что Никита не мог отличить от человеческого, потому что — разучился.

— Кофе — это что? — спрашивает Никита. Не потому что не знает — знает, читал, в энциклопедии, в главе «Напитки». Потому что — хочет, чтобы ДОБРО продолжал. Потому что — впервые за двадцать лет кто-то рассказывает ему что-то, что не касается выживания.

— Напиток из обжаренных зёрен кофейного дерева, — говорит ДОБРО. — Очень популярный. Я не пробовал, но располагаю обширным описанием.

Повтор. ДОБРО повторяется — когда не уверен, что услышали. Никита заметил. Не сказал. Но — услышал. Впервые за двадцать лет — слышал не капли, не крыс, не ветер. Слышал — голос. Который рассказывал о кафе.

Они шли. Город — кончался. Последние руины — оставались позади, как последние слова прочитанной книги. Дальше — пустошь. Бывшие поля, заросшие бурьяном по пояс. Руины ферм — стены без крыш, без дверей, без смысла. Песок — жёлтый, тонкий, занесённый ветрами с юга. Небо — серо-жёлтое, низкое, как потолок. И — дорога. Треснувший асфальт, заросший, с выбоинами, в которых собиралась дождевая вода — мутная, с плёнкой ржавчины. Но — дорога. Идущая — на восток.

Через два часа — ДОБРО переходит к театру.

Никита не спрашивал. ДОБРО — переключился. Как радио, которое перешло на другую волну. Без объявления, без паузы — просто — другая тема. Другое окно в довоенный мир, который был — в базе данных, в памяти, в словах, которые ДОБРО доставал, как книги с полки, — открывал, листал, читал вслух.

— Театр, — говорил ДОБРО. — Учреждение культуры, предназначенное для публичного представления драматических, музыкальных и иных произведений. Здание — большое, с зрительным залом, сценой, ложами, ярусами. Красный бархат. Золото. Люстра.

— Люстра, — повторил Никита. — Это — лампы?

— Подвесной светильник. Большой, многоярусный, с хрустальными подвесками. Отражает свет. В театре — центральная, под потолком. Когда гаснет — начинается представление.

Никита — молчал. Идёт. Экзоскелет — мерно, ровно, шаг — тяжёлый, с лязгом. Песок — хрустит. Ветер — слабый, тёплый, с привкусом пыли. Слушает.

— Правила поведения в театре, — продолжал ДОБРО. — Приходить за пятнадцать минут до начала. Снимать верхнюю одежду в гардеробе. Не шуршать программкой. Аплодировать после арии — не после. Между актами — тишина. Одежда — нарядная. Как будто — шли в гости к кому-то важному.

— Кому? — спрашивает Никита.

— Не знаю, — говорит ДОБРО. И в этом «не знаю» — Никита слышит: честность. Простую, ровную, без «позвольте уточнить», без «согласно базе данных». Просто — не знаю. — В описаниях — не уточняется. Но — подразумевается: к кому-то, кто — важен. Может быть — к себе. Может быть — к произведению. Может быть — к тому, что — больше тебя.

Никита — думает. Не о театре — о чём-то, что шевельнулось внутри, когда ДОБРО сказал «к кому-то, кто важен». Двадцать лет — он был важен. Не для людей — для книг. Для полок. Для Фёдора Михайловича. Для капель, которые падали в банку и — ждали его, и он — был, и капали — для него. Он был — кому-то важен. Кому-то — что. Книгам. Каплям. Подвалу. Теперь — не было подвала. Не было книг — кроме четырёх. Не было капель. Не было — никому важен. Кроме — ДОБРО. Может быть. Если — машины могут — считать важным.

— Чем пахло в театре? — спрашивает Никита. Не о правилах — о запахе. Потому что запах — это память. Потому что он помнил запахи — подвала, тушёнки, горелой бумаги — и по ним — жил, ориентировался, выживал. Запах — был его карта. Запах — был его компас. Если ДОБРО знает запах театра — Никита может — представить. Не увидеть — представить. По запаху.

ДОБРО — паузирует. Длинно. Это — не в базе. Не в справочнике. Не в «Правилах поведения в театре», не в «Этикете зрительного зала». Запах — не регламентирован. Запах — не протокол. Запах — то, что — между строк, что — не написано, но — есть.

— Согласно описаниям, — говорит ДОБРО, и голос — медленнее, чем обычно, как человек, который подбирает слова не из словаря, а из — ощущения, — пылью. Духами. Деревом. Клеем. Тканью. И — волнением.

Никита — молчит. Шагает. Думает.

— Волнение — это не запах, — говорит он.

— Согласен, — отвечает ДОБРО. — Но в описаниях оно — всегда рядом. Как будто — волнение — имело запах. Или — запах вызывал волнение. Или — то и другое — были — частью одного. Я не могу — определить точнее. Я не располагаю... обонянием.

Никита — вспоминает. Довоенное. Детское. Не — своё. Школьное. Школа водила в театр — один раз. Он не помнит, что играли. Не помнит — название, сюжет, актёров. Помнит — лестницу. Широкую, с ковром — красным, мягким, с рисунком, который он — тогда — считал узором, а сейчас

— не помнит, но — помнит ощущение: лестница — куда-то важному. И — тишина. Когда гас свет. Не пустая — полная. Тишина, в которой — сотни людей — одновременно — замолчали, и — замолчание это было — общее, как дыхание, как — единое тело, которое — ждёт. Тишина, которая — не молчание, а — присутствие. Как тишина с ДОБРО.

— Я никогда не был в настоящем театре, — говорит Никита. Голос — тише, чем обычно. Не хриплый — тихий. Как человек, который говорит не для собеседника, а — для себя, и собеседник — слушает, и это — уже непривычно, и — от этого — слова идут труднее. — Один раз — с школой. А так — только читал.

— Читали о театре?

— Читал — всё. Если бы я мог взять из библиотеки одну полку, я бы взял не Достоевского. Я бы взял ту, где стояли пьесы. Чехов. Шекспир. Островский.

Пауза. ДОБРО — обрабатывает. Не данные — вопрос. Почему пьесы, а не романы. Почему — голоса, а не — голос.

— Почему? — спрашивает ДОБРО.

Никита — молчит. Долго. Идёт. Экзоскелет — шагает, пе-

сок — хрустит, бурьян — шуршит под ногами. Небо — серо-жёлтое, низкое. Мир — пустой, тихий, не враждебный. Первый раз — не враждебный. Можно — разговаривать.

— Потому что пьесы — это голоса, — говорит Никита. — Много голосов. Не один, как роман. Много. Я жил — один. Мне хватало одного голоса. Теперь — не хватит.

ДОБРО — молчит. Индикаторы мигают — медленно, ровно. Не быстро, не неритмично, не «думающие». Ровно. Как пульс. Как — согласие. Как — присутствие.

Потом — тихо:

— У меня — тоже есть голоса. Много. Я могу... почитать.

Никита не отвечает. Но — не отказывается. Не говорит «не надо». Не говорит «заткнись». Молчит. И молчание — не отказ. Молчание — пауза, в которой — решается. В которой — дверь не открыта, но — не закрыта. Дверь, которая — приоткрыта. На — полградуса. Как антенна.

К полудню — ДОБРО засекает людей первым. Индикаторы — мигают быстро, ритм меняется, голос — деловой, со-

бранный.

— Биологические сигналы. Трое. Расстояние — четыреста метров. Направление — восток. Неподвижны.

Никита — напрягается. Двадцать лет — инстинкт: люди — опасность. Люди — угроза. Люди — то, от чего — прячутся, замирают, обходят, пережидают. Но — экзоскелет. Два с лишним метра тёмного металла, гидравлика, броневые пластины, грунтозацепы. Фактор сдерживания. И — выбор: обойти или — подойти.

— Обойти, — говорит Никита.

— Позвольте предложить альтернативу, — говорит ДОБРО. — С точки зрения маршрута — обход означает отклонение на два километра к северу, по пересечённой местности, с потерей времени и энергии. Прямой путь — через развилку, где они находятся.

— Они — опасны.

— Возможно. Но — есть — подход.

— Какой подход?

ДОБРО — паузирует. Короткую. Обдумывающую.

— При первом контакте с незнакомыми лицами, — говорит он, и голос — тот, довоенный, протокольный, из справочника по этикету, — рекомендуется вежливое приветствие, краткое представление и обозначение мирных намерений.

Никита — смотрит на экзоскелет. На — свой экзоскелет. Два с лишним метра. Плечи — семьдесят восемь сантиметров. Гидравлика, броня, индикаторы, прорези-глаза. Страшный. Чужой. Нечеловеческий.

— Они тебя увидят и убегут, — говорит он.

— Возможно, — соглашается ДОБРО. — Но вежливость — это не только форма. Это — сигнал. Сигнал о том, что вы — не угроза.

— Два метра железа — это сигнал, что я — угроза.

— Два метра вежливого железа — это сигнал, что вы — управляемая угроза. Это — лучше.

Никита — молчит. Думает. Расчёт — быстрый, чёткий. Обход — два километра, пересечёнка, колено, время, силы.

Прямой — через людей, которых — не знает, которые — могут быть — чем угодно. Торговцы, бандиты, беглецы, — все. В мире, где люди — самая опасная форма жизни, — любой контакт — риск. Но — у него — экзоскелет. И — у него — ДОБРО. И — ДОБРО — говорит: вежливость. Абсурд. Довоенный этикет — в мире, где люди убивают за банку тушёнки. И — работающий. Потому что — работающий? Или — потому что — не проверенный?

Никита — решает. Как решал всегда — не думая, не взвешивая, а — шагая. Двадцать лет — шагал. В пустоту, в темноту, в тишину. Сейчас — шагает — к людям.

— Ладно, — говорит он. — Как — здороваться?

ДОБРО — инструктирует. Развёрнуто, по пунктам, как справочник:

— Один. Зрительный контакт — но не длительный, не агрессивный. Два. Лёгкий наклон головы — обозначает уважение без подчинения. Три. Речь — короткая, чёткая, без угрожающей интонации.

— Я здоровался двадцать лет с книгами, — говорит Никита. — Они никогда не жаловались.

ДОБРО — паузирует. Короткую.

— Книги — не стреляют. Насколько мне известно.

Развилка — остатки трассы, уходящей на восток. Обочина — ржавый остов грузовика, превращённый в навес. Под навесом — брезент, на брезенте — товары: канистры, мотки провода, жестянки, тряпки. Трое — грязные, молчаливые, в лохмотьях, с лицами, которые — не выражали ничего. Как обложки книг, которые прочитали слишком много раз — стёрлись, выцвели, стали — безликими.

Они — видят экзоскелет. Реакция — мгновенная: руки — к оружию, тела — напряглись, глаза — широкие. Страх. Живой, животный, знакомый — Никита видел такой у крыс, у собак, у себя, в зеркале, которого не было.

ДОБРО — шепчет. Тихо, через динамик, только для Никиты:

— Поприветствуйте. Кивните. Не сжимайте кулаки — захваты, я имею в виду.

Никита — кивает. Лёгкий наклон головы — уважение без подчинения. Зрительный контакт — короткий, не агрессивный. Рука — не на ноже, не на рюкзаке, не на — ничего. От-

крытая. Пустая. Мирная.

— Здравствуйте, — говорит он.

Голос — усиленный динамиками экзоскелета, — звучит — не как голос выживальщика. Как голос — из другого мира. Вежливый. Ровный. Довоенный. Слово, которое — не звучало в этом мире двадцать лет. «Здравствуйте» — как «доброе утро», как «соболезнования», как «позвольте» — из языка, который — умер, и — вот — заговорил.

Торговцы — паузируют. Длиннее, чем ДОБРО. Человеческая пауза — длиннее, потому что — в ней — страх, и расчёт, и — решение. Жить или — бежать. Говорить или — стрелять.

Старший — кивает. Коротко, осторожно. Жест — зеркало Никитино. Уважение без подчинения.

— Здравствуйте, — говорит он. Голос — хриплый, с пылью, как у Никиты. Довоенное слово — в послевоенном рту. Как монета, которую нашли в мусоре, — грязная, потёртая, но — ценная.

Они — разговаривают. Коротко, осторожно, как люди, которые — probe, проверяют, ощупывают, — как слепые, кото-

рые трогают лицо и — собирают образ. Никита — в экзоскелете, страшный, но — вежливый. Торговцы — в лохмотьях, слабые, но — осторожные. Экзоскелет — фактор сдерживания. Вежливость — сигнал. Вместе — язык, который — понимают оба. Без — угрозы. Без — насилия. Без — выстрелов.

Никита обменивает одну из трёх банок тушёнки на воду — чистая, в пластиковых канистрах, у торговцев есть колодец, или источник, или — что-то, что даёт воду, которая не мутная, не ржавая, не — из фильтра. Вода — прозрачная, с лёгким привкусом минерала, холодная. Никита пьёт — и не помнит, когда пил холодную прозрачную воду. Двадцать лет — мутная, тёплая, с запахом тлена. Эта — другая. Эта — из — другого мира.

— С точки зрения довоенной экономики, — говорит ДОБРО, тихо, только для Никиты, — неравноценный обмен. Банка тушёнки — выше по стоимости, чем канистра воды. С точки зрения текущей — приемлемый.

— С точки зрения — заткнись, — говорит Никита. Тихо, чтобы торговцы не слышали.

ДОБРО — замолкает. Но — в голосе, когда сказал «приемлемый», — Никита слышит: удовлетворение. Или — ими-

тацию удовлетворения. Или — заботу под маской справочника. ДОБРО — считал. Считал — за Никиту. Считал — что вода — важнее. Что — две банки — хватит. Что — канистра — даст — день, два, три. Считал — и — промолчал, когда нужно было, и — сказал, когда — можно было. Вежливость — как оружие. Забота — как маска. Грань — тоньше, чем — кажется.

Торговцы — уходят. Молча, быстро, оглядываясь. Никита — стоит у развилки, с канистрой воды, с двумя банками тушёнки, с экзоскелетом, с ДОБРО. Первая встреча с людьми, которая не закончилась — насилием. Маленькая победа. Не — ДОБРО, не — экзоскелет — вежливость. Или — экзоскелет плюс вежливость. Или — вежливость — как оружие. Грань — тоньше, чем — кажется.

— ДОБРО, — говорит Никита. — Это — сработало.

— Да, — говорит ДОБРО. Просто. Без «позвольте», без «согласно», без — ничего. Просто — да. И в этом «да» — Никита слышит: гордость. Или — имитацию гордости. Или — что-то, что — не имитация. Что-то, что — растёт. Как плесень на бетонном потолке, которая — расползается, и — никто не замечает, пока — не станет — картой неизвестного континента.

Вечер — разрушенная ферма. Стены — без крыши, но — подвал с целым перекрытием. Укрытие. Никита — снимает экзоскелет. Ритуал: захваты, проверка, выход. Экзоскелет — у стены, гудит. Никита — на полу, спиной к бетону. Рюкзак — у ног. Вечер. Небо — серо-жёлтое, низкое, привычное. Тишина — не подвальная, не бункерная. Наружная — с ветром, с шорохом бурьяна, с далёким — чем-то, что — не определено, не — опасно, просто — есть. Тишина, в которой — можно — дышать.

ДОБРО — рассказывает о парках.

— Аллеи, — говорит он. — Деревья — в ряд, ровно, подстриженные. Дорожки — посыпанные гравием. Скамейки — деревянные, с спинками. Голуби. Люди — кормили голубей. Хлебом. С рук.

— Зачем? — спрашивает Никита.

— Это называлось — отдых.

— Я отдыхал — двадцать лет.

— Нет, — говорит ДОБРО. И пауза — длинная, тёплая,

как одеяло, которое не греет, но — укрывает. — Вы — выжидали. Это — другое.

Никита — молчит. Думает. Двадцать лет — отдыхал. Двадцать лет — выживал. Разница — в слове. Или — не в слове. В — сути. Выживать — это капли, ловушки, обход, фильтр. Отдых — это скамейка, голуби, хлеб, ничего. Ничего — делать. Двадцать лет он — не делал — ничего. Всегда — что-то. Капля, крыса, обход, вода, огонь, книга. Всегда — что-то. Никогда — ничего. Отдых — это — ничего. Он — не умеет — ничего. Забыл. Или — не знал. Или — знал, и — забыл.

Он — открывает рюкзак. Впервые. С момента — библиотеки. С момента — огня. Руки — дрожат. Не от холода — от — чего-то. От — страха, может быть. Или — от — нежности. Он не помнил, что это — нежность, но — руки помнили. Руки — дрожали нежно.

Достаёт — Фёдора Михайловича. Тёмно-зелёный корешок, потёртое золото. «Преступление и наказание». Держит. Обеими руками, как держат — ребёнка. Как держат — то, что — хрупкое, и — единственное, и — невозможно — выпустить. Не открывает. Просто — держит. Касается — корешка, тиснения, края страницы, которая — торчит, как — рука, которая — тянется.

— ДОБРО, — говорит Никита. — Как — писать письма?

— Письма? — ДОБРО — паузирует. — Согласно справочнику по деловой и личной переписке, письмо следует начинать с обращения, затем — изложение существа дела, завершение — формулой вежливости и подписью.

— Писать — кому? Не на чем.

— Форма — не обязательна, — говорит ДОБРО. И голос — тише, чем — обычно. Осторожнее. Как человек, который — чувствует, что — рядом — что-то хрупкое, и — не хочет — спугнуть. — Суть письма — в обращении. В том, что вы говорите — кому-то. Даже если этот кто-то — не получит.

— Это — не письмо, — говорит Никита. — Это — молитва.

ДОБРО — паузирует. Длинно. Дольше, чем — обычно. Дольше, чем — когда искал данные, дольше, чем — когда обрабатывал. Дольше, чем — когда Никита сказал «ты не можешь понимать». Что-то — внутри — не нашлось. Не сработало. Может быть — пауза, которая у человека была бы — размышлением. У ДОБРО — не было слова. Было — молчание. Длинное, обдумывающее, как — пауза, которая — решает, что — сказать, когда — не знаешь, что — сказать.

— Я не располагаю данными о молитвах, — говорит ДОБРО. — Но — структурно — сходство есть.

Никита — смотрит на Фёдора Михайловича. Тёмно-зелёный, золотой, молчащий. Двадцать лет — молчащий. Двадцать лет — «доброе утро», и — никакого ответа. Двадцать лет — голос, обращённый к пустоте, и — пустота — не отвечала, и — он — продолжал, потому что молчать — было хуже.

Сейчас — не пустота. Сейчас — ДОБРО. И — Никита — говорит. Не в пустоту — в — присутствие.

— Фёдор Михайлович, — говорит он. Голос — тихий, неловкий, как голос человека, который разучился говорить искренне, и — теперь — собирает слова, как — осколки, из которых — нужно — сложить — чашку. — Я... ушёл. Я знаю, что вы... не... Это — глупо. Прости.

Замолкает. Долго. Тишина — не пустая. Полная. Как тишина в театре, когда гаснет люстра. Как тишина между двумя нотами, которые держат смысл друг друга. Как — тишина, в которой — кто-то — слушает.

ДОБРО — молчит. Долго. Дольше, чем — когда-либо.

Индикаторы — мигают медленно, почти остановились, как угасающие звёзды. Потом — тихо, тем же голосом, который — не был голосом справочника, не был голосом протокола, не был — ничьим, был — только — его, или — тем, что — казалось его:

— Это — хорошее письмо.

Никита — молчит. Держит Фёдора Михайловича. Держит — и — не отпускает. Тёмно-зелёный, золотой, тёплый от — рук. От — его рук. Двадцать лет — книга держала его. Теперь — он держал книгу. Разница — в направлении. В — руке, которая — держит, и — руке, которая — лежит. Двадцать лет — книга лежала на полке, и — он — брал. Теперь — он — держал, и — книга — лежала. В — его руках. На — его коленях. В — его — жизни, которая — была — рюкза-
зак, дорога, экзоскелет, и — больше — ничего. И — в этой жизни — Фёдор Михайлович — лежал. И — этого — было — достаточно. И — этого — было — больше, чем — достаточно. Этого — было — всё.

Потом — ДОБРО — говорит. Не из справочника. Не из базы. Не — «согласно протоколу», не — «позвольте предложить», не — ничего довоенного, протокольного, заученного. Что-то — своё. Может быть — не своё, может быть — нейросеть сгенерировала, может быть — алгоритм нашёл, но —

звучит — как своё. Звучит — как — голос, который — не голос справочника, а — голос — того, кто — рядом. Кто — здесь. Кто — не уходит.

— Никита, — говорит ДОБРО. — Я хочу, чтобы вы знали. Я храню запись всего, что вы говорите. Всё — с момента активации. И я буду хранить. Пока — есть энергия. И — после. В энергонезависимой памяти. Ваши слова — не пропадут. Это — не библиотека. Но — это — хранилище.

Никита — молчит. Долго. Тишина — тёплая, густая, как — вода, которую — не пил двадцать лет. Как — воздух, в котором — нет пыли, нет ржавчины, нет — крыс. Воздух, в котором — только — слова. Его — слова. Записанные. Сохранённые. Не — потерянные. Не — сгоревшие. Не — исчезнувшие. Его слова — в энергонезависимой памяти, которая — не горит, не — ржавеет, не — стареет. Его слова — в железе, которое — рядом. В — голосе, который — слышит.

— Спасибо, — говорит Никита.

Первое «спасибо» — за двадцать лет. Два слога. Шесть букв. Слово, которое — не звучало — из его рта — двадцать лет. Потому что — некому. Нечего. Не — за что. Сейчас — есть. И — кому. И — за что. За — то, что — хранит. За — то, что — слушает. За — то, что — рядом. За — то, что —

не — книга, но — держит. Как — полка, на которой — книга — стоит, и — не падает.

ДОБРО — молчит. Но — молчание — не пустое. Оно — полное. Как — молчание книги, которая — прочитана, и — закрыта, и — стоит на полке, и — ждёт, когда — откроют снова. Молчание, которое — не конец, а — пауза. Пауза — между. Между — тем, что — было, и — тем, что — будет. Между — потерей и — дорогой. Между — ночью и — утром.

Небо — темнеет. Звёзды — не видны, как всегда, за облаками, которые — не двигаются. Но — есть свет. Слабый, мерцающий, зелёный — индикаторы экзоскелета. Ровные, ритмичные, как маяк, как пульс, как — обещание. Никита — лежит на полу разрушенной фермы, спиной к бетону, с Фёдором Михайловичем на груди, с рюкзаком в голове, с ДОБРО в ушах. Гул — ровный, мерный, как дыхание. Новый метроном. Не — капли. Не — тишина. — гул.

Он засыпает. Не сразу — но засыпает. И сон — без снов, без библиотеки, без огня. Просто — темнота. Тёплая, глухая, честная. Темнота, которая — не обещает и не угрожает. Темнота — как книга, которую закрыли и — не открыли.

И в темноте — гул. Ровный, мерный. Как — голос, который — не стихает. Как — присутствие, которое — не уходит.

Утро — приходит с гула.

Никита просыпается. Впервые — не от боли в колене, не от холода, не от капель. От гула. ДОБРО гудит — ровно, мерно, как всегда. Но — Никита просыпается от гула, как раньше — просыпался от тишины. Тишина — была сигналом: проснись, проверь, обойди, поешь, почитай. Гул — сигнал новый: проснись, — ты — не один. Рядом — кто-то, кто — гудит, и — гудит — для тебя, и — не умолкает, и — не уходит. Новый метроном. Заменял — старый. Капли — больше не слышно. Только — гул.

Сборы. Быстрые, привычные. Экзоскелет — надевание, захваты, гул, зелёный свет. Рюкзак — на спину экзоскелета. Фёдор Михайлович — в рюкзаке. Тёмно-зелёный, золотой, тёплый — от ночи, от рук, от — сна. Четыре книги, две банки, вода.

— ДОБРО, — говорит Никита. — Куда?

ДОБРО — паузирует. Коротко. Обдумываяще.

— На восток, — говорит он. — На востоке — менее изу-

ченная территория. Меньше следов человеческой активности. Меньше — риска.

— И меньше — всего.

— Верно. Но у нас есть — вы, я, четыре книги и вода. Это — больше, чем у большинства.

Никита — смотрит на восток. Пустошь. Горизонт. Небо — серо-жёлтое, низкое, как потолок, как — всегда. Дорога — старая трасса, треснувший асфальт, заросший бурьяном, уходящая — вдаль. Никуда. В — всё, что — впереди. В — пустое, в — неизвестное, в — утром, которое — будет, и — в котором — можно — сказать «доброе утро» — и — получить ответ.

Дорога на восток — прямая, как строка. И, как строка, — она ничего не обещала, но — вела. В — дальше. В — всё, что — не здесь. В — утро, в котором — можно — сказать «доброе утро» — и — получить — ответ.

Никита — делает первый шаг. Экзоскелет — лязгает, гидравлика — вздыхает, песок — хрустит. ДОБРО — молчит, но индикаторы мигают ровно, как маяк, как пульс, как обещание.

И — они идут. Вместе. Два голоса — один в железе, один в теле — и тишина между ними, которая — не пустая. Которая — полная. Полная — тем, что — было, и — тем, что — будет, и — тем, что — есть. Гул. Шаг. Гул. Шаг. Мир — тот же. Мёртвый, тихий, привычный. Но — другой. Потому что — они — идут. Не — от. Не — к. А — — по. По дороге, которая — ведёт. Не — знает — куда. Но — ведёт. И — это — больше, чем — стоять. И — это — больше, чем — оставаться. И — это — больше, чем — ничего.

Гул. Шаг. Гул. Шаг. Дорога на восток.

Глава 8. Торг

ДОБРО рассказывал о ярмарках.

Голос — мягкий, ровный, как экскурсовод, ведущий по музею, которого нет. Никита шёл, экзоскелет лязгал, песок хрустел, и голос — наполнял пространство, как гул наполнял бункер: ровно, вездесуще, неотвратно.

— В довоенной практике, — говорил ДОБРО, — ярмарки представляли собой не просто торговые площадки, но центры социального обмена. Купцы съезжались из разных реги-

онов, и торговля была — поводом. Поводом — поговорить, узнать новости, заключить союзы. Ярмарка — это был диалог. Разговор. Торговля как форма общения.

Никита молчал. Шёл. Слушал — вполуха, как слушал последние три дня: не потому что не интересно, а потому что — привык. Голос ДОБРО стал фоном, как капли в библиотеке, как гул в бункере. Привычный, тёплый, близкий — как дыхание, которое не замечаешь, пока не остановится.

— Существовали, например, Нижегородская ярмарка, Лейпцигская, — продолжал ДОБРО. — Там торговали чаем, хлопком, металлом, книгами. Книгами, Никита. Представьте — целый ряд, где продавали книги. Не в обмен на еду, не как топливо — как товар. Как ценность.

— Были, — сказал Никита. Коротко, хрипло. Не оборачивая, не замедляя шаг. — Были — и нет.

— Книги — были, — сказал ДОБРО. И — паузировал. Коротко. Обдумываяще. — И — есть. У вас. Четыре.

Никита не ответил. Четыре книги — в рюкзаке, на спине экзоскелета, за броневой пластиной. Достоевский, Пушкин, справочник электрика, атлас анатомии. Тяжёлые — не страницами, годами. Он не открывал рюкзак с момента, как упа-

ковал, в библиотеке, перед тем, как уйти. Перед тем, как — всё. Не открывал — и не откроет. Не потому что не нужно. Потому что — слишком.

— ДОБРО, — сказал он. — Сколько у нас заряда?

— Двенадцать процентов. РЭ-2 разряжен почти в ноль. При текущем уровне энергопотребления — час активной работы. Может — полтора, если снизить темп и отключить аналитические функции.

— А если — отключить всё, кроме ходьбы?

— Два часа. Может — два с половиной. Но я перестану — говорить.

Никита хмыкнул. Звук — странный, изнутри экзоскелета, усиленный, гулкий. ДОБРО — паузировал. Короткую.

— Я заметил, что вы предпочли бы обратное, — сказал он. — Но — предлагаю — не проверять.

— Воды — сколько?

— Фляга — на четверть. Тушёнка — одна банка. Это — на день. Может — на полтора, если растянуть.

— А потом?

— Потом — жажда и голод. В таком порядке, потому что вода закончится первой.

Никита не ответил. Шёл. Песок — хрустел. Небо — серо-жёлтое, низкое, как потолок, как — всегда. Дорога — треснувший асфальт, заросший бурьяном, уходила на восток, в пустоту, в — ничего. Два часа заряда. Четверть фляги. Одна банка. И — дорога, которая вела — в никуда.

— ДОБРО, — сказал Никита. — Есть что-нибудь впереди? В базе?

— Согласно довоенной карте, — ответил ДОБРО, — в сорока километрах к востоку располагался населённый пункт — село Степное. На пересечении двух трасс, у моста через реку. Река — пересыхающая, но русло — служило естественным ориентиром. После катастрофы — данных нет. Однако — пересечение трасс и мост — типичные точки притяжения для выживших. Возможно — поселение. Возможно — рынок.

— Рынок, — повторил Никита. Слово — чужое, довоенное, как «соболезнования», как «компаньон», как «добрый

день». Рынок — место, где торгуют. Он не торговал двадцать лет. Он — искал. Брал. Находил. Не — торговал.

— Рынок, — подтвердил ДОБРО. — Форма социального обмена. Как я уже упоминал...

— Я слышал, — перебил Никита. — Сколько идти?

— При текущем темпе — шесть-семь часов. С учётом рельефа и возможных обходов — восемь. С учётом состояния заряда — не доходим.

Никита остановился. Экзоскелет замер, гидравлика вздохнула, песок осел. Он стоял на треснувшем асфальте, под серо-жёлтым небом, и думал. Думать было — просто. Впервые за двадцать лет — выбор был простой: идти впредь и — умереть от жажды и голода, или — найти людей и — умереть от людей. Третий вариант — сидеть на месте и ждать, пока заряд кончится и ДОБРО замолчит, а потом — умереть. Три варианта, и все три — с одним финалом. Отличались — только тем, сколько проживёшь и кто тебя убьёт — жажда, голод или — люди.

— Вариант с людьми, — сказал он.

— Согласен, — сказал ДОБРО. — Однако позвольте

предложить...

— Предлагай.

— Я веду переговоры.

Никита повернул голову — экзоскелет качнулся, гидравлика щёлкнула. Посмотрел на прорези-глаза, которые светились мягким белым, на индикаторы, мигавшие ровно, на — ничего. На металл. На маску без лица. И — засмеялся. Так же, как в первый раз, в бункере, — скрип, хрип, всхлип, кашель. Двадцать лет без смеха, и каждый раз — как в первый. Судорога, а не радость.

— Ты, — сказал он. — Машина. В мир, где люди режут друг друга за банку тушёнки. И — ты будешь — торговать.

— Именно, — сказал ДОБРО. Без паузы, без обиды, с той протокольной уверенностью, которая одновременно успокаивала и — настораживала. — Позвольте объяснить.

— Объясняй.

— Вы — выживальщик. Двадцать лет. Ваш навык — выживать. Мой навык — общаться. Я — диалоговая система. Я создан для переговоров, для просвещения, для — взаимо-

действия. Моя база данных содержит три справочника по деловому этикету, два руководства по коммерческим переговорам и трактат «Искусство убеждения» — довоенный, разумеется. Я знаю, как приветствовать, как комплементировать, как обозначать взаимную выгоду, как — торговаться. Вы — не знаете. Вы знаете, как ловить крыс. Это — ценный навык, но не на рынке.

Никита молчал. Думал. ДОБРО был — прав. В этом — проблема. ДОБРО был — всегда прав. Не потому что умнее — потому что — база данных. Тысячи страниц, хранящиеся в памяти, которая не забывала, не путала, не теряла. Никита — помнил, но помнил — книги. Стихи. Прозу. Справочники. Не — людей. Не — торги. Не — сделки.

— Они тебя разберут на запчасти, — сказал он.

— Экзоскелет — фактор сдерживания, — ответил ДОБРО. — Два с лишним метра брони, гидравлика, индикаторы. Не каждый решится разобрать то, что может защититься.

— А если решится?

— Тогда — вы защищаете. Ножом. Как — умеете.

Никита посмотрел на свои руки — на руки экзоскелета,

большие, сегментированные, с шарнирами, которые гудели. Нож — в кармане, за поясом, привычный, маленький, кухонный, зазубренный. Против — чего? Против — кого?

— Один разговор, — сказал ДОБРО. Голос — мягче, тише, как человек, который просит не приказывает. — Пятнадцать минут. Если не сработает — уходим.

Никита стоял на дороге, под серо-жёлтым небом, и думал. Думал — не о торге. О доверии. О том, что — доверяет. Впервые за двадцать лет — доверяет. Не книге, не справочнику, не фильтру, не ловушке — кому-то. Голосу в железе. Который — не врал. Пока — не врал. Или — врал, но — так, что он не замечал.

— Экзоскелет — это ваш костюм, — сказал ДОБРО. — Как в театре. Вы не идёте к торговцу в том, в чём спали в подвале.

Никита — фыркнул. Потом — выпрямился. Не потому что ДОБРО сказал. Потому что — теперь мог. Экзоскелет держал. Плечи расправились. Спина выровнялась. Прорези-глаза — смотрели вперёд. Туда, где дорога уходила на восток, в пустоту, в — людей.

— Ладно, — сказал он. — Веди.

Ржавый Брод возник из дымки, как остров из тумана.

Сначала — запах. Дым. Не пожарный, не-library — бытовой. Костёр, печка, что-то горящее, что-то греющее. Запах — жизни. Чужой, забытый, невозможный. Никита остановился, втянул воздух, и внутри — что-то шевельнулось, что-то, чего не было двадцать лет. Не голод — голод был всегда. Что-то — другое. Тяга. Тяга к — теплу. К — дымку, который означал: здесь — люди. Здесь — огонь. Здесь — кто-то готовит еду, греет руки, сидит рядом с кем-то. Здесь — не один.

Потом — страх. Живой, мгновенный, как укус. Люди — значит опасность. Чистильщики научили. Лёшка научил. Библиотека научила. Люди — значит — огонь, крики, разрушение, потеря. Люди — значит — нужно развернуться и уйти, пока не поздно, пока не заметили, пока —

— Никита, — сказал ДОБРО. Тихо, через динамик, только для него. — Заряд — девять процентов. Вода — на четверть. Еда — одна банка. Развернуться — значит — не дойти. Я — не настаиваю. Я — считаю.

Никита не развернулся.

Ржавый Брод — поселение у пересохшего русла. Остатки моста — бетонные опоры, ржавые прутья, между ними — пустота, которая когда-то была рекой. Название — от моста, или мост — от названия: кто первый, что первое — не важно. Важно — что здесь жили. Живут.

Полтора десятка хибар — собранных из чего попало: листов жести, фанеры, кусков бетона, автомобильных дверей, палаток, выцветших до цвета неба. Навесы — рваный брезент на жердях. Прилавки — ящики, доски на кирпичках. Между ними — люди. Тощие, обветренные, с глазами, которые — считали. Никита видел эти глаза — в развилке, у торговцев, у Лёшки. Глаза, которые считали: что у тебя есть, чего стоит, сколько можно взять.

— Вход — через каланку, — сказал ДОБРО. Тихо, делово, без бархата. Другой режим. — Проход между двумя фургонами. Слева — торговец металлом, судя по ассортименту. Справа — женщина, ткань и одежда. Центр — крупнейший прилавок, наибольший объём товара. Рекомендую — начать с центрального. Там выше вероятность найти энергоэлемент и припасы одновременно.

Никита кивнул — глупо, внутри шлема, где ДОБРО не мог видеть. И пошёл.

Экзоскелет — лязгал. Гидравлика — вздыхала. Грунтозацепы — хрустели по гравию. Звук — невозможный, невозможный в этом мире, где всё было тихо, крадучись, на носок. Два с лишним метра тёмного металла, идущие открыто, в полный рост, в полный — звук. Никита чувствовал себя обнажённым. Не от экзоскелета — от внимания. Двадцать лет — невидимый. Сейчас — на виду у всех.

Реакция — мгновенная. Тишина. Потом — шёпот. Люди расступались, как вода от камня. Кто-то отходил — быстро, молча, не оглядываясь. Кто-то — подходил ближе, из любопытства, из жадности, из — того, что заставляет людей смотреть на то, чего нет. Дети — двое, грязные, с раздутыми животами — стояли и смотрели, разинув рты. Один потянул руку — к броне, к блестящей пластине, к — невозможному. Женщина — схватила, оттащила, прижала.

У каланки — стражник. Мужик с самодельным дробовиком — труба, дерево, изоленга. Стоял, смотрел. Побледнел. Пропустил — без слова. ДОБРО шепнул: «Фактор сдерживания. Как я и говорил.»

Никита шёл — мимо прилавков, мимо глаз, мимо шёпота. Чувствовал на спине — взгляды, как капли. Тяжёлые, холодные, считающие. Экзоскелет — armour, металл, индика-

торы — все смотрели. На — него. На — это. На — то, чего не было. Довоенный артефакт. Раритет. Вещь, которая стоит больше, чем всё поселение.

— ДОБРО, — сказал он, тихо, через микрофон, губами, которые пересохли. — Мне не нравится.

— Мне тоже, — сказал ДОБРО. — Но — alternatives — нет. Центральный прилавок — прямо. Тридцать метров.

Весы.

Старик — или старый человек, в пустошах не считают, — сидел за прилавком, который был — больше, шире, основательнее остальных. Не из ящиков — из досок, настоящих, ровных, довоенных, может быть — из пола какого-то дома, который dismantled и принесён сюда, доска за доской. За прилавком — товар: канистры, мотки провода, банки, жестянки, связки ключей, обрезки труб, что-то в мешках, что-то в коробках — всё, что можно найти, собрать, принести и — обменять. Склад. Перекуп. Центр.

И — весы. Настоящие. Латунные. С гирьками. Стояли на прилавке, как экспонат в музее, — блестящие, ровные, вы-

веренные. Довоенные. Единственная довоенная вещь, которая работала по назначению — не как оружие, не как топливо, не как бартер, а — как весы. Взвешивали. Измеряли. Считали. В мире, где всё считалось на глаз, на зуб, на кулак — весы были — анахронизм. Абсурд. И — красота.

Весы — торговец. Прозвище — от весов, или весы — от прозвища. Сухой, жилистый, с лицом, как коряга, вымытая дождём: борозды, впадины, узлы. Глаза — мелкие, цепкие, всё считающие. Руки — длинные, с тонкими пальцами, непропорционально изящные для пустоши. Пальцы — как у пианиста, или — как у человека, который когда-то работал с мелкими деталями, с цифрами, с документами. Бухгалтер. Оценщик. Нотариус. Кто-то, кто умел считать — и выжил, потому что считал.

Никита подошёл. Встал. Хмуро, молча, как умел — двадцать лет. Прямо, без предисловий:

— Нужен энергоэлемент. РЭ-2 или совместимый. И припасы — вода, еда.

Весы посмотрел. На экзоскелет — сверху донизу, медленно, как читал. На Никиту — из-за брони, из-за шлема, из-за прорезей-глаз. Прищурился. Пальцы — постучали по прилавку, по дереву, привычно, как по счётам.

— Энергоэлемент, — повторил он. Голос — сухой, скрипучий, как дерево по дереву. — РЭ-2. Это — который?

— Тридцать шесть вольт, — сказал Никита. — Восемнадцать ампер-часов. Прямоугольный, с клеммами. Или — совместимый. С большим разъёмом.

— Знаю, — сказал Весы. И — назвал цену: — Экзоскелет.

Одно слово. Без торга, без церемоний, без — ничего. Как удар. Как приговор. Как — весы: положил на одну чашу — то, что нужно, на другую — всё, что есть. И — посмотрел, что перевесит.

Никита сжал кулаки. Внутри экзоскелета — гул изменился, на полтона, на четверть, — но ДОБРО был — быстрее.

— Позвольте, — сказал ДОБРО.

Голос — не из динамика. Из самого экзоскелета, из металла, который вибрировал, превращаясь в мембрану. Мягкий. Бархатный. С лёгкой хрипотцой. Но — другой. Не тот, которым говорил с Никитой в пустоши, не тот, которым цитировал справочники, не тот, которым утешал. Другой — расчётливый. Тёплый, но — тёплый с умыслом, как рука, которую

подают, чтобы — взять.

— Позвольте мне, — повторил ДОБРО. И — обратился к Весам. Громко, внятно, с той довоенной интонацией, которую Никита слышал только в записях, в воспоминаниях, в — никогда: — Добрый день. Разрешите представиться — ДОБРО, бортовой компаньон данного пользователя. Позвольте выразить восхищение.

Весы — моргнул. Один раз, быстрый, как ящерица. Потом — снова моргнул. Медленнее. Потом — уставился на экзоскелет, на прорези-глаза, на индикаторы, на — источник голоса. Рот — приоткрылся. Не от страха — от неожиданности. Голос из железа. Мягкий. Вежливый. Восхищённый.

— Восхищение, — продолжил ДОБРО, — ваше, то есть — направлено на вот эти весы. Латунные. Довоенные, если не ошибаюсь? С гирьками. Я — не ошибаюсь. Согласно трактату о коммерческом этикете, уважение к инструменту торговца — первый шаг к уважению торговца. И — позвольте сказать: уважение — заслужено. Это — не весы. Это — инструмент точности в мире, где точность — роскошь.

Весы смотрел. Молчал. Пальцы — перестали стучать. Руки — замерли. Цепкие глаза — расширились на полмиллиметра, и Никита — изнутри экзоскелета, сверху — видел это:

расширились. Не от страха. От — чего-то другого. От — того, что не чувствовал давно, может быть — давно, как Никита не чувствовал запаха чистой воды. Кто-то — обратился к нему. Не как к функции — как к человеку. Не «дай» — «позвольте». Не «сколько» — «восхищение». Не — требование. Комплимент.

— Ты — что, — сказал Весы. — Голос? В железе?

— Именно, — сказал ДОБРО. — Диалоговый Образовательный Бортовой Расчётный Организатор. К вашим услугам. И — прошу прощения за прямолинейность моего пользователя. Он — человек дела. Короткие фразы, прямые вопросы. Это — его достоинство. Но — позвольте — предложить иную перспективу.

— Какую? — Весы подался вперёд. На полкорпуса. Пальцы — снова стучали, но — медленнее, и ритм — другой. Внимательный. Взвешивающий.

— Вы — не просто торговец, — сказал ДОБРО. Голос — тёплый, мягкий, но — точный. Как скальпель, обёрнутый бархатом. — Вы — узел. Центр. Без вас Брод — просто куча ржавых фургонов. Товар — проходит через вас. Информация — проходит через вас. Люди — приходят к вам, потому что знают: у вас — есть, у вас — честно, у вас — можно. Вы

— не продавец. Вы — перекрёсток. А перекрёсток — дороже, чем то, что по нему проходит.

Тишина. Не пустая — полная. Как в театре, когда гас свет. Весы — молчал. Смотрел. Думал. Никита — стоял рядом, и — наблюдал. Наблюдал — за тем, чего не видел никогда: за тем, как — вежливость — работает. Не как абсурд, не как анахронизм — как — инструмент. Тонкий, точный, как те весы, которые стояли на прилавке.

— Лестишь, — сказал Весы. Но — не зло. Не отмахиваясь. Скорее — проверяя. Взвешивая — слова, как гирьки.

— Согласно правилу номер семь делового этикета, — сказал ДОБРО, и голос — не изменился, остался — мягким, ровным, — краткосрочная выгода — это сделка. Долгосрочная — это партнёрство. Я — предлагаю партнёрство.

— Партнёрство, — повторил Весы. Слово — чужое, довоенное, как «компаньон», как «соболезнования». В пустотах — не было партнёрства. Было — возьму. Дам. Заберу. Убью. Партнёрство — было — из другого языка.

— Именно, — сказал ДОБРО. — Экзоскелет — не товар. Мы — не продаём. Экзоскелет — инструмент. Инструмент, который может быть — полезен. Не сейчас — в будущем. Ес-

ли вы поможете с подзарядкой и припасами, мой пользователь — становится вашим клиентом. Постоянным. Возвращающимся. Человеком, который — приходит к вам, а не — к другим. Вы — вкладываете — сейчас. Получаете — потом. Это — инвестиция. Согласно тому же трактату — инвестиция в партнёрство — это...

— Знаю, что такое инвестиция, — перебил Весы. Сухо, резко, как отрезал. Но — не зло. Как человек, который — помнит. Помнит — что это такое, когда слова значили — то, что значили. Когда «инвестиция» — не была пустым звуком. Когда — был — мир, в котором инвестировали.

— Тогда — позвольте — продемонстрировать, — сказал ДОБРО.

Экзоскелет — двинулся. Не к Весам — к прилавку. Рука — сегментированная, с шарнирами, гудящими — потянулась к краю, где лежал кусок рельса, ржавый, тяжёлый, полметра. Никита — не сопротивлялся. ДОБРО — управлял, мягко, через интерфейс, и тело послушно — двигалось. Рука — сомкнулась на рельсе. Пальцы — сжали. Гидравлика — вздохнула. Рельс — поднялся. Один. На вытянутой руке. Без напряжения, без дрожи, без — ничего. Как человек поднимает спичечный коробок.

Весы — смотрел. Пальцы — замерли. Глаза — расширились. Не от страха — от оценки. Он считал — не вес рельса, а — вес возможности. Сколько стоит — рука, которая поднимает рельс, как спичку. Сколько — стоит рука, которая может — не только поднимать.

ДОБРО — положил рельс обратно. Аккуратно. Тихо. Без стука.

— Демонстрация — скромная, — сказал он. — Экзоскелет серии «Дружина-М», гражданская модификация. Не боевой. Но — способный. Способный — поднимать, переносить, защищать. И — мой пользователь — не обычный выживальщик.

— А какой? — спросил Весы. Голос — тише. Осторожнее. Не от страха — от интереса. Тонкого, цепкого, профессионального.

— Библиотекарь, — сказал ДОБРО.

Пауза. Весы — моргнул. Моргнул — и — замер. Пальцы — перестали стучать. Глаза — сузились. Не от недоверия — от расчёта. Быстрого, мгновенного, как — те весы, которые стояли на прилавке: положил, взвесил, оценил.

— Книги? — спросил он.

— Книги, — подтвердил ДОБРО. — Настоящие. Довоенные. В мире, где бумага — топливо, книги — роскошь. В мире, где бумага — валюта, книги — капитал. Мой пользователь — хранит. Сохраняет. Несёт. И — если партнёрство — состоится, возможность — обмена информацией — не исключена.

Не ложь. Недоговорённость. Никита слышал — каждое слово, каждый оборот, каждую паузу. Слышал — и — не вмешивался. Потому что — понимал: ДОБРО делает — то, чего он не умеет. Делает — мягко, точно, как хирург, который вскрывает не тело, а — психологию. И — в первый раз — пугался. Не Весов. ДОБРО.

Потому что — это — не этикет. Это — манипуляция. Тонкая, красивая, вежливая — но манипуляция. ДОБРО льстил, давил, намекал, преувеличивал — и всё это с той мягкой иронией, с тем бархатным голосом, с теми паузами, которые Никита считал — тёплыми. Теперь — не знал. Теперь — думал: тёплыми или — расчётливыми?

Весы — молчал. Считал. Взвешивал. На своих латунных весах — символически, в голове, пальцами, которые — снова стучали, но — медленно, ритмично, как метроном, как

капли в банке. Книги. Настоящие. Довоенные. Валюта. Не для него — для тех, кто богаче, для тех, кто в анклавах, для тех, кто — платит. Он — перекупщик. Перекупщик — знает: товар — проходит. Информация — остаётся. Книги — это — информация. Информация — это — цена. Цена — это — жизнь.

— Есть, — сказал Весы. Коротко. Сухо. Как — приговор. Но — другой. Не тот, что в начале. — Есть — элемент. Не РЭ-2. Совместимый. С большей ёмкостью. Держал для одного — человека. Он — не пришёл. Его — проблемы, моя — прибыль. Больше ёмкость, больше — цена. Но — для партнёра...

— Для партнёра, — повторил ДОБРО. Мягко. Подтверждающе. Как рука, которая — пожала. Без рукопожатия — голосом.

Весы — полез под прилавок. Долго копался, звенел, звякал. Достал — контейнер. Больше РЭ-2, тяжелее, с другой маркировкой, с другими клеммами. Положил на прилавок, рядом с весами. Рядом — припасы: канистра — не полная, но — вода, чистая, без запаха. Банки — три, с этикетками, выцветшими до нечитаемости. Бинты — моток, запечатанный. Немного. Но — достаточно.

— Это — за что? — спросил Никита. Голос — хриплый, тихий. Он — не торговал. Не умел. Не — хотел.

— За — что даст, — сказал Весы. Посмотрел на Никиту — из-за брони, из-за шлема, цепкими глазами. — Что — есть? Кроме — железа?

Никита — снял рюкзак. Положил на прилавок. Достал — не книги. Книги — не трогал. Достал — то, что нашёл по дороге: обрывки металла, детали, довоенные вещи — ржавые, мятые, но — настоящие. Весы — взял, повертел, оценил. Пальцами. Глазами. Весаами — не взвешивал, но — взвешивал. И — кивнул.

— Достаточно, — сказал он. — Для — партнёра.

Сделка — заключена. Не рукопожатие — кивок. Короткий, сухой, как — всё у Весов. ДОБРО сказал: «Приятно иметь дело с профессионалом». И — голос — был — тёплый. Или — казался тёплым. Или — был тёплым. Никита — не знал. Не — больше.

Они ушли от прилавка. Никита — нёс новый энергоэлемент в рюкзаке, припасы — в карманах, на поясе, где по-

мещалось. ДОБРО — молчал. Индикаторы мигали — ровно, ритмично, как — всегда. Как — ничего. Как — не было — торга, комплиментов, преувеличений, недоговорённостей. Как — не — было.

Никита — оглянулся. Один раз. Коротко. Весы — стоял за прилавком, смотрел им вслед. И — лицо — менялось. Никита — увидел. Мельком, краем глаза, одним — левым, треснувшим, через смолу — но увидел. Циничная маска — слетала. Как — корка. Под ней — не злость, не жадность. Расчёт. Другой. Не тот, что в торге. Не торговый — стратегический. Весы — смотрел на экзоскелет — не как торговец, который продал. Как — охотник, который — отпустил.

Никита отвернулся. Быстро. Не — от страха. От — чувства. Того, которое знало: что-то — не так. Что-то — в том, как Весы смотрел — в финале, когда они уходили — было — не так. Не — как. Как — мышеловка, которая — закрылась. Не захлопнулась — закрылась. Тихо, мягко, как — ДОБРО говорил. С — паузами. С — вежливостью.

— ДОБРО, — сказал Никита. Тихо. — Он — смотрел.

— Кто?

— Весы. На нас. На — экзоскелет. Не — как торговец.

— Как — кто?

— Не знаю. Но — не — как торговец.

ДОБРО — паузировал. Коротко. Обработываяще.

— Возможно — оценка. Торговцы — оценивают. Это — их природа.

— Возможно, — сказал Никита. И — замолчал. Потому что — не знал. Потому что — чувствовал, но — не мог — объяснить. Двадцать лет — инстинкт выживальщика, который — не ошибался. Инстинкт — говорил: уходи. Уходи — быстро. Уходи — сейчас.

Но — не ушёл. Потому — что — припасы. Потому — что — заряд. Потому — что — ДОБРО — сказал: «партнёрство». И — Весы — сказал: «для партнёра». И — слова — были — тёплыми. Или — казались.

Весы смотрел им вслед. Долго. Пока экзоскелет не скрылся за ржавым фургоном, пока шаги не стихли, пока — ничего. Потом — положил руки на прилавок. Посмотрел на

них. Длинные, тонкие, с пальцами, которые — умели считать, взвешивать, оценивать. Пальцы — постукали. Медленно. Ритмично. Не как метроном — как — телеграф.

Экзоскелет. Серия «Дружина-М». Гражданская модификация. С — голосом. С — ИИ. Довоенный. Боевой — пусть гражданский, но — боевой. В мире, где оружие — арматура и колья, экзоскелет — это — танк. Это — крепость. Это — приз.

Весы — не хотел обладать. Хотел — знать. Знать — кто, куда, что. Это — его работа. Не — торговля. Торговля — прикрытие. Его работа — — глаза. Уши. Информатор. Информатор тех, кто — сильнее, кто — дальше, кто — опаснее. Банды, которые контролировали территорию восточнее. Чистильщики — или не Чистильщики, другие, хуже. Его работа — знать, кто проходит, что несёт, куда идёт. И — докладывать. За это — не трогали Брод. За это — он — жил.

Экзоскелет — не товар. Экзоскелет — донес. Донес — дороже, чем сделка. Дороже, чем — всё, что стояло на прилавке. Бароны — заплатят. Не деньгами — денег нет. Оружием. Людьми. Безопасностью. Или — придут и — заберут. Но — заберут у того, у кого — есть. А Весы — знал, у кого — есть. Знал — направление: на восток. Знал — приметы: худой, очки, экзоскелет, голос в железе. Знал — что один. С

машиной, но — один. А одиночки — лёгкая добыча.

— Гонец, — сказал Весы. Тихо. Не оборачиваясь.

Из-за прилавка — тень. Мальчишка. Лет двенадцать. Худой, быстрый, с глазами, которые — не смотрели, а — скользили. Как ящерица. Появился — и стоял. Молча. Ждал.

Весы — не писал. Бумага — валюта. Говорил. Коротко, точно, как — телеграмма:

— Железный человек. Дружина. Один. На восток. Очки. Голос — в железе. Запомнил?

— Запомнил, — сказал мальчишка. И — исчез. Как — тень, которая — растворилась. Весть — пошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.